

АНХЕЛЕС МАСТРЕТА

ВОЗРОДИ
ВО МНЕ ЖИЗНЬ

«Возроди во мне жизнь» - увлекательная книга, повествующая от лица Каталины Гусман, жены мексиканского генерала и политика Андреса Асенсио.

Мексика, 1930-е годы 20 века. Каталина Гусман рассказывает историю своей жизни и брака с амбициозным генералом Андресом Асенсио. Изнанка мексиканской политической жизни. Честолюбие, коррупция, предательство. Интересное описание малоизвестного нам кусочка истории этого центрально американского государства.

По роману снят одноименный фильм.

Глава 1

В тот год в стране произошло множество событий. И в том числе наша с Андресом свадьба.

Мы познакомились в одном кафе в крытой галерее. Где же еще, если в Пуэбле всё происходило в галерее — и ухаживания, и убийства, будто и не существовало другого места.

В то время ему было уже за тридцать, а мне и пятнадцати не исполнилось. Я была с сестрами и их женихами, когда он подошел к нам. Он представился и присел поговорить. Мне он понравился. У него были крупные ладони, а губы пугали, когда он их стискивал, и придавали уверенности, когда смеялся.

Словно у него была два разных рта. Во время разговора его волосы растрепались и падали на лоб с той же настойчивостью, с какой он отбрасывал их назад, как делал всю жизнь.

Его нельзя было назвать привлекательным. Глаза мелковаты, нос длинноват, но я никогда не видела таких живых глаз и не знала никого с таким уверенным выражением лица.

Внезапно он положил мне руку на плечо и спросил:

— Вот тупицы, правда?

Я огляделась, не зная, что сказать.

— Кто? — спросила я.

— Скажите «да», я же вижу по лицу, что вы согласны, — со смехом попросил он.

Я послушно сказала «да», а затем снова спросила, кого он назвал тупицами. Тогда он, прищулив зеленый глаз, ответил:

— Жителей Пуэблы, крошка. Кого же еще?

Конечно же, я была согласна. Для меня жители Пуэблы — это те, кто двигался и жил, словно у них на лбу за много веков отпечаталось название города. Не мы, дочери крестьянина, который бросил доить коров, потому что научился делать сыр, и не он, Андрес Асенсио, превратившийся в генерала по стечению обстоятельств и благодаря собственной изворотливости, а не унаследовав фамилию и родословную.

Он захотел проводить нас до дома, и с того дня стал часто заходить, расточал на меня комплименты, как и на всю семью, включая папочку, его это веселило и доставляло удовольствие не меньше, чем мне.

Андрес рассказывал байки, где всегда оказывался победителем. Не было сражения, которого он не выиграл бы, ни единого предателя дела революции или Верховного вождя, да и просто обидчика, которого бы он не убил.

Все влюбились в него с первого взгляда. Даже мои старшие сестры — Тереса, поначалу

посчитавшая его старым развратником, и Барбара, которая страшно его боялась, — в конце концов проводили время почти так же весело, как Пиа, самая младшая. Братьев он купил, пригласив на прогулку в своем автомобиле.

Иногда он приносил мне цветы, а им — американскую жевательную резинку. Цветы никогда меня не трогали, но я считала важным поставить их в вазу, пока он курил сигару и беседовал с моим отцом о крестьянском трудолюбии или главных вождях революции, и скольким каждый из них ему обязан.

Потом я садилась рядом, слушала и делилась своим мнением со всей уверенностью, которую вселяли в меня присутствие отца и полное невежество.

Когда он уходил, я провожала его до двери, и он быстро меня целовал, словно кто-то подглядывает. Потом я стремглав бежала к родным.

До нас стали доходить слухи: у Андреса Асенсио полно женщин, одна в Сакатлане, а другая в Чолуле, одна в квартале Ла-Лус, а другая в Мехико. Он обманывает девушек, он преступник, я сошла с ума, мы об этом пожалеем.

Мы пожалели, но намного позже. А в то время папа отпускал шуточки о темных кругах у меня под глазами, а я в ответ его целовала.

Мне нравилось целовать папу, будто мне всего восемь, у меня дырки в чулках, красные туфли, а по воскресеньям мои косички собирают в пучок. Мне нравилось думать, будто настало воскресенье, и можно покататься на ослике, который в тот день не возил молоко, пройти до засеянного люцерной поля, спрятаться там и крикнуть: «А вот и не найдешь, папочка!». Услышать его шаги неподалеку и голос: «Где же моя доченька? Где эта девочка?», а потом он притворится, что случайно на меня наткнулся, вот где его доченька, притянет меня к себе, обнимет за ноги и засмеется:

— Теперь девочка не сможет убежать, ее поймала жаба и хочет получить поцелуй.

Меня и впрямь поймала жаба. Мне было пятнадцать, и мне так хотелось, чтобы что-нибудь произошло. Поэтому я согласилась, когда Андрес предложил поехать с ним на несколько дней в Теколутлу. Я никогда не видела моря, а он сказал, что по ночам море становится черным, а в полдень — прозрачным. Мне хотелось взглянуть. Я просто оставила записку со словами: «Дорогие родители, не волнуйтесь, я поехала посмотреть на море».

На самом деле я чуть не сбежала в ужасе. Я видела, как кони и быки занимаются этим с кобылами и коровами, но стоящий мужской член — дело другое. Я застыла, не в силах к нему прикоснуться или открыть рта, одеревенев, как кукла из папье-маше, пока Андрес не спросил, чего я боюсь.

— Я вовсе не боюсь, — ответила я.

— Тогда почему ты на меня так смотришь?

— Просто не уверена, что эта штука в меня влезет, — сказала я.

— Да как же это, крошка, не будь дурочкой, — сказал он и шлепнул меня. — Да уж вижу, как ты напряглась. Но не волнуйся. Никто тебя не съест, если сама не захочешь.

Он снова стал меня ласкать, словно никуда не торопится. Мне это понравилось.

— Видите — я не кусаюсь, — он обращался ко мне на «вы», словно к богине. — Смотрите-ка, уже мокрая, — произнес он тоном, каким моя мать расхваливала свои блюда. Потом он навалился, дернулся, засопел и закричал, словно бы я не лежала под ним — снова напряженная, еще как напряженная.

— Ты ничего не чувствуешь, почему? — спросил он после.

— Я чувствую, только под конец не поняла.

— А только это и важно, — ответил он, закатив глаза. — Ох уж эти женщины! И когда они только научатся?

И он заснул.

Я же всю ночь не сомкнула глаз, у меня всё горело. Я ходила по комнате. По ногам стекала жидкость, я ее потрогала. Она была не моя, а его. На рассвете я все-таки уснула, погруженная в размышления. Когда он почувствовал, что я легла, то просто протянул руку и положил ее на меня. Мы проснулись, обнявшись.

— Почему бы тебе меня не научить? — спросила я.

— Чему?

— Чувствовать.

— Этому нельзя обучить, но можно научиться, — ответил он.

И я решила научиться. Вскоре я стала в этом деле настолько изобретательной, что порой теряла голову. Когда мы с Андресом прогуливались по пляжу, он не переставал говорить. Я слушала его, опустив руки и разинув рот, у меня предательски тянуло внизу живота и невольно сжимались ягодицы.

О чем же рассказывал мой генерал? Я уже и не помню; помню лишь, что он рассуждал о каких-то политических проектах, а со мной говорил как со стенкой. Он никогда не дожидался моего ответа, не спрашивал моего мнения, я должна была лишь восхищенно ему внимать. В то время он строил планы, как отобрать пост губернатора штата Пуэбла у генерала Пальяреса. Он даже помыслить не мог о том, чтобы снизить до этого тупицы, и говорил о нем в таком тоне, будто его уже не существовало.

— Он совсем не такой тупица, как тебе кажется — заметила я однажды, когда мы любовались закатом.

— Разумеется, тупица, — ответил Андрес. — А ты кто такая, чтобы раскрывать рот? Кто вообще спрашивает твоего мнения?

— Ты уже четвертый день вещаешь об одном и том же. Мне хватило времени составить собственное мнение.

— Как же мне повезло с этой сеньоритой! — воскликнул Андрес. — Она понятия не имеет, откуда берутся дети, но уже хочет командовать генералами. Как мне это нравится!

Через неделю он вернул меня домой с такой же непринужденностью, с какой оттуда увез, и исчез, как луна с неба. Родители встретили меня без каких-либо вопросов и комментариев. У них было шестеро детей, они были не слишком уверены в завтрашнем дне, а потому ограничились лишь замечаниями относительно того, как прекрасно море и как любезен был генерал, что дал мне возможность его увидеть.

— Почему дон Андрес все не возвращается? — спросил однажды папа, которого начало беспокоить его двухнедельное отсутствие.

— Он сейчас думает только о том, как победить генерала Пальяреса, — ответила я. По правде сказать, в то время меня больше заботило желание научиться чувствовать, чем возвращение генерала.

В школу я уже не ходила. Мало кто из женщин, закончив начальную школу, продолжал учиться дальше, но мне посчастливилось продолжить свое образование еще на несколько лет: в подпольной монастырской школе для девочек мне выделили стипендию. Официально монахиням было запрещено преподавать, так что я не получила никакого документа об окончании школы. Но я все равно им благодарна. Там я узнала имена всех колен Израилевых, их родоначальников и потомков, а также названия всех городов и персонажей

Священной Истории — как мужчин, так и женщин. Я узнала также, что Бенито Хуарес [1] был масоном и пришел из другого мира, нацепив сутану священника, поэтому не молилась за него, раз уж он давно уже в аду.

Одним словом, закончив школу, я умела более или менее прилично писать, обладала кое-какими познаниями в грамматике, немного знала арифметику, совершенно не знала истории, зато имела несколько скатертей, которые собственноручно вышила крестиком.

Теперь я целыми днями сидела дома, и мама пыталась приучить меня вести хозяйство, но я всячески увиливала от починки носков или перебирания крупы. У меня теперь было достаточно времени для раздумий, и в конце концов я даже впала в отчаяние.

Как-то вечером я отправилась повидать одну цыганку, живущую в квартале Ла-Лус и слывшую знатоком в делах любви. У нее дома я застала очередь желающих узнать свою судьбу. Когда очередь наконец дошла до меня, цыганка посадила меня прямо перед собой и спросила, что именно я хочу узнать. Я с большой серьезностью ответила:

— Хочу научиться чувствовать.

Она изумленно посмотрела на меня, а я смотрела на нее. Это была толстая и довольно вульгарная женщина; из выреза ее блузки выпирала белая грудь, на обеих руках звенели бесчисленные браслеты, а в ушах покачивались золотые кольца, касаясь щек.

— Никто еще не приходил сюда за этим, — сказала она. — Как бы твоя мать не устроила мне за это нахлобучку.

— Так вы тоже не умеете чувствовать? — спросила я.

Вместо ответа она начала раздеваться. Сначала сбросила юбку, затем сняла блузку и осталась совершенно голая, поскольку оказалось, что она не носит ни бюстгальтера, ни панталон, ни чулок.

— Вот здесь у нас есть одно местечко, — сказала она, просунув руку себе между бедер. Этим местечком мы и чувствуем. Мы называем его колокольчиком, хотя есть у него и другие имена. Так вот, когда ты будешь с мужчиной — думай об этом самом местечке, о том, что именно оно — центр твоего тела, что в нем заключено все самое лучшее, что есть на свете. Постарайся слиться с ним, ощутить все, что оно чувствует, слышит и видит. Забудь о том, что у тебя есть голова, руки, ноги и прочее; представь, что вся ты — здесь. Посмотрим, будешь ли ты чувствовать после этого.

После этого она снова оделась и подтолкнула меня к дверям.

— Ступай, — сказала она. — Я не возьму с тебя денег, я беру деньги только за ложь, а тебе рассказала истинную правду.

С этими словами она сложила крест из двух пальцев и поцеловала его.

Домой я вернулась, отягощенная величайшей тайной, которую не могла никому поведать. Я едва дождалась, когда в доме погасят огни, и Тереса с Барбарой уснут мертвым сном. Тогда я положила руку на свой колокольчик и стала его тереть. В ту минуту весь мир для меня сжался вокруг этого комочка плоти, того, что он видит, слышит, ощущает. В эти минуты у меня не было ни рук, ни ног, ни головы, ни даже пупка. Бедра мои отвердели, словно сведенные судорогой. И — да, там находился весь мир.

— Что с тобой, Кати? — послышался сонный голос Тересы. — Почему ты сопишь?

Наутро я всем рассказала, что проснулась ночью от странного шума в ушах, и мне показалось, что я вот-вот задохнусь. Мама сильно встревожилась и хотела вести меня к врачу. Она слышала, что именно так у дамы с камелиями начинался туберкулез.

Иногда я сожалею, что у меня не было свадьбы в церкви. Я представляла, как пойду к

алтарю по красной ковровой дорожке под руку с отцом, под звуки органа, играющего свадебный марш, и все будут мной любоваться.

Мне всегда смешно смотреть на чужие свадьбы. Ведь я-то знаю, что вся эта мишура кончается одним и тем же: в конце концов тебе просто осточертеет засыпать и просыпаться рядом с чьим-то телом. Но звуки органа и торжественное шествие невесты к алтарю вызывают у меня не смех, а зависть.

Ведь у меня у самой не было такой свадьбы. Я хотела, чтобы мои сестры на ней были одеты в розовые кружева и органзу, пусть это кому-то и покажется глупым или сентиментальным. Я хотела, чтобы папа был в черном, а мама — в платье до пола. Чтобы на мне самой было белое платье с высоким воротником и длинными рукавами, со шлейфом, который бы тянулся за мной, когда я буду идти к алтарю.

Конечно, это ничего не изменило бы в моей жизни, но я могла бы лелеять воспоминания, как и все остальные. Могла бы потом рассказывать, как шла от венца по ковровой дорожке под руку с Андресом, гордая своим новым статусом, счастливая, как любая невеста, идущая от алтаря.

Я хотела венчаться даже не в церкви, а в кафедральном соборе: ведь там проход гораздо длиннее. Но мы не стали венчаться. Андрес заявил, что все это — невежество, и он не может позволить, чтобы подобные глупости повредили его политической карьере. Ведь он вместе с генералом Хименесом подавлял восстание кристерос [2] и должен был хранить верность Верховному вождю, а потому было бы весьма странно, если бы он решил венчаться в церкви. Гражданское бракосочетание — другое дело, закон следует уважать, хотя было бы лучше, если бы существовал военный свадебный обряд.

Так он говорил и тут же его изобрел, потому что мы поженились, как подобает военным.

Однажды он неожиданно приехал к нам с самого утра.

— Твои родители дома? — спросил он.

Конечно, они были дома. Где же еще им быть в воскресенье?

— Скажи им, что мы женимся.

— Кто? — не поняла я.

— Конечно, мы с тобой, — ответил он. — Сообщи об этом своим.

— Но ты даже не спросил, хочу ли я за тебя выйти, — сказала я. — Кем ты себя возомнил?

— Кем я себя возомнил? Я — это я, Андрес Асенсио. Хватит возмущаться и садись в машину.

Он прошел в дом, перекинулся с отцом парой слов и вернулся в сопровождении всей моей семьи.

Мама плакала. Я обрадовалась — хоть какой-то подходящий случаю ритуал. Матери всегда плачут, выдавая замуж дочерей.

— Почему ты плачешь, мама?

— Дурные предчувствия, дочка.

Мамины переживания на этом не закончились. Мы прибыли на церемонию гражданской регистрации брака. Там нас ждали несколько арабских друзей Андреса и его кум Родольфо с женой Софией, окинувшей меня презрительным взглядом. Думаю, ее просто охватила черная зависть при виде моих красивых глаз и ног, поскольку ее собственные ноги были худыми, а глаз косил. Зато ее муж был заместителем военного министра.

Судья оказался коренастым, лысым и напыщенным.

— Добрый день, Кабаньяс, — сказал Андрес.

— Добрый день, генерал, — ответил тот. — Какая радость для всех нас видеть вас здесь.

Все уже готово.

Он достал огромную книгу и встал за письменным столом. Я по-прежнему пыталась утешить маму, и тогда Андрес схватил меня за руку и поставил рядом с собой перед судьей. Я до сих пор помню лицо судьи Кабаньяса, красное и одутловатое, как у пьяницы; у него были толстые губы, а говорил он так невнятно, словно жевал орехи.

— Мы собрались здесь, чтобы соединить узами брака сеньора Андреса Асенсио и сеньориту Каталину Гусман. В качестве представителя закона — единственного закона, что вправе вершить брак, я спрашиваю: Каталина, согласны ли вы взять в мужа присутствующего здесь генерала Андреса Асенсио?

— Конечно, — ответила я.

— Вы должны сказать «да», — поправил судья.

— Да, — повторила я вслед за ним.

— Генерал Андрес Асенсио, согласны ли вы взять в жены сеньориту Каталину Гусман?

— Да, — ответил Андрес. — Я беру ее в жены, обещаю любить и заботиться, в горе и радости, и что там еще по тексту... Хватит уже болтовни. Где нам расписаться? Каталина, возьми ручку.

У меня не было собственной подписи, ведь раньше я никогда и ничего не подписывала, поэтому я просто написала свое имя с росчерком, как меня учили монахини: Каталина Гусман.

— Асенсио, — подсказал Андрес у меня из-за спины. — Сеньора, пишите «Асенсио».

Затем он поставил свою закорючку, которую я вскоре научилась различать и даже копировать.

— Почему ты расписалась как Гусман? — спросил он. — Нет, девочка моя, так не полагается. Это ведь я за тебя отвечаю, а не ты за меня. Ты вошла в мою семью и принадлежишь мне.

— Тебе?

— Свидетели, ваша очередь! — теперь вместо судьи стал распоряжаться Андрес. — Юнес, распишись вот здесь. И ты, Родольфо, тоже. Для чего, вы думаете, вас сюда пригласили?

Когда мои родители поставили свои подписи, я спросила у Андреса, где его родители. До сих пор мне как-то не приходило в голову, что у него тоже должны быть отец и мать.

— У меня есть только мама, но она тяжело больна, — произнес он таким тоном, какого я никогда не слышала от него прежде, так он говорил только о своей матери. — Поэтому на церемонию пришли Родольфо и София, мои кумовья, ведь кто-то от моей семьи должен присутствовать.

— Если подпишется Родольфо, пусть подпишутся и мои братья и сестры, — потребовала я.

— Ты с ума сошла, они же испортят регистрационную книгу.

— Но я хочу, чтобы они тоже подписались, — настаивала я. — Если Родольфо подпишется, то и они тоже должны. Мы с ними вместе играли.

— Ну хорошо, пусть подпишутся, — уступил Андрес. — Кабаньяс, пусть дети поставят свои подписи.

Никогда не забуду, как мои братья и сестры расписывались в книге. Прошло не так много времени, как мы переехали из Тонансинтлы, и они еще не вполне избавились от деревенской застенчивости. Барбара в испуге распахнула глаза и прошептала, что я сошла с ума. Тереса наотрез отказалась участвовать в этой игре. Зато Маркос и Даниэль с их нечесаными вихрами со всей серьезностью поставили подписи. Причесывались они лишь когда фотографировались, остальное их не волновало.

На голове у маленькой Пиа был шиньон с нее ростом. Глаза ее находились на уровне стола, а чуть выше колыхался огромный красный бант в белый горошек.

— И не говори потом, что твоя семья не выпендривается, — шепнул Андрес, чтобы услышал папа, и ущипнул меня на талию. Тогда я этого не понимала, но сейчас уверена, что он сказал так специально для папы. С годами я выучила, что Андрес ничего не произносит просто так. И что ему нравилось уязвить моего папу. Накануне вечером он с ним разговаривал. Сказал, что хочет на мне жениться, и если папа не согласен, то он сумеет его убедить, по-хорошему или по-плохому.

— По-хорошему, генерал. Это честь для меня, — ответил отец, не в состоянии возразить.

Годы спустя, когда Лилия, дочь Андреса, тоже собралась замуж, он мне сказал:

— Думаешь, я буду вести себя с дочерьми, как твой папаша? Да ни за что. Моих дочерей не уведет на всю ночь какой-нибудь подонок. Мои дочери вовремя попросят меня выяснить, что за кретин собрался их увести. Я своих детей подарками не осыпаю. Тот, кому понадобятся мои дочери, будет меня умолять и отдаст всё, что имеет. Придем к соглашению — хорошо, а не придем — пусть катится к черту. И венчаться они будут в церкви, плевал я на Хименеса и его споры со священниками.

Пиа еще не умела писать, а потому вместо подписи нарисовала рожицу с двумя глазками. Судья потрепал ее по щеке и тяжело вздохнул, изо всех сил стараясь скрыть раздражение. К счастью, на этом все закончилось. Родольфо и Чофи — так все называли Софию — быстро поставили свои подписи, эта парочка толстяков просто умирала с голоду.

Потом мы все отправились завтракать в галерею. Андрес заказал для всех кофе, горячий шоколад и тамале [3].

— Я хочу апельсиновый сок, — сказала я.

— Будете пить кофе и шоколад, как все, — заявил Андрес. — Не устраивайте переполох.

— Но я не могу завтракать без сока.

— Чего тебе не хватает, так это побывать на войне. И первое, чему тебе придется научиться — это обходиться без сока. Откуда я тебе возьму сок?

— Папа, скажи ему, что я пью сок по утрам, — попросила я.

— Принесите апельсиновый сок для девочки, — потребовал отец столь решительно, что официант бегом бросился исполнять поручение.

— Хорошо, — сказал Андрес. — Пей свой сок, гринга. Ну какой земледелец в этой стране начинает день с сока? Не думай, что всегда будешь получать желаемое. Жизнь с военным нелегка. Скоро сама узнаешь. А вы, дон Маркос, не забывайте, что она уже не ребенок и что за этим столом команду я.

Ответом ему было долгое молчание; которое нарушал лишь звон золотых браслетов Чофи.

— Ну так в чем дело? — спросил наконец Андрес. — Почему мы молчим, когда у нас

такой праздник? Дети, ваша сестра вышла замуж, могли ли вы рассчитывать на такую удачу?
— Удачу? — ответила Тереса, известная своим острым язычком. — Да вы с ума сошли!
— Что ты сказала? — переспросил Андрес.
— Счастья вам и долгих лет жизни! — воскликнула Барбара, посыпая наши головы рисом.

— Счастья тебе, Кати! — повторяла она, продолжая сыпать рис мне на голову, а я провела ладонью по волосам, чтобы его стряхнуть. — Счастья вам!! — с этими словами она порывисто обняла меня и стала целовать, пока мы обе не расплакались.

Глава 2

Мы были совершенно особенной парой, не похожей на остальные. В первое время после свадьбы мы всегда и везде ходили вместе.

Андрес любил демонстрировать меня своим друзьям и никогда не упускал случая обнять меня у них на глазах. Мы часто принимали его друзей в нашем доме номер 9 на Северной улице. Этот дом был слишком велик для двоих. Он находился в самом центре города, рядом с рынком, магазинами и домом моих родителей.

Я везде ходила пешком и никогда не оставалась одна.

По утрам мы совершали верховую прогулку; сначала садились в «форд» Андреса и добирались до Пласа-дель-Чарро, где держали лошадей. На другой же день после свадьбы Андрес купил для меня гнедую кобылу, которую звали Кошмар. Сам он ездил на жеребце по кличке Аль-Капоне.

Вставал Андрес с первыми лучами солнца и отдавал мне приказы, как солдату своего полка. Проснувшись, он уже больше ни на минуту не смыкал глаз. Потом он скакал и бегал вокруг кровати, повторяя речь о необходимости физических упражнений. Я же прикрывала глаза и лежала тихонько, думая о море или улыбках. Иногда я оставалась в постели столько времени, что Андрес возвращался из ванной, где запырался с газетой, и кричал:

— Вставай, лежебока! О чем ты опять задумалась? Жду тебя внизу. Считаю до трехсот; если не спустишься, я уйду.

Я, как сомнамбула, вылезала из ночной рубашки, натягивала панталоны, пятерней приглаживала волосы, потом застегивала блузку перед зеркалом, с трудом нашаривая пуговицы. Затем, держа в руках ботинки, сбегала вниз, где ждал Андрес.

— Двести девяносто восемь, двести девяносто девять... — считал он. — Имей в виду, в следующий раз не дам тебе времени надеть сапоги. Будешь тогда знать, копуша несчастная! — ворчал он, забираясь в «форд» и заводя двигатель.

Я просовывала голову в окошко, целовала его и трепала по волосам, а потом обегала машину и садилась рядом.

Чтобы добраться до Пласа-дель-Чарро, необходимо было выехать за пределы города. Солнце уже начинало припекать, когда парнишка-конюх выводил лошадей. Андрес вскакивал в седло без посторонней помощи, но прежде всегда помогал мне взобраться на Кошмар, никогда не упуская случая погладить ее по шее.

Далеко вокруг тянулись поля. Так что мы могли мчаться, куда глаза глядят, как если бы вся земля принадлежала нам. Тогда мне и в голову не приходило, что мне могут понадобиться все обширные земли, которые появились у нас позднее. В те дни мне хватало и одного поля.

Иногда Аль-Капоне неожиданно бросался в галоп. Тогда Андрес отпускал поводья,

позволяя ему бежать, куда глаза глядят. Поначалу я не знала, что лошади имеют привычку повторять действия друг друга, и очень испугалась, когда Кошмар тоже пустилась в галоп, хотя мне этого не хотелось. Я едва смогла выдержать эту скачку: ягодицы при каждом шаге бились о седло, и к вечеру на них выступили обширные синяки. При виде их генерал едва не умер от смеха.

— Ты бьешься о седло, потому что все время сидишь, — наставлял он. — Привставай на стременах, когда скачешь.

Я старалась исполнять все его указания, как если бы мне давал их сам Бог.

Он очень любил ставить меня в тупик, а потом смеяться над моим невежеством.

— Ты не умеешь ездить верхом, не умеешь готовить, не умеешь трахаться. Даже интересно, на что ты потратила первые пятнадцать лет своей жизни? — допытывался он.

Домой мы всегда возвращались к обеду. Я стала посещать кулинарные курсы сестер Муньос и вскоре научилась бесподобно готовить жаркое. А уж сделать пирожные для меня было проще, чем расчесать волосы. Научилась я также готовить и индейку под шоколадным соусом моле, и чили с грецкими орехами, и чалупу, и тингу. Много всего.

На занятия мы собирались к десяти утра, по вторникам и четвергам. Учениц было двенадцать, и лишь я одна замужняя.

К тому времени, когда Хосе Муньос кончала диктовать, у ее сестры Клариты было уже все готово для приготовления очередного блюда, и мы принимались за работу.

Работали мы парами. Однажды, когда мы готовили шоколадный соус моле и как раз растирали кунжутные зерна деревянными пестиками, Пепа Ругарда, которая вскоре собиралась выйти замуж, тронула меня за плечо и спросила:

— Скажи, правда, что во время этого нужно закрывать глаза и молиться Богородице?

Я рассмеялась. Весь тот день мы растирали кунжут и проговорили до самого вечера. Еще одна моя подруга, Моника Эспиноса, в это время обжаривала на горелке тыквенные семечки. Ее мы тоже пригласили к нам присоединиться.

Когда все ингредиенты были обжарены, нам предстояло их измельчить.

— Ничего не поделаешь, — вздыхали сестры Муньос. — Наступают трудные времена, так что будет лучше, если вы научитесь пользоваться ручной мельницей.

И мы учились. По очереди вертели ручку мельницы, бросая в нее то арахис, то стручки чили, то миндаль, то семена кунжута. Но нам так и не удалось измельчить все как следует.

Через какое-то время, когда все почувствовали себя полными неумехами, Кларита взялась за дело сама. Она принялась вертеть ручку мельницы своими тонкими руками, раскачиваясь всем телом, пока не истерла все ингредиенты в мельчайшую пыль. Она была маленькая, но сильная. Покраснела, но не вспотела.

— Вот видите? — сказала она под конец. — Поняли, как надо?

Моника зааплодировала, и мы все ее поддержали.

Кларита взяла висевшее на крючке возле раковины кухонное полотенце и вытерла руки.

— Даже не знаю, что вы станете делать, когда выйдете замуж. Вы ведь и во всем остальном столь же невежественны.

К трем часам дня мы наконец закончили готовить моле. Фартуки были все в пятнах, а брызги соуса повисли даже на ресницах. Мы разделали индейку на четырнадцать частей, и каждая девушка унесла домой свою долю.

Когда я вернулась домой, там дожидался Андрес, голодный, как целая стая бродячих собак.

Я подала на стол собственный моле, посыпала его сверху кунжутом, и мы съели его за милую душу, с тортильями и запивая пивом. За все время обеда мы не сказали друг другу ни слова. Порой, делая очередной глоток, мы обменивались какими-то жестами и вновь продолжали жевать. В конце концов он так чисто вылизал свою тарелку, что синий рисунок на ее доньшке был виден во всей своей красе. И высказал сомнения, что блюдо приготовила я.

— Это мы приготовили все вместе.

— То есть, всю работу проделали сестры Муньос, — сказал он.

Он поцеловал меня и снова вышел на улицу. А я отправилась к Пепе и Монике, с которыми договорилась встретиться в крытой галерее.

Когда я пришла, обе уже были там. Моника плакала, потому что Пепа заверила ее — если мужчина поцеловал ее в губы, у нее будет ребенок.

— Адриан вчера поцеловал меня, когда мама отвернулась, — еле выговорила она сквозь рыдания.

Пришлось отвести их к той цыганке из квартала Ла-Лус, потому что мне бы они просто не поверили.

Когда я спросила, знают ли они, для чего предназначен мужской член, Пепа ответила:

— Для того, чтобы делать пи-пи.

Мы отправились к цыганке, и та все подробно разъяснила, заставив погладить яйцо и откусить веточку петрушки. Затем она погадала по ладони всем нам. Пепе и Монике она нагадала счастливое замужество, причем сказала, что у одной будет четверо, а у другой — шестеро детей, вот только муж у Моники будет больным, а муж Пепы — намного глупее ее самой.

— Но хотя бы богатым, — сказала Моника.

— Очень богатым, девочка моя, этого у него не отнимешь.

Когда же очередь дошла до меня, она погладила мою ладонь и впиалась в нее глазами.

— Ах, девочка, впереди тебя ждут такие странные вещи!

— Расскажи мне о них, — попросила я.

— Завтра, — сказала она. — Сейчас уже поздно, я устала. Ты ведь пришла, чтобы я им погадала? Я это сделала. Ступайте.

— Расскажи, — затянули Пепа и Моника, а я по-прежнему держала перед ней ладонь, которую она уже выпустила из рук. Тогда она снова взяла мою руку, стала разглядывать ее и щупать.

— Ох, девочка, я вижу в твоей судьбе много разных мужчин, — сказала она. — А также многие несчастья. Приходи завтра. Сегодня я вижу только плохое. Со мной иногда такое случается, — с этими словами она отпустила мою руку, и мы отправились кушать пирожные.

— Как бы я хотела иметь такую же интересную руку, как твоя, — вздохнула Пепа, когда мы провожали ее домой — на Восточную улицу, к дому номер 3.

Ночью, когда мы с генералом легли в постель, я стала ласкать его живот.

«Сейчас я его люблю, — подумала я. — Но кто знает, что ждет впереди».

Ответом мне был его громкий храп.

Неделю спустя мы пригласили в гости одного друга, чтобы тот оценил, чему я научилась на курсах сестер Муньос. Мы уже пили кофе, когда неожиданно появились солдаты с ордером на арест, чтобы забрать Андреса. Его обвиняли в убийстве, и ордер подписал сам губернатор.

Андрес прочел бумагу и совершенно не удивился. Я расплакалась.

— Как это арестовать? За что арестовать? Ты же никого не убил?

— Не волнуйся, крошка, я скоро вернусь, — ответил он и попросил своего друга присмотреть за мной, пока его не будет.

— Я потребую объяснений. Это наверняка ошибка.

Он потрепал меня по голове и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, я снова расплакалась. Как я смогу пережить подобное унижение? Ведь это даже хуже, чем пощечина. Как я посмотрю в глаза подругам? Что скажу родителям? С кем я теперь буду спать в одной постели? Кто теперь станет будить меня по утрам?

Я не могла думать ни о чем другом — лишь о том, как бы поскорее добраться до церкви Святого Иакова. Я слышала, туда как раз привезли новую статую Пресвятой Девы, способную творить чудеса. Как я сожалела, что после замужества не ходила на мессы по пятницам!

Церковь Святого Иакова была маленькой и темной, с фресками на стенах, изображавшими святых; тусклым золотом сиял алтарь. Там, на самой его вершине, стояла статуя мадонны с младенцем, прижимающей руку к сердцу.

К шести часам я была уже там и молилась. Я пробралась к самому алтарю и преклонила колени, чтобы Пресвятой Деве было меня лучше видно. Церковь была полна народу, и я боялась, что затеряюсь в толпе, и Дева меня не разглядит. Ровно в шесть появился священник и встал перед алтарем с огромным молитвенником в руках. Он был молод, с большими глазами, но уже начал лысеть. Голос его был настолько сильным, что каждое слово отчетливо слышалось в самых дальних уголках церкви.

— Таинства Господни, что нам довелось постичь, поистине благословенны, — начал он. — И первое таинство — Благовещение. Отче наш, иже еси на небеси...

Я повторяла вслед за ним «Отче наш», «Богородице, дево» и прочие молитвы. Я молилась с таким жаром, с каким не молилась никогда прежде, даже в монастырской школе. «Спаси его, милая Дева, верни его, милая Дева, пусть он вернется ко мне...» — повторяла я про себя.

После окончания каждого таинства звучал орган, и прихожане подхватывали мелодию псалма, который знал здесь каждый. Священник запевал, а все остальные подтягивали.

После молитвы появились двое служек с кадилами и двинулись вдоль прохода в направлении Святой Девы. Все вокруг заволело благовонным серебристым дымом.

— Владычица наша, владычица Святого Сердца, молись за нас, молись за нас, — запели прихожане. В центральном проходе несколько женщин опустились на колени и поползли к алтарю, держа на груди молитвенно скрещенные руки. Две из них плакали.

Я подумала, что мне тоже следовало бы к ним присоединиться, но так и не решилась. Если я пойду на такое ради освобождения Андреса, то он точно не вернется.

Между тем прихожане все громче зывали к Владычице Святого Сердца, женщины все ближе подползали к алтарю на коленях.

Я иступленно молилась, шепотом повторяя мольбы и глядя на Пресвятую Деву — такую безмятежно-спокойную, с золотым нимбом вокруг головы, взирающую на нас с высоты.

Она нас не видела; веки ее были опущены. У нее было совершенно безмятежное лицо — без возраста, без тревог.

Внезапно орган смолк; священник воздел руки, чтобы совершить крестное знамение, и произнес:

— Смилуйся над нами, о Владычица Святого Сердца! Да благословит нас твой Божественный Сын, одаривший нас милостью своего любящего сердца! Мы пришли сюда, полные веры в милосердие твое, дабы умолять тебя о заступничестве, о небесная хранительница Сердца Христова!

Я не помню, что было дальше, пока не подошла моя очередь просить Пресвятую Деву о той милости, ради которой я сюда и пришла.

Послышался громкий шепот. Повсюду из десятков ртов вырывались мольбы. Я тоже прошептала:

— Пусть Андрес вернется! Пусть его не посадят в тюрьму, я не могу остаться одна.

— Нет, мы не выйдем отсюда, не утешившись, — слились вместе все голоса, когда к ним присоединился голос священника.

По всему храму взметнулось множество рук, совершая крестное знамение.

Толпа повалила вперед; я оказалась прижатой к алтарю. Орган заиграл «Прощай, о Матерь Божия». Прихожане запели: «Для тебя бьются наши сердца, прощай, прощай, тысячу раз прощай...». Потом из задних рядов донеслись крики:

— Слава Иисусу Христу! Слава Царю Небесному!

В эту минуту в церковь вошли жандармы и направились прямо к алтарю, расталкивая прихожан. У меня уже кружилась голова от этой толпы и благовоний, но я услышала, как один из них сказал священнику:

— Вам придется пройти с нами. Вы сами знаете, в чем дело, так что не пытайтесь отпираться.

Орган продолжал звучать.

— Позвольте мне закончить службу, — сказал священник. — Я только совершу причастие, а потом пойду с вами, куда скажете.

Он поднялся со скамьи и направился к алтарю, словно ничего не боится. Наверное, не сомневался, что находится под защитой Пресвятой Девы. Затем он открыл дарохранительницу и вынул большую облатку. Служка подал ему золотую шкатулку, украшенную красными камнями. Священник положил туда облатку и вновь повернулся к нам. Все застыли, а орган продолжал играть, пока священник спускался по ступеням алтаря и входил в ризницу. Я последовала за ним. Конечно, я не могла пройти дальше порога, но видела, стоя в дверях, как он снял облачение и надел шляпу. Военные не прикоснулись к нему и пальцем, а он безропотно последовал за ними. После этого я неминуемо потеряла всякое доверие к Владычице Святого Сердца.

Этой ночью я легла спать, дрожа от страха и холода, но не пошла ночевать к родителям. Наш друг Черна кое-что разузнал. Андреса обвиняли в убийстве некоего фальсификатора, которые продавал офицерам поддельные дипломы. Говорили также, что идея и сам этот черный бизнес принадлежали Андресу, а когда военный министр обнаружил на документах фальшивые подписи и поднял крик, Андрес испугался и поспешно избавился от исполнителя, чтобы не попасться самому.

Правда, сам Черна утверждал, что это совершенно невозможно, мой муж ни за что не пошел бы на убийство, да и такими глупыми делишками он не занимается, просто губернатор Пальярес его ненавидит и мечтает от него избавиться.

Я не могла понять, почему Пальярес так ненавидит проигравшего. Ведь он уже захватил

власть — так зачем же сводить счеты с Андресом, который и так все потерял?

На следующий день, когда во всех газетах напечатали фотографию Андреса за решеткой, я боялась выйти из дома. Я была уверена, что на кулинарных курсах никто не захочет со мной разговаривать, но мне поручили принести продукты для приготовления чили в соусе из грецких орехов, и я не могла подвести подруг. К половине одиннадцатого я прибыла в дом сестер Муньос, измученная бессонницей, но с корзиной, где лежали персики, яблоки, бананы, изюм, миндаль, гранаты и помидоры.

Кухня сестер Муньос была просто огромной. Двадцать женщин размещались в ней совершенно свободно. Когда я пришла, все уже были в сборе.

— Мы тебя заждались, — заявила Кларита.

— Видите ли...

— Не вздумай оправдываться. От нас, женщин, зависит, будут ли все вокруг накормлены, и это работа, а не игра. Нарезь-ка эти фрукты. Ну, девочки, кто желает составить ей компанию?

Ко мне решились подойти только Моника, Пепа и Лусия Маурер. Остальные при виде меня даже не встали из-за стола. Я бы предпочла, чтобы мне бы бросили прямо в лицо, что Андрес — убийца, и они не желают иметь дела с его женой, но в Пуэбле так не принято. Никто не подал мне руки, но никто и не сказал, что обо мне думает.

Моника встала рядом и принялась резать бананы. Она все же не удержалась и шепотом спросила, правда ли, что генерала арестовали, и знаю ли я, за что. Луси Маурер положила мне руку на плечо и начала резать яблоки, которые вытаскивала из моей корзины. Пепа от волнения неустанно грызла ногти, отвлекаясь от этого занятия лишь для того, чтобы устроить разнос Монике за ее бестактные вопросы. В конце концов, чтобы прекратить неприятный разговор, она спросила у меня:

— Тебе было страшно ночью?

— Немножко, — призналась я, продолжая резать персики.

Когда мы покинули дом сестер Муньос, я осталась одна посреди улицы с блюдом чили, украшенным петрушкой и зернами граната. Подруг забрали домой ровно в два часа.

— Не слушай их, — сказала на прощание Моника, садясь в машину, где ее ждала мать.

Домой я отправилась пешком. Открыла дверь огромным ключом, который всегда лежал у меня в сумочке.

— Андрес! — крикнула я.

Никто не ответил. Я поставила блюдо с чили на пол и вновь закричала:

— Андрес! Андрес!

И снова никто не откликнулся. Я опустилась на корточки, готовясь выплакаться над ореховым соусом.

Я сидела спиной к входной двери, глядя сквозь слезы на сад, откуда манила своей свежестью сочная зелень листвы. И тут за спиной послышался стук молотка в дверь — так стучал только Андрес.

— Что, рыдаешь над своей стряпней? — услышала я его голос.

Я вскочила на ноги и бросилась его обнимать. Солнце било в окна, золотило каменные плиты двора. Я сбросила туфли и начала расстегивать пуговицы на платье. Запустила руки ему под рубашку и потянула за собой, в сад, на лужайку. Там я убедилась, что член в тюрьме ему не отрезали. Потом я вспомнила про чили с ореховым соусом, бросилась за ним, и мы стали его пожирать, заглатывая огромными порциями.

— Почему тебя арестовали? — спросила я. — И почему так скоро отпустили?

— Потому что они козлы и тупицы, — ответил Андрес.

На другой день все газеты сообщили, что священник церкви Святого Иакова приговорен к двум годам тюрьмы за организацию демонстрации против антирелигиозного закона, а генерал Андрес Асенсио освобожден со всеми причитающимися извинениями, поскольку его невиновность в убийстве фальсификатора дипломов полностью доказана.

Я не хотела возвращаться на кулинарные курсы. Когда Андрес спросил о причине, я рассказала о враждебных взглядах и поведении остальных. Тогда он притянул меня к себе и шлепнул.

— Так вот, дорогая моя, — сказал он. — Здесь команду я, подожди и узнаешь.

Глава 3

Ждать пришлось долго. На протяжении четырех лет Андрес приезжал и уезжал, когда и куда хотел, не считая нужным ставить меня в известность. Порой он видел во мне лишь обузу, порой — ценное приобретение, которое надлежит хранить в сундуке под замком, а иногда — и любовь всей своей жизни. Я никогда не знала, что придет ему в голову в следующую минуту. То он требовал, чтобы я сопровождала его на верховую прогулку, иногда по воскресеньям брал меня на бой быков, а иногда целыми неделями не появлялся дома.

Я вдруг стала одержима какой-то страстью, которой никогда не знала прежде; я не могла понять, что со мной происходит, словно превратилась в несмышленища. Порой меня охватывала печаль, а потом она вдруг сменялась столь же необъяснимой радостью. Я вновь превращалась в ту женщину, которая переходит от страданий к смеху безо всякой причины и не может дожидаться, когда же что-нибудь произойдет — что угодно, лишь бы не эти дни, похожие один на другой. Я ненавидела покой, он меня пугал.

Часто тоска охватывала меня во время месячных. Я никогда не обсуждала эти вопросы с генералом, потому что мужчин эти вещи совершенно не волнуют. Я совершенно не стеснялась месячных, в отличие от моей мамы, которая никогда об этом не говорила и всегда внушала, что никто ни в коем случае не должен увидеть, как я стираю окровавленные тряпки.

Месячные кровотечения в Пуэбле называли Пепе Флоресом.

— Ненавижу этого Пепе Флореса! — вздыхала я. — Такая тоска!

Когда меня одолевала эта тоска, я думала о Пепе Флоресе, как если бы он был реальным мужчиной из плоти и крови, как бы я его любила, если бы он был моим мужем, как мы проводим на море те пять дней в месяц, пока он со мной.

У нашего дома номер 9 на Северной улице рос высоченный ясень, две жакаранды и розовый перец. В дальнем углу двора, позади деревьев, притулилась глинобитная хижина, увитая бугенвиллеей. Сквозь единственное крошечное окошко хижины виднелся клочок неба, цвет которого менялся в зависимости от погоды. Я любила сидеть там на полу, скрестив ноги, и думать о чем-то своем.

Моника посоветовала мне пить анисовую настойку, чтобы снять спазмы. Сильная тупая боль сводила ноги и поясницу, расползалась под кожей по всему телу. Я пила настойку в сарайчике, пока боль не отступала, и говорила сама с собой или с воображаемым собеседником. Порой меня внезапно охватывала какая-то непонятная дерзость, и я остервенело выкрикивала в одиночестве все горькие упреки, которые ни за что бы не посмела высказать генералу в лицо.

Андрес был начальником тыла. Это означало, что именно от него зависели все военные нашего округа. Думаю, именно тогда он превратился в опасного политика и свел дружбу с Хайсом, а также с его партнерами и покровителями. Они зарабатывали очень хорошие деньги. Хайс был крикливым гринго, сколотившим состояние на торговле лекарствами. Позднее он получил должность почетного консула своей страны в Мексике и во время правления Каррансы [4] придумал конфисковать имущество. На деньги, которые выплатило ему правительство, он купил завод скобяных изделий в доме номер 5 по Южной улице. Ему отлично удавалось придумывать новые предприятия, и его глаза возбужденно блестели, предвкушая будущие доходы. Целые недели он носил одни и те же габардиновые брюки, и при этом тыкал своим богатством в нос соседям, которые помнили его без гроша в кармане, а теперь почтительно называли доном Мигелем. Говорили, будто он обладает блестящим умом. Но в действительности он был просто мошенником.

Поначалу я ничего о нем не знала, да и вообще ни о ком не знала. Андрес всячески ограждал меня от внешнего мира, относился ко мне, как к живой игрушке, с которой можно болтать о разных пустяках, выводить в свет по воскресеньям и трижды в неделю заниматься любовью, причем он обожал, когда я в порыве страсти оставляла царапины на его спине. Но со дня его внезапного ареста я стала расспрашивать его о работе и делах. Он крайне не любил рассказывать и всегда отвечал, что женился на мне не для того, чтобы обсуждать дела, а если мне нужны деньги, достаточно просто попросить. Порой мне даже казалось, что он прав — какая мне разница, откуда берутся деньги на дом, шоколад и все мои прихоти.

Мне надо было чем-то занять время. Я навещала подруг, мы вышивали или пекли печенье. А еще вслух читали романы Переса и Переса. Помню, как Пепа утопала в слезах рыдая над злоключениями Аниты де Монтемар, а мы с Моникой от души веселились, недоумеая, как можно вести себя так глупо. Мы с Моникой помогали Пепе шить приданое. Она собиралась замуж за одного испанца — молчаливого и страшного, бог знает, почему она его выбрала в мужья. Мы с Моникой беспрестанно его ругали, пока не слушала Пепа, но так и не решились высказать ей в лицо, что лучше бы она полюбила высокого парня, который время от времени улыбался бы ей во время мессы. В конце концов она вышла замуж за испанца, а он оказался еще и безумным ревнивцем. Он запирал ее в квартире и не выпускал даже на балкон, чтобы не смела выглянуть наружу.

В день свадьбы Пепы, к которой я купила бледно-зеленое газовое платье, а Андрес подарил мне длинную нитку жемчуга, я проснулась совершенно измученной и поняла, что не могу встать с кровати.

Андрес одним прыжком выскочил из постели, а вскоре я увидела, как он выходит из ванной, бормоча под нос, что должен сделать за день. Я лежала, свернувшись калачиком и закутавшись в одеяло, размышляя, как хорошо было бы сбежать напрямик на луну. В детстве я вышагивала по краю кровати и говорила, что хожу по луне. Именно там я и пребывала в мечтах, когда вернулся Андрес.

— У тебя что, эти твои дни? — спросил он. — Нет? Тогда почему выглядишь, как подыхающая собака? Ну-ка, посмотри на меня. Эге, а глаза телячьи! Уж не беременна ли ты?

Он произнес это с такой гордостью и удовлетворением в голосе, что я смутилась. Я почувствовала, что краснею, и поспешила прикрыться одеялом, вжавшись в дальний угол кровати.

— Что с тобой? — спросил он. — Или ты не хочешь родить мне сына?

Я слышала его приглушенный голос, доносившийся сквозь одеяло, а сама в панике

ощупывала набухшие груди, лихорадочно делая подсчеты, которых никогда прежде не делала. Выходило, что Пепе Флорес не появлялся уже три месяца.

Мы отправились на свадьбу Пепы. В те дни я могла думать лишь о том, до чего же ужасно стать матерью, поэтому плохо помню брачную церемонию. Помню только, как Пепа шла от венца, а на голове у нее была вуаль, украшенная цветами — такая длинная, что почти касалась земли. Пепа была так красива.

Мы с Моникой так и сказали ей у дверей церкви, и она сжала наши руки, чтобы сдержать волнение.

— У меня будет ребенок, — сообщила я под звуки свадебного марша.

— Это замечательно! — воскликнула она и поцеловала меня прямо посреди церкви.

Глава 4

Мне было семнадцать лет, когда родилась Верания. Девять месяцев беременности стали настоящим кошмаром. Я видела, как спереди на моем теле неумолимо растет горб, и никак не могла почувствовать себя любящей матерью. Первым несчастьем стала необходимость отказаться от верховой езды и приталенных платьев, вторым — постоянная тошнота, неумолимо подступающая к горлу. Я терпеть не могла жаловаться, но не могла избавиться от ненавистного чувства постоянной одержимости чем-то странным. Стоило мне пошевелиться, как начинало казаться, что в животе плещется вода, в которой плавает какая-то жуткая рыба. Мне казалось, что, когда придет время, эта рыба прогрызет мне живот, чтобы выбраться наружу, вся кровь вытечет, и тогда я умру. И виноват во всем Андрес, а он не желал даже слышать об этом.

— Как вы, женщины, любите преувеличивать значимость материнства, — говорил он. — А я-то думал, что ты хоть в этом отличаешься от остальных, ведь ты видела, как легко справляются с этим животные. К тому же ты молода. Просто поменьше думай о своих неудобствах, и они перестанут тебя донимать.

После того, как его кандидатуру не выдвинули на пост губернатора, Андрес маялся от скуки. В конце концов он решил прокатиться на машине в Соединенные Штаты и взял меня с собой.

Мне все время хотелось спать. Я засыпала, даже несмотря на то, что солнце било в глаза, а машину отчаянно трясло на наших немощных дорогах.

— Даже не знаю, зачем я с тобой связался, Катин, — вздыхал Андрес. — Лучше бы женился на другой. Ты даже на пейзаж не смотришь, перестала смеяться и петь. Я в тебе обманулся.

Всю беременность я чувствовала себя обманутой. Андрес больше не прикасался ко мне, отговариваясь тем, что это может повредить ребенку, и это угнетало меня еще сильнее. Я не могла заставить себя сосредоточиться, постоянно отвлекалась, начинала говорить об одном, а потом неожиданно перескакивала на что-то другое, а слова собеседника слушала вполуха, отчего улавливала лишь половину сказанного.

К тому же я страшно боялась предстоящих родов. Мне казалось, что после них я навсегда останусь дурочкой. Андрес теперь отлучался чаще, чем прежде. И больше не брал меня с собой в Мехико на бой быков. Теперь он уезжал один, и я была уверена, что у него появилась другая женщина — красотка без горба на животе и черных кругов под глазами. И он прав. Я бы и сама себя никуда не взяла.

Тем более на корриду, где все женщины так красивы и у всех такие тонкие талии.

Засыпая в одиночестве, я поглаживала раздувшийся живот. Я почти не выходила из дома, только к родителям, когда они звали меня пообедать.

Как-то раз собираясь на обед в родительский дом, я по дороге зашла на рынок, чтобы купить игрушку для маленькой Пиа, и вдруг столкнулась нос к носу с Пабло, моим школьным приятелем. Пабло был родом из Чипило, а его дед и бабушка — из Пьемонта, поэтому у него были курчавые волосы и глубоко посаженные глаза.

— Какой ты стала красавицей! — воскликнул он.

— Ты тоже, — ответила я.

— Да нет, я серьезно. Я всегда знал, что ты станешь очень красивой, когда будешь ждать ребенка.

В итоге я так и не дошла до родительского дома. Пабло торговал молоком, развозя его на тележке, запряженной двумя мулами. Каждое утро на рассвете он выезжал из Чипило. Он посадил меня в тележку, и мы с поехали за город. Он обращался со мной, как с королевой. Никто прежде с такой нежностью не вел себя с моим будущим младенцем. Хотя с меня в этом сложно было брать пример. До самого вечера мы бродили в полях, играя, как дети. Я даже позабыла о своем животе и думала лишь о том, как это прекрасно — просто радоваться жизни. Я не могла отвести глаз от его потертых брюк, растрепанных волос и сильных рук. Пабло скрасил последние три месяца моей беременности, а я помогла ему расстаться с девственностью, которую он до сих пор не удосужился оставить в каком-нибудь борделе.

Это было единственное приятное событие за все то время, что я носила Веранию. Даже в воскресенье накануне родов мы отправились в поле, чтобы позабавиться в стоге сена. Но прямо оттуда ему пришлось нести меня в дом моих родителей, потому что я вдруг почувствовала, как Верания рвется на свет. Два дня спустя появился генерал, он привез шоколад и двадцать букетов красных роз.

Девочке исполнился месяц, и мои груди были полны молока, когда Андрес привел домой двух своих детей от первого брака.

Вирхиния была старше меня на несколько месяцев. Октавио же родился в октябре 1915 года и был на несколько месяцев моложе. Они остановились у двери в мою комнату. Андрес представил нас, но мы так и продолжали молча таращиться друг на друга. Я ничего не знала о жизни Андреса, тем более, что у него есть дети моего возраста.

— Это мои старшие дети, — сказал Андрес. — До сих пор они жили вместе с моей матерью в Сакатлане. Но я не хочу, чтобы они и дальше оставались в деревне. Им нужно учиться, поэтому они будут жить здесь, с нами.

Я кивнула головой, кивнула на малыша и произнесла:

— Это ваша сестра. Ее зовут Верания.

Октавио взглянул на нее с интересом и спросил, почему у нее такое странное имя. Я ответила, что так звали мать моего отца.

— Твою бабушку? — спросил он и протянул руку, чтобы погладить Веранию по щеке.

У этого паренька были темные доверчивые глаза, а улыбка совсем такая же, как у Андреса. Он явно хотел мне понравиться и, казалось, готов был стать моим другом, чего никак нельзя было сказать о его сестре. Она по-прежнему стояла в дверях рядом с отцом и угрюмо молчала, не бросив на меня ни единого доброго взгляда. Она была не особо красивой, не слишком худой, с печальными глазами и тонкими губами. У нее была маленькая грудь и угловатые бедра, плоские ягодицы и выпирающий живот. Внезапно мне стало ее жалко.

Они с Октавио остались в нашем доме и стали членами семьи.

Вскоре я пришла к выводу, что все-таки очень неплохо, что у меня будет компания во время отсутствия Андреса.

Вечером я накинулась на него с вопросами. Откуда взялись эти дети? И есть ли у него другие отпрыски?

Для начала только эти двое. С их матерью он познакомился в начале 1914 года, когда сопровождал в Мехико старого генерала Масиаса, прежнего губернатора Пуэблы, занявшего этот пост после того, как Викторiano Уэрта убил Мадеро. Я так и не поняла толком, что тогда произошло, Андрес рассказал лишь обрывками, в тот вечер, когда привез детей.

Масиас был родом из Сакатлана. Как и отец Андреса, он служил в кавалерии, воевал в Пуэбле против французов, а позднее присоединился к войскам Порфирио Диаса. Благодаря ему он разбогател и достиг высокого положения в обществе. После революции он вернулся в деревню, где у него было собственное ранчо, там он чувствовал себя в безопасности. Андрес устроился к нему на работу, присматривал за крестьянами. Андрес был умным и сметливым парнишкой, к тому же сыном его хорошего знакомого, что играло далеко не последнюю роль.

Когда Уэрта предложил старику пост губернатора, тот пришел в восторг и вместе со своим помощником отправился в Пуэблу. Однако спустя полгода новоиспеченный губернатор почувствовал себя плохо. Он решил отправиться на лечение в Мехико, взяв с собой Андреса, поскольку уже не мог обходиться без него; Андрес к тому времени многократно доказал свою исполнительность и поистине собачью преданность. Он всегда знал, куда хозяин положил очки, содержал в порядке его одежду и даже счета. Генерал проболел три недели и умер в начале января 1914 года, как врачи и предполагали. Андрес остался в Мехико совершенно один, растерянный, без работы и с двумя серебряными монетами — последним подарком старого Масиаса.

Город ему понравился. Он нашел работу на молочной ферме в Мискоаке и остался там, положившись на случай. Тогда ему было всего восемнадцать, и он не имел ни малейшего желания возвращаться в деревню.

Там, в Мискоаке, он и встретил Эулалию — девушку, прибывшую туда с войсками Мадеро. Ее отец, Рефухио Нуньес, был бесхитростным воякой. Эулалия жила воспоминаниями о том дне, когда они вошли в Мехико, и жители встречали их аплодисментами, пока они шли от вокзала к главной площади, где стоял дворец, как Мадеро вошел во дворец, а ее отец остался снаружи вместе с рукоплещущими жителями.

Отец Эулалии работал на той же ферме, но ненавидел эту работу, глядел на дочь с мрачной улыбкой и надеялся, что скоро нагрянет революция, и жизнь бедняков наконец-то переменится к лучшему.

Между тем, они так и продолжали доить коров и развозили молоко на телеге, запряженной старой лошадейкой, которой правил Андрес. В обязанности Эулалии не входило развозить молоко, она только доила, но ей нравилось сопровождать Андреса в квартал Хуарес, стучать в двери больших домов, откуда выходили горничные в темных форменных платьях или белокожие хозяйки в шелковых халатах и с таким выражением на лицах, как будто со дня на день ожидают конца света. Она показывала ему дома, которые всего год назад разрушили из пушек во время неудавшегося мятежа. Андрес мало что понимал из ее рассказов, но притворялся приверженцем Мадуро. По его словам, у Эулалии были такие же глаза, как у Октавио. Она была маленькой, но сильной и выносливой.

Однажды утром, когда они, продав молоко, вернулись из Хуареса, она вручила ему свою девственность.

Я хотела знать всё. Как ни странно, он рассказал и остальное.

Весь тот день они провели вместе, пока не пришло время вечерней дойки, после которой они пили кофе и слушали рассказы ее отца о том, как Эмилиано Сапата брал Чильпансинго, как революционеры на севере подошли к самому Торреону, как предатель Уэрта отправил от имени генерала пакет дону Порфирио, и как ему вручили награду из Парижа.

Никто не понимал, как такое возможно, однако отец Эулалии всегда знал заранее, что произойдет в ближайшее время. Например, когда в Тамплико задержали американских моряков, которые бродили у мыса Итурбиде, он предсказал, что гринго высадутся в Веракрусе. А еще до того, как Вилья взял Сакатекас, объявил, что впереди ждет несколько кровопролитных сражений, в которых погибнет более четырех тысяч человек.

Благодаря своим способностям к предвидению он сразу понял, что Эулалия ждет ребенка от Андреса. После неизбежной ссоры к его пророчествам, касавшимся хода войны, добавились новые — о будущем внука. Эулалия также смирилась со своим грузным телом, в котором рос ребенок. Несмотря на беременность, она по-прежнему вставала на рассвете, доила коров и вместе с Андресом развозила по домам молоко.

Как-то утром в середине июля дон Рефухио, едва встав с постели, объявил, что предатель будет свергнут. Не успел он это сообщить, как пришло известие, что Палата депутатов отправила Викториано Уэрту в отставку. После дон Рефухио предсказал, как падут один за другим Пуэбла, Керетаро, Сальтильо, Тампико, Пачука, Мансанильо, Кордова, Халапа, Чиapas, Табаско, Кампече и Юкатан.

— Сегодня прибывает генерал Обрегон, — сообщил он 15 августа.

Все трое отправились на площадь, чтобы встретить генерала.

Альваро Обрегон понравился молодому Асенсио. Андрес решил, что, если станет военным, то непременно под его командованием. Обрегон казался настоящим победителем.

— Ты просто не видел Сапату, — сказала по этому поводу Эулалия.

— Ты права, не видел, — согласился Андрес. — Но я и так прекрасно знаю, как выглядят индейцы.

Они никогда не ссорились. Он говорил о ней так, словно она была ему ровней. Я никогда не слышала, чтобы он говорил так о другой женщине.

Когда Венустиано Карранса прибыл в Мехико и созвал 1 октября съезд губернаторов и генералов, дон Рефухио предсказал, что Вилья и Сапата не поддержат старика Каррансу. И, как всегда, оказался прав.

Вскоре Конвент провел сессию в Агуаскальентесе, Вилья и Сапата отправились туда. В конце октября подписали План Айалы [5]. Дон Рефухио запил, поскольку даже не предполагал, что такое возможно, а когда вести подтвердились, пил уже три дня, не просыхая, и без конца повторял одно и то же:

— Я же говорил вам, дети мои, что «Земля и свобода» обязательно победит!

— Можете говорить, что пожелаете, но плохо придется тому, кто встанет на пути генерала Каррансы, — ответил Андрес.

Эулалия тем временем варила кофе, ласково поглаживая живот. Она любила слушать разговоры мужа с отцом.

В начале ноября Карранса уехал из Мехико в Кордову, где и пребывал, не обращая ни

малейшего внимания на все указы Конвента. А Конвент как ни в чем не бывало проводил заседания в Агуаскальентесе, назначил временного президента республики и по-прежнему боролся со сторонниками Каррансы.

23 ноября гринго отбили у генерала Каррансы Веракрус, но уже 24 ноября Армия Юга вошла в Мехико.

На рассвете 6 ноября у Эулалии начались схватки. Тем не менее, ее отец решил непременно выйти на бульвар Реформ, чтобы увидеть, как в город войдет Конституционалистская армия во главе с Вильей и Сапато.

Колонна в пятьдесят с лишним тысяч человек двинулась следом за ними. Демонстрация началась в десять часов утра и закончилась в половине пятого вечера. Эулалия прямо посреди улицы разрешилась дочкой. Отец принял роды, обтер ребенка и завернул в платок, пока Андрес таращился на них, чувствуя себя полным идиотом.

— Пресвятая дева! — только и смогла выдохнуть Эулалия между схватками.

Она повторяла это без конца, и пока они добирались домой, и потом, когда дон Рефухио купал новорожденную. Андрес решил, что так малышку и назовут — Дева. Но когда новорожденную принесли крестить, священник сказал, что не может дать младенцу такое имя, и предложил назвать ее немного иначе: Вирхиния, что и означает непорочная дева. Они согласились.

На восьмой день после родов Эулалия появилась на ферме с привязанной за спиной дочкой и сияющей улыбкой на лице, еще более радостной, чем год назад. У нее была дочка, был мужчина, и ей посчастливилось увидеть Эмилиано Сапату. Этого ей было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой.

Андресу, в отличие от нее, осточертела вся эта рутина и нищета. Он мечтал разбогатеть, стать генералом, мечтал командовать парадом, а не глазеть на них из толпы. Ему надоело доить коров и слушать бесконечные пророчества доня Рефухио, не сулившие ничего хорошего. По всей стране шла война конвенционистов и сторонников конституции. Сегодня побеждали одни, а на следующий день одерживали верх противники; сегодня выходил один указ, а завтра — совсем другой, отменявший прежний; одни считали столицей Мехико, другие — Веракрус. Андрес считал, что у сторонников конституции хотя бы неизменный лидер, а у конвенционистов лидеров слишком много, они постоянно менялись и не могли между собой договориться.

— Ты что же, не веришь в демократию? — спросил однажды тесть.

— Дон Рефухио, как всегда, оказался весьма наблюдательным, — рассказывал мне Андрес. — Я и сам хотел бы поверить в демократию. Но, как сказал лейтенант Сеговия: «Демократия без лидера — уже не демократия».

В начале января в Мехико еще хозяйничали конвенционисты, но уже в конце месяца Альваро Обрегон занял город, и к власти пришли сторонники конституции. В эти дни на город обрушился ураган, сорвал провода и повалил фонарные столбы, после чего городские улицы погрузились в темноту. Деревья выворотило с корнем, а в домике, где жили Андрес, Эулалия и дон Рефухио, сорвало крышу, так что они дрожали от холода. Эулалия даже в эти минуты пыталась шутить, а дон Рефухио все ворчал, как отвратительна бедность, и лишь революция может положить этому конец. Молодой Асенсио провел эту ночь, проклиная всех и вся, и поклялся покончить с нищетой.

Он устроился на работу помощником священника-испанца, служившего мессу в Мискоаке. К сожалению, проработал он недолго, поскольку Обрегон наложил на церковь

контрибуцию в пятьсот тысяч песо, и когда священники не смогли ее выплатить, вызвал их в свой штаб. Андрес сопровождал туда падре Хосе, человека весьма богатого, и собственными ушами слышал, как тот клянется именем Пресвятой девы из Ковадонги, что беден, как церковная мышь. Обрегон приказал арестовать мексиканских священников и выпустил иностранцев — при условии, что те немедленно покинут страну. В тот же день падре Хосе распрощался с прихожанами и отбыл в Веракрус с чемоданом, полным золота. Во всяком случае, так решил Андрес, который нес чемодан до вокзала.

Дальше все пошло только хуже. Коровы стали давать меньше молока и вконец отошали. Эулалия и Андрес бродили по городу, выискивая, где бы подешевле купить хлеба или угля. Часто они не находили ни того ни другого, а если и находили, у них все равно не было денег, чтобы заплатить.

В марте, к великой радости дона Рефухио и его дочери, армия Юга снова заняла город; Обрегон бежал из Мехико накануне вечером. Вслед за армией в Мехико прибыли президент Конвента и большая часть делегатов.

Эулалия и ее отец были преисполнены самых радужных надежд, которых Андрес не разделял. К тому времени Эулалия снова забеременела. Жалованье на ферме платили нерегулярно, и денег постоянно не хватало. Андреса раздражали иллюзии жены. Он даже хотел уйти от нее. Теперь, спустя почти двадцать лет, он сам не мог объяснить, почему тогда не ушел.

Эулалия была уверена, что сеньоры из Конвента просто не знают, в каких ужасных условиях живут люди, поэтому, услышав, что народ с пустыми корзинами собирается выйти и помешать провести сессию, требуя хлеба, она, недолго думая, отправилась вместе со всеми. Андрес не хотел ее сопровождать, но, увидев, как она радостно выходит из дома с закутанной в платок дочкой на руках, все же последовал за ней.

— Хлеба! Хлеба! — кричала толпа, выставляя на всеобщее обозрение пустые корзины и голодных детей. Его жена кричала вместе с остальными, а сам Андрес лишь шепотом матерился, не сомневаясь, что этим они все равно ничего не добьются.

Представитель Конвента объявил народу, что на покупку товаров первой необходимости будет выделена сумма в пять миллионов песо.

— Теперь у нас будет еда, — объявила Эулалия на следующий день, доставая большую корзину и собираясь на распродажу дешевой кукурузы, которая должна была состояться во дворе школы горного дела.

На этот раз Андрес с ней не пошел. Он смотрел, как она уходит — тощая, с синяками под глазами, выступающим животом и малышкой, завернутой в платок. От прежней Эулалии осталась лишь неотразимая улыбка. Андрес решил, что жена сходит с ума, и в растерянности закурил, опустившись на пол.

Когда наступил вечер, а Эулалия так и не вернулась, он отправился ее искать. Добравшись до школы горного дела, он обнаружил там лишь нескольких солдат, подбирающих разбросанную обувь, да кучу пустых корзин. И ни единого кукурузного зернышка. Как выяснилось, за дешевой кукурузой сюда рванули со всего города более десяти тысяч человек. Люди остервенело дрались за каждое зернышко. Народу собралось столько, что многих попросту раздавили. Более двухсот человек попали в больницы Красного Креста; одни почти задохнулись, зажатые со всех сторон, другие получили солнечный удар.

Андрес нашел Эулалию в старой больнице Красного Креста. Она лежала на койке вместе с раненой в голову дочкой и встретила мужа неизменной улыбкой.

Она ничего не сказала — лишь раскрыла ладонь, на которой лежало кукурузное зернышко. Увидев его испуганный взгляд, она раскрыла другую ладонь.

— Вот еще, — прошептала она.

Получив на ферме жалованье в десять песо, они почувствовали себя настоящими богачами и отправились на рынок Сан-Хуан купить еды. Они прибыли туда к полудню. Почти все лавки были закрыты. Перед дверью пекарни стояла толпа женщин, громко крича и молотя в нее кулаками.

Идем туда! — засмеялась Эуалия, и тут же стала ломиться в дверь изо всех оставшихся сил.

Внезапно дверь распахнулась, не выдержав напора, и толпа осатаневших от голода женщин ворвалась внутрь, где они принялись драться за хлеб, швыряя его в свои корзины. Андрес наблюдал за этой безобразной дракой, к которой присоединился пекарь-испанец, пытаясь помешать женщинам растаскивать хлеб на дармовщинку. Пекарь вырывал у женщин корзины, чтобы достать из них хлеб, который они успели туда натолкать. Когда одна из них схватила стоящий на прилавке лоток с булками и принялась ссыпать их в свою корзину, пекарь ухватил ее за косы, пытаясь оттащить прочь.

В деревянном ящике под прилавком Андрес обнаружил немного денег, поспешно выгреб всю наличность и разглядел Эуалию в самой свалке, сплетении рук и платков, где женщины подбирали крошки и надкусывали свою добычу. Андрес пробрался к выходу и позвал жену. Она показала ему надкусанную буханку, которую сжимала в руке, и сверкнула улыбкой с крошками в зубах. Андрес выпихнул ее за дверь и потащил за собой.

— А ты что же — так ничего и не добыл? — спросила Эуалия, недоумевая, почему они сбежали от такого развлечения в самый разгар.

Андрес не ответил. По дороге домой он предоставил ей грызть булку с анисом, а когда они вернулись на ферму, заявил, что не даст ей ни кусочка хлеба, потому что она никчемная тупица.

Дон Рефухио оставался дома присматривать за малышкой и качать ее в люльке, привязанной к потолку. Счастливая Эуалия протянула стареющему пророку хлеб из корзины. Андрес, глядя, как она смеется, обнимая отца и дочку, решил приберечь деньги на черный день. Но поскольку Эуалия не переставала его бранить, он вытряхнул из сумки все деньги, которые собрался припрятать.

— Сколько песо! — закричала Эуалия, подбрасывая монеты высоко в воздух.

Тем же вечером они купили платок для нее и две рубашки: одну для Андреса, другую — для дона Рефухио. Для дочки они купили чепчик с оборками из блестящего сатина, а остальные деньги потратили на сахар, кофе и рис. Андрес настоял на том, чтобы приберечь пятнадцать песо.

— На целых пять песо больше, чем утром, — заметила Эуалия перед сном.

Наутро их разбудили ружейные выстрелы. Стреляли так близко, что они даже не решились выйти из дома, чтобы подоить восьмерых тощих коров, что еще оставались на ферме. Но Эуалии нужно было молоко, чтобы размочить в нем кусок хлеба для дочки, и она, несмотря на предупреждения отца, все же пошла доить коров.

Весь день на улице гремели выстрелы. Андрес и Эуалия с утра отправились в Хуарес продавать молоко, но никто не открыл им дверей. Не было видно ни поездов, ни машин, все лавки были закрыты, и лишь несколько человек отважилось высунуть нос на улицу.

Вечером того дня войска конвенционистов оставили Мехико, а на следующее утро в

город вошли первые отряды сторонники конституции. Через два дня подтянулись и остальные силы, вместе с которыми прибыли новый военный комендант, новый полицейский инспектор и новый губернатор округа.

Эулалия, взяв с собой банкноту в один песо, отправилась в лавку, чтобы купить сала, и там ей сказали, что эти бумажки больше ничего не стоят. Эулалия вернулась домой вне себя от ярости, проклиная Андреса за то, что не позволил потратить всё сразу.

Она так разозлилась, что чуть не сожгла все оставшиеся банкноты, но ее отец предсказал, что конвенционисты вернутся к власти, и банкноты снова окажутся в ходу.

Эулалия стала бледной и печальной. Андрес утверждал, что это из-за беременности, но дон Рефухио напомнил, что во время предыдущей беременности она такой не была.

— Говорят, что каждая беременность протекает по-своему, — заявила Эулалия в разгар спора.

Пять дней спустя в город вернулись конвенционисты. Узнав об этом, Эулалия с теми же банкнотами отправилась в ту лавку, в которой ей отказались продать сало.

На сей раз она преспокойно купила два килограмма риса, килограмм муки, два килограмма кукурузы, килограмм сахара, килограмм кофе и еще коробку сигар.

Когда же к власти вновь пришли сторонники конституции, и дон Рефухио предсказал, что теперь они задержатся надолго, Эулалия с гордостью оглядывала свою кладовую, заполненную припасами.

Карранса пробыл в городе уже месяц, и его правительство признали даже в Соединенных Штатах, когда Эулалия родила мальчика с ясными, как у Андреса, глазами и такой же сияющей улыбкой, как у нее. Дон Рефухио пребывал на седьмом небе от счастья, и все никак не мог решить, какую судьбу предсказать новорожденному Октавио, поскольку даже представить не мог, какая стезя может быть достойна столь прекрасного ребенка.

Вирхинии к этому времени уже исполнился год, и в то утро, когда родился Октавио, она сделала свои первые шаги. Мать и дед были слишком заняты новорожденным, чтобы обращать внимания на Вирхинию, а отец думал лишь о том, как бы выбраться из ненавистой нищеты.

Теперь он в одиночку доил коров и развозил молоко, а в городе наконец-то настал порядок и даже чистота.

Однажды хозяин фермы попросил его съездить в новую организацию под названием «Департамент регулирования цен», чтобы узнать про цены на молоко, нельзя же продавать его так дешево.

Там, в окошке справочного отдела, Андрес увидел Родольфо, друга детства из Сакатлана. В первую минуту ему показалось, что он увидел призрак. Родольфо стал сержантом и прибыл в Мехико с Восточной Армией, хотя не участвовал ни в одном сражении.

Он работал сборщиком налогов, и звание ему было необходимо, чтобы вызвать к себе уважение. Он был старше Андреса на два года, а не виделись они больше четырех лет. Андрес всегда считал приятеля тупицей, но сейчас, увидев его, хорошо одетого и столь же упитанного, как в те дни, когда их откармливали матери, решил, что ошибался насчет Родольфо. Они поприветствовали друг друга, словно расстались только вчера, и вместе отправились ужинать.

В свою хижину в Мискоаке Андрес вернулся далеко за полночь. Когда жена накинулась на него с упреками и расспросами, где он пропадал, он рассказал, что встретил старого

друга, которому повезло дослужиться до сержанта, и заверил, что скоро и у него будет высокооплачиваемая работа.

Дон Рефухио пощипал себя за усы и сказал дочери:

— Вот видишь, я был прав. Этот человек далеко пойдет. Он всегда найдет общий язык с этими молодчиками с севера, хотя меня от этого тошнит.

— Он будет крестным отцом нашего Октавио, — заявил Андрес.

Лицо Эулалии озарилось неизменной улыбкой, и она без сил упала на кровать рядом со своим сыном.

— Она устала, — сказал дон Рефухио, указывая на спящую дочь. — Сдается мне, она скоро умрет.

К сожалению, дон Рефухио, как всегда, оказался прав. Спустя несколько месяцев в Мискоак пришла эпидемия тифа и унесла Эулалию.

Через восемь дней ее смех умолк; она почти не говорила, тело ее горело, распространяя зловоние. Андрес и дон Рефухио молча наблюдали за ее агонией. Они ничем не могли ей помочь — только сменить мокрую тряпку на лбу. От тифа еще никто не поправлялся, Эулалия прекрасно это знала и не хотела омрачать последние дни. Она лишь благодарно смотрела на отца с Андресом и время от времени улыбалась.

— Желаю тебе удачи, — сказала она Андресу в последний день, прежде чем окончательно угасла в молчании и жару.

Глава 5

Много лет я свято верила в эту трогательную драматическую историю. Я глубоко чтילה память Эулалии, старалась улыбаться так же, как она, и долго ей завидовала, что мне не довелось испытать столь же беззаветной любви, которая связывала ее с генералом. Так продолжалось до тех пор, пока Андрес не выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора Пуэблы. В тот же день его противники принесли к нам в дом некий документ, в котором Андреса обвиняли в том, что он служил под командованием Викторiano Уэрты, когда тот отказался признать правительство Мадеро.

— Так значит, про молочную ферму всё вранье? — спросила я, едва он появился на пороге.

— Если ты веришь моим врагам больше, чем мне, то нам больше не о чем говорить, — ответил он.

С этой злополучной бумагой в руках я провела несколько часов в саду, без конца размышляя о том, что внезапно узнала, пока вдруг не увидела его прямо передо мной, с коленями на уровне моего лица. Он посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

— В чем дело? Не хочешь стать губернаторшей?

Я взглянула на него, и мы оба рассмеялись. Я сказала, что, конечно, хочу, и тут же выбросила из головы, как мне он лгал, пытаюсь приукрасить свое неблагоприятное прошлое. Конечно, мне хотелось стать губернаторшей. Я и так уже провела почти пять лет, разрываясь между кухней, младенцами и пеленками, и готова была выть от скуки.

Вслед за Веранией родился Серхио. Когда он впервые закричал, я почувствовала, как освободилась от камня в животе, и решила, что это в последний раз. Я вновь стала сумасшедшей матерью, Андрес же почти не интересовался детьми. Он по-прежнему был начальником тыла округа, ненавидел губернатора и водил дружбу с Хайсом. Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы у него не оставалось времени ни на что другое, так при

этом он еще повадился регулярно ездить в Мехико, где навещал своего приятеля Родольфо, ставшего заместителем министра. Однажды, к величайшей радости обоих, его начальник, генерал Агирре, выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

Андрес отправился вместе с ним в тур по стране. Поездка была такой далекой и такой долгой, что мы с Октавио даже не смогли вовремя его известить о том, что однажды вечером Вирхиния отправилась в магазин за нитками и не вернулась. Мы тут же обратились в полицию, искали ее много дней, но так и не узнали, что с ней случилось. Когда Андрес вернулся домой и узнал о исчезновении дочери, он принял это, как неизбежность смерти.

Еще до того, как он стал губернатором, я узнала, что у него имеются и другие дочери. В то время он решил стать хорошим отцом и представил мне еще четырех дочерей: Марту, пятнадцати лет, Марселу — тринадцати, и, наконец, Лилию и Адриану — этим было по двенадцать.

Адриана и Лилия — сестры-близнецы — были дочерьми послушницы из монастыря капуцинок в Тлалпане, который Андрес со своим полком закрыл во время религиозных преследований. Лилия очаровала меня с первого взгляда. У нее были каштановые волосы и огромные любопытные глаза. При нашем знакомстве она сразу спросила: правда ли, что я — жена ее отца? Я ответила, что да, правда, и тогда она назвала меня мамой. Адриану же, напротив, оказалась очень замкнутой девочкой, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы найти с ней общий язык.

К тому времени Верании исполнилось четыре года, а Серхио — мы называли его Чеко — три. Таким образом, когда мы переехали в дом на холме Лорето, у нас было семеро детей, включая Октавио. Дом стоял хоть и на холме, но не на главной улице, и к нему приходилось добираться, петляя узкими переулками. Дом внезапно появлялся из-за длинного забора, вдоль которого приходилось долго идти. За забором простирался обширный сад, в глубине которого прятался трехэтажный дом. В доме имелся внутренний дворик-патио, а также четырнадцать спален и несколько залов для приемов. Не хочу даже вспоминать, как я набегалась, прежде чем обставила его мебелью.

Я как раз развешивала по стенам последние картины, когда вдруг раздался стук в дверь. За ней стояли двести рабочих из профсоюза, пришедшие засвидетельствовать свое почтение. Когда-то все они были крестьянами из Мариачиса, а теперь Хайс вместе с группой испанцев, производителей тканей, взял их на работу. Мне пришлось в спешке организовывать праздник. Я должна была нанять официантов и лакеев, которых помощники Андреса тут же проводили на кухню. Уже к завтраку все было готово для банкета. По всему саду расставили столы, и за какие-то две недели из скромной матери двух малышей я превратилась в хозяйку большого дома с четырьмя десятками слуг, устраивающую ежедневные званые обеды то на пятьдесят, то на триста персон.

Детей пришлось поручить заботам нянь, и я теперь их видела лишь мельком, во время кратких перерывов между приемами. К счастью, к нам переехала моя сестра Барбара, которая очень скоро превратилась в моего личного секретаря.

В этом году законодательная палата Пуэблы дала женщинам право голоса — это событие обрадовало одну лишь Кармен Сердан [6], да еще четырех учительниц. Тем не менее, в каждом своем публичном выступлении Андрес непременно упоминал о важности роли женщины в политической и революционной борьбе.

Его выступление в Чолуле началось с того, что к нему подошли несколько женщин и спросили, какой вклад они лично могут внести в дело революции, на что он ответил —

естественно, словами мудрого генерала Агирре — что мексиканские женщины должны объединиться и сообща отстаивать свои права работниц и крестьянок, требовать равенства в супружеских отношениях, и так далее. С этой минуты я больше не верила ни единому его слову. А вдобавок спустя лишь три дня после столь пламенной речи о правах рабочих и крестьян он уже выпивал вместе с Хайсом, празднуя подписание указа о возвращении угодий, экспроприированных законом о национализации. Во время его очередного выступления на арене для боя быков люди были так возмущены его враньем, что устроили поджог. Многие получили увечья. Из всей прессы об этом инциденте упомянула лишь газета Хуана Сориано.

Эта трагедия положила конец одобрению горожан, и мы отправились в турне по штату. Вместе со всеми детьми, нянями и поварами мы кочевали из одного городка в другой, выслушивая крестьян, которые требовали дать им землю и установить справедливость — короче говоря, совершить чудо. Чего только у нас не просили: от швейной машинки до исцеления больного полиомиелитом ребенка. Один просил черепицу для крыши, другой — осла, третий — денег в долг, четвертый — семян, пятый — построить в деревне школу. А я просто наслаждалась поездкой.

Мне нравилось посещать маленькие городки — такие, как Сан-Маркос; но еще больше я любила подниматься в горы до самого Куэцалана. Я никогда не видела такой растительности — горы и холмы были сплошь покрыты зеленью. Зелень покрывала даже скалы, а овраги скрывались в бесконечном зеленом море. Женщины Куэцалана носили длинные белые одежды, а волосы заплетали в косы с шерстяными тесемками и укладывали на голове. Как грациозно они огибали камни и лужи, даже не задевая их юбками. Выглядели они как девочки, ростом не выше двенадцатилетней Лилии, и носили огромные корзины вместе с несколькими детьми. Когда мы вошли в город, он показался нам совершенно безлюдным. Нам объяснили, что жители просто попрятались, потому что не хотят вступать в партию и боятся выборов, поскольку знают — заканчиваются они всегда стрельбой и трупами. Вот и теперь они боятся нового кандидата и не горят желанием его видеть.

Андрес пришел в ярость, обвинив во всем устроителей кампании, которые за несколько дней до нашего прибытия уведомляли жителей каждого городка о нашем приезде. Он обзывал их тупицами, набросился на них с хлыстом и угрожал прибить, если не соберут народ на площади.

Я вместе с детьми вышла из фургона, поскольку им хотелось пройтись по мощеным улочкам до церкви и купить на рынке апельсинов и перца чили. Сказать по правде, я готова была сбежать хоть на край света, лишь бы не слышать воплей Андреса.

Октавио показывал путь. Ему хотелось произвести впечатление на своих сестер, которые казались ему красивейшими девушками на свете. Похоже, он никак не мог смириться с тем, что Марсела — его сестра. При каждом удобном случае он брал ее за руку, помогал идти по булыжной мостовой — одним словом, вел себя не как брат, а как жених. Глядя на них, я представила, как прелестна будет Марсела в индейском костюме. Я решила, что мы все должны одеться как местные.

Донья Ремихия, супруга партийного делегата, разыскала для нас местную одежду и помогла переодеться. Она одолжила нам свои юбки и юбки сестер; шерстяные тесемки для украшения волос тоже нашлись. Для маленькой Верании мне выдали белую рубашку. Мы вернулись на площадь, где Андрес уже произносил речь для тех немногих местных жителей, которых удалось разыскать. Под тяжестью шерстяных тесемок нам было совсем непросто

держат головы прямо. Выглядели мы странно, но всем понравилось. Люди двинулись за нами от самого рынка. Когда мы добрались до площади, оказалось, что мы привели с собой втрое больше людей, чем удалось собрать помощникам генерала Асенсио. Мы встали прямо перед ним, и тогда он обратился к нам с речью:

— Народ Куэцалана, вот моя семья, такая же простая и дружная, как и ваши. Семьи — самое важное, что у нас есть, и даю слово, я сделаю все, чтобы у ваших детей было такое будущее, какого они заслуживают...

И всё в таком духе. Мы молча внимали, один лишь Чеко снял шляпу и бегал между нашими ногами. Октавио тут же воспользовался случаем, чтобы положить руку на талию своей сестры Марселы и не убирал ее, пока Андрес вещал о роли семьи. Из Куэцалана на мы спустились в Сакатлан — городок, где родился Андрес. Семьи Дельпуэнте и Фернандес, которые хозяйничали в городке до революции, еще помнили те времена, когда Андрес уехал отсюда нищим и озлобленным, а теперь он вернулся, чтобы самому стать хозяином.

В тот же вечер мы узнали, что в местной цирюльне один из клиентов спросил другого, пойдет ли тот на встречу с генералом Асенсио.

— Да какой он генерал! — отмахнулся тот. — Он был и всегда останется сыном погонщика мулов. Как говорится, из грязи — в князи!

На другой день этот человек не пришел на торжественный обед, который давали в нашу честь деревенские старейшины. Генерал поинтересовался, где он, и выразил сожаление, что он не пришел разделить с нами трапезу. Нам сообщили, что еще утром его зарезал в драке какой-то пьяница.

Несмотря на это печальное происшествие, на праздник явился весь Сакатлан. Танцы и фейерверки продолжались всю ночь. Андрес держался со мной необычайно галантно, как будто я в этом нуждалась, и поблагодарил за то, что я сделала в Куэцалане. Он выглядел счастливым.

Счастливой казалась и его мать, которую я прежде видела всего три раза, и она всегда выглядела угрюмой. Теперь же она смеялась и танцевала до упаду, словно сын вернул ей достоинство и вкус к жизни.

Донья Эрминия была худой женщиной с глубоко посаженными глазами и тяжелой челюстью. У нее были редкие седые волосы, без особых затей забранные в пучок. Она настолько привыкла жить в бедности, что, когда ее сын стал важной шишкой, не захотела ничего менять и не пожелала уезжать из Сакатлана.

Андрес купил для нее дом напротив рынка. Каменный, с балконами, украшенными чугунными решетками, которые бывшие хозяева привезли из Франции. В доме было множество спален — по одной на каждого из ее детей и внуков — непонятно зачем, поскольку донья Эрминия была женщиной замкнутой, и внуки навещали ее редко; я уже не говорю о детях, которые из кожи вон лезли, чтобы сделать карьеру. Андрес любил заезжать в Сакатлан. Он купил для матери этот каменный дом, чтобы та баловала сына, чего не могла себе позволить, когда он был маленьким. Я обычно не сопровождала Андреса в его поездках к матери, чтобы не нарушать идиллию. К тому же мне никогда не нравился Сакатлан: там постоянно лил дождь, и у меня от этого портилось настроение.

Мы не обошли своим вниманием ни один городок. Андрес был первым кандидатом на пост губернатора, который вел такую кампанию. А что еще ему оставалось? Ведь Агирре стал первым кандидатом в президенты, объехавшим всю страну.

Мне нравилась эта кампания. Несмотря на самодурство генерала, тогда мы еще были

близки, он еще казался мне нормальным человеком. Я имею в виду, говорил, не отклоняясь от сути, иногда целовал кого-нибудь из дочерей и каждый вечер перед сном расспрашивал меня, правильно ли себя вел, и как я считаю, любит ли его народ, и готова ли я в случае успеха работать вместе с ним, приняв на себя обязанности губернаторши.

По примеру генерала Агирре он проводил бесконечные часы, выслушивая жалобы крестьян. То же самое было и в Тесьютлане, другом городке в горах. Там для него установили помост, перед которым выстроилась вереница индейцев с их нескончаемыми проблемами. У одного не было волов, у другого сосед отхватил кусок земли, что дала ему революция; а если речь шла не о земле, что дала революция, то о детях, которым родители не желают своей судьбы. Каждый рассказывал историю своей жизни, и все требовали от Андреса такого, что под силу одному лишь Богу.

Андрес выдержал эту пытку только один день. На следующее утро, после ванны, он стал проклинать дурацкие привычки генерала Агирре и спросил, не кажется ли мне, что каждый человек имеет право на собственные пристрастия. Я ответила, что он, безусловно, прав. И его речи стали короткими, в Теуакане она длилась всего час. После этого мы отправились купаться на ранчо Эль-Риего, которое славилось своими горячими источниками, и где любил отдыхать генерал Агирре.

Наконец, настал день выборов. Мы с Андресом отправились голосовать. На следующий день во всех газетах красовалась наша фотография, где мы стоим перед урной, держась за руки. Других кандидатов, кроме Андреса, не было, так что выборы прошли вполне мирно, хотя нельзя сказать, что в них приняло участие много людей. В то воскресенье улицы опустели. Утром люди, как всегда, отправились к мессе, а после ее окончания тихонько разошлись по домам. Голосовать пришли рабочие из профсоюза и чиновники, может, еще пара любопытных. Разумеется, в итоге Андрес на совершенно законных основаниях занял губернаторский дворец.

Сейчас мне нередко приходится слышать, что люди в то время просто не знали, что их ждет, а потому палец о палец не ударили, чтобы это предотвратить, но я думаю, что они хотя бы могли попытаться.

Слишком уж эти люди были привязаны к своим домам и имуществу. Они готовы были умереть, но только не подняться плечом к плечу на борьбу с тираном.

Первые время губернаторства прошли для меня в радостном возбуждении. Все для меня было внове. Я подружилась с женами приятелей Андреса. Поскольку Чеко был сыном губернатора, все девочки бегали за ним хвостом. Думаю, генералу было приятно видеть, как мы развлекаемся.

Возможно, именно поэтому он взял нас на открытие приюта «Сан-Роке» — говоря попросту, сумасшедшего дома для женщин. Перерезав ленточку и произнеся торжественная речь, он объявил, что пригласил музыкантов, и сейчас будут танцы. Пациентки в розовых халатиках выглядели очень элегантно и казались по-настоящему счастливыми, слушая музыку. Андрес танцевал с одной хорошенькой девицей, которая здесь лечилась от алкоголизма, но давно уже не пила. Откровенно говоря, она казалась единственным нормальным человеком среди всех этих женщин, впавших в детство, считающих, что их кто-то преследует или мечущихся между эйфорией и глубочайшей депрессией. Губернатор танцевал со всеми, включая меня, я чувствовала себя здесь неплохо и даже решила, что могла бы тут передохнуть.

Андрес вдруг потребовал музыкантов угомониться и объявил меня главой

попечительского совета. Под моим попечением оказался «Сан-Роке», а также детский приют «Домашний очаг» и несколько городских больниц.

Я задрожала от ужаса. Мало мне было детей и целой армии домашних слуг, каждому из которых я должна была дать особое распоряжение, чтобы они шевельнули хоть пальцем, так теперь еще и все эти сумасшедшие, сироты, больницы... Всю ночь я уговаривала Андреса освободить меня от этой обузы. Он сказал, что никак не может. Ведь я его жена, а жены политиков именно этим и занимаются.

— Тебе бы только трахаться и распевать, — сказал он.

На следующий день мы отправились в «Домашний очаг». Несмотря на чудесное название, приют оказался невероятно грязным и заброшенным. Дети бегали по двору полуодетыми, с соплями до подбородка, не мытые месяцами. За ними присматривали какие-то неряшливые тетки, которые едва знали их по именам и не отличали просто непослушных детей от умственно отсталых — всех считали хулиганами. Дети спали на железных кроватях с тощими тюфяками, многократно описанными. Среди детей было несколько новорожденных; к ним приставили изможденных кормилиц, которые дважды в день прикладывали младенцев к иссохшим грудям.

Я подумала о тех матерях, что сбежали, бросив детей на растерзание этим четырем ведьмам.

Приютский врач, выглядящий вполне разумным, просветил меня по этому поводу:

— Если младенцам давать коровье молоко, они могут умереть, — сказал он.

— Уж лучше пусть умрут, чем будут жить вот так, — ответила я.

И кто же положил конец моему милосердию? Разумеется, муж. В тот же вечер он заявил, что я все преувеличила и он не даст ни гроша сверх положенного ни на приют, ни на больницы, а что касается сумасшедшего дома, то хватит с них уже и одного нового здания.

— Если бы ты видел, как они живут. У них нет даже кроватей.

— Эти женщины всю жизнь спали на полу, — ответил он. — Скажите, какие важные сеньоры! Важных сеньор в дурдоме не держат, они все по улицам гуляют.

— Ну да. С тобой под ручку.

Утром я как раз ходила в магазин «Новый век», чтобы купить платице для Верании, и продавщица спросила, понравилась ли мне манильская шаль, которую генерал позавчера купил мне в подарок. Я ответила, что она просто прелестна, глядя, как побелело от ужаса лицо хозяина магазина, всегда знавшего, куда на самом деле отправляются покупки Андреса Асенсио. Например, шаль послали в дом одной сеньоры из Чолулы. Сначала я решила, что ничего ему не скажу, но не вытерпела. Во всяком случае, ему больше не удастся делать вид, будто я ничего не знаю.

Я предложила нашим девочкам помочь мне с благотворительными балами, приемами и лотереями, чтобы выручить хотя бы немного денег на благотворительность. Девочки охотно согласились. Чего только они ни придумали: от постановки с участием Фреда Астера до благотворительного бала в губернаторском дворце. Я была так занята организацией праздников, что и не знала, как обстоят дела в сумасшедшем доме и в приюте. В конце концов, думаю, все забыли, для чего это устраивалось.

Разве что моя сестра Барбара, как мой секретарь, отправляла одежду для малышей, кровати для сумасшедших и простыни для больниц. Когда мы снова наведались в «Сан-Роке», там было очень чисто, а женщины выстроились в очередь, чтобы нас поблагодарить. Их лица стали даже более радостными, чем розовые халатики. Среди пациентов

обнаружились две девушки, которые выглядели совершенно нормальными: та, с которой танцевал Андрес, и еще одна, рассказавшая мне, что ее сюда запер брат, чтобы прибрать к рукам наследство. Я предложила им переехать жить к нам. После того, как праздник закончился, мы смогли забрать их без особых помех. Никому не было до них дела.

В тот вечер в Государственном колледже состоялась торжественная церемония провозглашения его университетом. Эта кампания была одной из навязчивых идей Андреса, однако осуществить ее он смог лишь спустя несколько месяцев после того, как занял пост губернатора. Ректором университета стал директор колледжа; в тот вечер ему торжественно присудили степень доктора наук. Все газеты громко возмущались произволом, но Андреса это совершенно не волновало. На церемонию он вырядился в мантию и шляпу с кисточкой, а нас заставил разодеться как на парад.

Поскольку времени, чтобы решить, как поступить с бывшими пациентками дурдома, не оставалось, их тоже пригласили на праздник. Одной из них одолжила свое платье я, а другой — Марта.

На приеме я представила ректору одну из этих девочек. Он взял ее на работу секретаршей. Другую девушку — ту, у которой брат отобрал наследство — я представила президенту Верховного Суда, и он заверил, что лично проследит за тем, чтобы справедливость восторжествовала. Полагаю, он сдержал слово и вернул ей наследство, поскольку месяц спустя я получила в подарок серебряный чайный сервиз, к которому была приложена визитная карточка сеньориты Имельды Басурто с припиской в скобках «Лишенная наследства». А ниже помещалась надпись: «С глубокой благодарностью за торжество правосудия».

Просители так и зачастили в наш дом — все желали встретиться со мной и просили замолвить словечко перед Андресом.

Я их честно выслушивала, а Барбара все записывала. По вечерам я просматривала список просьб, затем читала его вслух генералу, а уж он решал, что делать: этого — к Годинесу, та пусть сама зайдет ко мне в кабинет, этого я никак не могу сделать, а тому сеньору дай что-нибудь из своей копилки для раздачи милостыни и так далее.

Первое большое разочарование постигло меня после того, как мне нанес визит один весьма образованный сеньор и сообщил, что городской архив собираются продать на картонную фабрику. Весь архив нашего города хотят продать на макулатуру по три сентаво за килограмм! Вечером я перво-наперво собиралась обсудить это с Андресом. Он даже не стал отпираться; лишь сказал, что бумаги совершенно бесполезны, что для Пуэблы главное — не прошлое, а будущее, и такие груды человеческой памяти просто негде хранить. А здание, где сейчас находится архив, предполагают отдать университету, которому нужны помещения под аудитории. Кроме того, уже поздно что-то предпринимать, поскольку Диас Пумарино, его секретарь, уже оформил продажу архива, а полученные деньги переведут детскому приюту.

На следующий день мне пришлось, сгорая от стыда, сообщить сеньору Кордеро, что я ничем не могу ему помочь. Разумеется, приюту эти деньги тоже не достались, потому что, когда утром к Андресу явились люди из Ассоциации коневодов, деньги, полученные от продажи архива, уже лежали у него на столе, и он тут же отдал их вместе с правительственным чеком в качестве личного подарка.

Это была только первая моя неудача. Потом все пошло еще хуже. Однажды ко мне пришла одна взволнованная сеньора. Ее муж, известный в городе врач, вместе с семьей жил

в собственном доме. В очень красивом доме номер 18 на Восточной улице. Как сообщила эта женщина, дом приглянулся генералу Асенсио. Он позвонил ее мужу и сказал, что хочет купить дом. Когда же ее муж ответил, что дом не продается, поскольку это семейное достояние, Андрес заявил, что очень надеется на его благоразумие, поскольку не хотелось бы покупать дом у вдовы. После такой угрозы доктор согласился продать дом и назвал цену. Услышав, сколько тот просит, Андрес извлек из ящика бланк купчей на недвижимость и написал ту сумму, в соответствии с которой доктор уплачивал налоги. Ровно половину того, что запрашивал доктор. Андрес дал им всего три дня, чтобы освободить дом.

На следующий день после этого разговора жена доктора пришла ко мне. Вечером я поговорила с Андресом.

— Не слушай всяких сплетниц. Скажи, что ты ничего не знаешь.

— Так это правда? Зачем тебе нужен этот дом?

— Тебе-то что? — проворчал он и заснул.

На следующий день я отправилась будить Октавио, чтобы рассказать ему эту историю.

— Почему бы тебе не послать к черту всех этих визитеров и не заняться чем-нибудь более приятным? — спросил он.

Я стала объяснять ему все с самого начала, подробно рассказав о злополучном доме, поскольку была уверена, что он просто спросонья ничего не понял.

— Ах, Кати, только не говори, будто не знаешь, что все в этом мире продается и покупается, — ответил он, садясь в постели и потягиваясь. Затем громко и со вкусом зевнул.

— Можно войти? — спросила Марсела, толкая дверь.

Она была одета в брюки и рубашку, которые я видела на Октавио.

— Ты еще не встал? — спросила она, уперев руки в боки.

— Ну ты и придурок, — добавила она, плеснув на него водой из стакана.

— Стерва! — крикнул Октавио, пытаясь отобрать у нее стакан.

Они начали бороться друг с другом, и вскоре оказалось, что они уже не дерутся, а обнимаются, задыхаясь от смеха. Они казались такими счастливыми, что я ощутила укол зависти.

— Все равно спасибо, Таво, — сказала я, направляясь к двери.

— И тебе, Кати, — ответил он, когда я вышла и закрыла дверь за собой.

Глава 6

В первый раз на моей памяти ярость Андреса обрушилась на дона Хуана Сориано, директора еженедельника «Аванте», когда в его газете вышла заметка, осуждающая бой быков; во второй раз — когда газета опубликовала статью, в которой говорилось, будто в правительство штата проскользнуло множество контрреволюционеров и глава аппарата Мануэль Гарсиа был одним из тех, кто атаковал Серданов, а также что Эрнесто Эрнандес, представитель правительства в Пуэбле, был раньше членом некой организации под названием «Социальная защита», созданной в свое время Викториано Уэрттой; и, наконец, что Саид Суарес, сборщик налогов в Тесьютлане, самолично выстрелил Венустиано Каррансу, а сам губернатор во время того переворота, когда убили Мадеро, отсиживался за толстыми стенами.

— Я убью этого козла! — прошипел Андрес сквозь зубы, швырнув на пол газету и рывком вставая из-за стола, за которым мы в эту минуту завтракали.

Потом я неоднократно слышала от него эти слова. Тем не менее, Сориано, как ни в чем

не бывало, продолжал выпускать газету, распивать кофе в крытой галерее и по воскресеньям прогуливаться по рынку под ручку с женой. Все знали, что он ходит на работу пешком, по вечерам покупает хлеб в булочной «Флор-де-Лис», а также любит после ужина гулять в одиночестве.

Сама я тоже втихомолку читала прессу. Когда Андрес отшвырнул газету и выскочил из-за стола, матерясь, я подняла ее и стала пожирать глазами. Порой я просто не понимала, почему он так злится.

Быть может, его разозлило, что газета никак не осветила церемонию его вступления в должность или церемонию открытия театра? С фотографией, как он разрезает ленточку перед входом, и другой — с изображением мемориальной доски, гласящей, что театр реконструировали во время правления губернатора Андреса Асенсио. А под фотографией еще должна быть статья, задающая вопрос, почему муниципалитет не принял в этом никакого участия, и все пришлось делать губернатору на собственные средства.

Когда Агирре национализировал добычу нефти, единственной газетой в Пуэбле, выразившей одобрение по этому поводу, стала «Аванте». Андрес был в ярости; ему казалось полной глупостью ссориться с могучими державами, лишь чтобы захватить то, что он прямо называл мусором. Тем не менее, когда сеньора Агирре призвала женщин всех сословий пожертвовать деньги, драгоценности и прочее, кому что по силам, чтобы выплатить нефтяной долг, Андрес велел мне присоединиться к Дамскому комитету, который возглавляла донья Лупе.

Как-то вечером он привез огромное количество ящиков.

— Отнеси их и скажи, что это приданое твоих дочерей, — велел он.

Там обнаружилось все, что только можно вообразить: браслеты, серьги, бриллианты, часы, ожерелья — одним словом, целая груда драгоценностей выше меня ростом. Я отправилась в Мехико вместе с девочками и ящиками. Когда мы прибыли в Галерею Изящных Искусств, там уже было полно народу. Здесь были крестьянки, которые принесли кур, горожанки, самоотверженно поставившие на стол свои копилки, набитые медяками, и богатые американки, открыто выступившие против нефтяных компаний и пожертвовавшие несколько тысяч песо.

Мы с девочками с геройским видом подошли к столу и вручили коробки сидящей за ним сеньоре. Конечно, это был спектакль, но всё же я и впрямь растрогалась и отдала также свои жемчуга.

«Аванте» опубликовала фотографию, где я снимаю с себя серьги, стоя перед столом, за которым председательствует сеньора Агирре. Я поблагодарила дона Хуана Сориано, за что Андрес потом долго меня бранил.

Время текло удивительно медленно. Мне даже стало казаться, что прошли уже целые столетия, которые я провела, словно во сне, целуя чужих детишек, обнимая стариков и изображая заботливую мать всех жителей Пуэблы. Между тем, я постоянно слышала то от братьев, то от Пепы с Моникой, будто весь город только и говорит, что о бесчисленных преступлениях губернатора, а также о доброй полусотне его любовниц.

Одну из них мне показали на улице, про другую рассказали, что он купил для нее дом, но я не обращала на это внимания. С кем-то он развлекался всего несколько часов, другие уступали ему, чтобы избавиться от угроз, ко мне это не имело никакого отношения. Меня интересовали лишь те, которые его любили и даже рожали от него детей. Я даже завидовала этим женщинам, потому что они знали Андреса только с лучшей стороны, всегда готовились

к его приходу, а он никогда не видел их в дурном настроении и не чувствовал их дурной запах изо рта по утрам.

Я бы и сама не отказалась быть любовницей Андреса. Ждать его, одетой в шелковый халат и сверкающие домашние туфли, сорить деньгами направо и налево, спать до полудня и послать ко всем чертям свои обязанности благотворительницы. Кроме того, любовницам все сочувствуют и все их жалеют, никто не станет считать их сообщницами. Я же была его официальной сообщницей.

И кто поверит, что до меня доходили лишь слухи, на протяжении многих лет я не знала, где в них правда, а где ложь? Я не могла поверить, что Андрес, убив очередного врага, зарывает его под булыжниками мостовой. А между тем, я постоянно слышала, что улицы Пуэблы размечены ангелами и вымощены расчлененными телами врагов губернатора.

Я предпочитала не знать, что вытворяет Андрес. Я была матерью его детей, хозяйкой его дома, его женой, служанкой, давней привычкой, объектом для его шуток. Кто знает, кем еще? Так или иначе, мое место было рядом с ним, хотя порой мне хотелось жить в стране, где его никогда не существовало, где мое имя не было связано с его именем, и где люди не переносили бы на меня свои чувства к нему, будь то любовь или ненависть.

Как-то я вышла из дома и села в автобус, идущий в Оахаку. Мне хотелось уехать подальше и начать самой зарабатывать себе на жизнь, но еще до первой остановки я пожалела о своей опрометчивости. В автобус тут же набились крестьяне с громоздкими корзинами, курами и неустанно орущими младенцами. Тут же резко запахло потом, заплесневелыми лепешками и распаренными телами. Нет, новая жизнь мне решительно не нравилась. При первой возможности я выбралась и тут же села в другой автобус, идущий назад. Я даже не прошла по городку, опасаясь, что меня узнают.

Вернувшись, я была рада снова войти в дом. Верания и Чеко играли в саду, я обняла их, словно их недавно похитили.

— Что с тобой? — спросила Верания, которая никогда не любила «телячьих нежностей».

На следующий день я снова готова была забиться в нору и рыдать; я не хотела быть собой, хотела быть кем-то другим — без мужа-политика, без семерых детей, рожденных от его семени, пятеро из которых носили его фамилию задолго до того, как ее стала носить я. Однако целыми днями за ними должна была присматривать именно я, а он снисходил лишь до того, чтобы время от времени явиться в детскую и заметить, как похорошела Лилия, как грациозно держится Марсела, как выросла Адриана, как стильно причесана Марта и какие блестящие глаза у маленькой Верании — глаза настоящей Асенсио.

Я хотела стать другой и жить в доме, который не был бы столь неприступной крепостью, где было бы поменьше комнат, и где можно ходить, не спотыкаясь, потому что даже мою любимую лужайку Андрес вздумал превратить в розарий. Казалось, он был одержим манией преследования и устроил по всему дому ловушки, куда с непривычки можно было запросто угодить.

Я могла выезжать из дома только на машине или верхом, потому что мы жили на отшибе. По вечерам никто кроме Андреса не мог выйти за ворота: у выхода всегда стояли молчаливые угрюмые типы, которым запрещено было отвечать на вопросы и позволялось лишь сказать:

— Простите, сеньора, но вы не можете выйти.

Меня преследовали навязчивые идеи. Так, я стала думать, что обязана угадывать вкусы

каждого нашего гостя. Когда намечался прием, я целыми днями только и думала, что о желудках приглашенных гостей: кто из них предпочитает мясо с кровью, а кто — хорошо прожаренное, кто может себе позволить есть на ночь тинга [7], а кто вынужден довольствоваться спагетти с петрушкой. Самое обидное, что на самом деле наши гости уминали за столом все подряд, без возражений, а мне лишь оставалось дожидаться паузы в разговоре, чтобы спросить у кого-нибудь из гостей, не положить ли ему еще кусочек, пока все не остыло.

Для многих гостей я была не более чем частью обстановки, таким предметом мебели, который вдруг уселся за стол и смотрит на них, мило улыбаясь. Собственно, именно по этой причине званые ужины вгоняли меня в тоску. Сколько раз перед самым приходом гостей мне хотелось плакать, но я заставляла себя крепиться, чтобы от слез не потекла тушь, отчего я стала бы похожей на ведьму, а это уж совсем не дело, как говорил Андрес. Я должна быть красивой, элегантной, безупречной. Что будет, если при виде гостей хозяйка вдруг спрячется за креслом?

Во всяком случае, мне стоило немалых усилий скрывать свою усталость от этих господ, державших под руку жен с той же непринужденностью, с какой они сжимали ручку кофейной чашки. В отличие от меня, они прекрасно выглядели и были готовы хорошо поесть, зная, что меню составлено с учетом их вкусов.

Почти всегда я о чем-нибудь да забывала. Сколько Андрес ни читал мне нотаций о том, как важно уметь планировать все заранее и следить за тем, чтобы каждый выполнял свой долг, но вечно перед приходом гостей наша кухарка Матильда вдруг обнаруживала, что у нас нет лимонов, или хлеба, или на всех гостей не хватит льда из холодильника. В такие минуты мне хотелось придушить любого гостя и, прежде всего, Марилу Исунсу с ее блондинистой гривой.

Этот ужин был одним из самых ужасных в моей жизни. Я проснулась с ненавистью к цвету моих волос, к своему росту, фигуре, кругам под глазами. И попросила Гуэру сделать мне стрижку на ее вкус.

Она остригла мне волосы сзади, заявив что это новая мода, и длинные волосы больше не носят, а я с моей гривой до плеч была похожа на Иисуса Христа, и вообще, длинные волосы — это для девочек, а я уже взрослая дама. Она показала мне картинки в журналах, подкрасила мне глаза и губы, но так и меня и не убедила. Я плакала, проклиная тот час, когда поддалась отчаянию и решила изменить внешность.

Я отправилась в родительский дом за поддержкой. Папу я нашла на кухне: он как раз колдовал над маленькой металлической кофеваркой, дожидаясь, пока над ней поднимется шапка пены. Итальянской кофеваркой. Он колдовал над ней каждое утро и утверждал, что его эспрессо ничуть не хуже, чем в любом римском баре. Едва шапка черной пены начинала опадать, и по всему дому распространялся запах, он неизменно принимался восхвалять свой истинно итальянский кофе.

— Папа, но ведь этот кофе — из Кордовы, — напоминала я всякий раз, когда отец затевал этот разговор.

— Да, из Кордовы, но во всей Мексике нет такого кофе, как у меня, потому что его слишком крупно мелют и позволяют закипеть. Пить его невозможно. Кофе американо, так его называют. Только гринго могут решить, что это вкусно, потому что у гринго извращенный вкус. Их национальное блюдо — говяжий фарш со сладким томатным соусом. Можно ли представить себе подобную дрянь? Лучше понюхай и заткнись, потому что ты

ничего не понимаешь.

Когда я вошла на кухню без волос и с лицом, раскрашенным, как у куклы — тоже Гуэра постаралась! — папа был настолько ошеломлен, что перестал созерцать свой кофе и невольно присвистнул: фью-у! А потом вдруг затянул песенку: «Я любил тебя за твои волосы, а теперь ты стала лысой, и я тебя больше не люблю...»

Я обняла его и долго стояла, прижавшись всем телом, вдыхая запах полей и горячего кофе. Мне было так хорошо, что я заплакала.

— Ну что ты, я же пошутил, — сказал он. — Я всегда буду любить тебя, даже если ты станешь лысой, как тыква.

— Сегодня вечером мне предстоит устроить званый ужин, — объяснила я.

— Ну и что здесь такого? В твоём доме такие ужины чуть ли не каждый день. Не стоит из-за этого плакать. Ты чудесно готовишь, это у нас наследственное. Посмотри на свои руки — настоящие крестьянские руки, руки истиной женщины-труженицы. Моя мать делала все сама, а у тебя ведь целая армия помощников. Так что все будет хорошо. А кого вы пригласили на этот раз?

— Какая разница? Несколько фабрикантов из Атлиско. И как я покажусь им на глаза с такой головой? Все женщины будут смеяться!

— С каких это пор тебя стало заботить, что скажут люди? Ты становишься похожей на маму. На всех никогда не угодишь, будь ты хоть с волосами, хоть лысой, как колено. Главная штука в том, чтобы ты сама была довольна.

— Но я вовсе не довольна, — ответила я, снова его обнимая.

— И чем же ты недовольна? Ведь у тебя есть все, чего бы ты ни пожелала. Ну, не плачь. Взгляни, как прекрасно небо. Посмотри, как чудесно жить в стране, где никогда не бывает зимы. Вдохни запах кофе. Давай, дорогая, выпей сладкий кофе и Расскажи мне всё.

Разумеется, я ничего ему не рассказала. Он и не хотел ничего слышать, поэтому и разговаривал со мной, как с маленькой девочкой, которая никогда не вырастет. В конце концов мы обнялись, глядя в сторону вулкана, радуясь хотя бы тому, что мы есть друг у друга и всё ещё живы. Он поцеловал меня, запустил руку мне под блузку и шершавыми пальцами пощекотал спину, пока я не засмеялась.

— Ты стала такой красавицей! — сказал он. — Хочешь стать моей невестой?

— Разумеется, хочу, — ответила я. — Но только невестой, а не женой. Потому что, если мы поженимся, мне ещё, чего доброго, придется устраивать обеды для твоих друзей.

В этот вечер среди гостей была Марилу с мехами на плечах — доказательством того, что муж преуспел в делах. Она была дочерью испанца, из тех, у кого отец коммерсант, сын — кабальеро, а внук — нищий. Ее отец как раз и был тем внуком. У него не было ни гроша, но он гордился своим происхождением, а дочь унаследовала эту гордость. Во многом благодаря этому наследству, Марилу покорила сердце Хулиана Амеда и вышла за него замуж. Хулиан Амед был арабом — из тех, что торгуют тканями на рынке Ла-Виктория, хватают за руки прохожих, пришедших на рынок за овощами, и не отпускают их до тех пор, пока не исхитрятся всучить хотя бы клочок марли.

По вечерам, после того как рынок закрывался, он собирал вокруг себя окрестных крестьян, чтобы обыгрывать их в карты. Однажды он убил одного из проигравших, который не хотел платить, после чего забрал у того все, что при нем было. Вскоре после этого Хулиан открыл ткацкую фабрику. Он был уже очень богат, когда смог убедить Марилу, что его капитал станет прекрасным дополнением к ее благородной фамилии Исунса и сделает их

семью по-настоящему респектабельной, а их детям откроет самое блестящее будущее. Марилу в то время была анемичной блондинкой, прозрачной от постоянного недоедания, ибо в ее доме была огромная столовая, обставленная антикварной мебелью, доставшейся в наследство от деда, но не было еды. Едва она вышла замуж, как тут же задрала нос до самых небес и стала совершенно невыносимой. Теперь, встречаясь с ней, я только и слышала:

— Как ты можешь жить с этим политиком! Тебе же приходится постоянно скрывать свои чувства, а это так трудно. Я бы так не смогла! Хулиан всегда ругает меня за то, что я говорю прямо, а я ему отвечаю: а чем тебе это грозит? Ты же предприниматель, а не политик. Тебе нет необходимости с кем-то заигрывать. Все, что у тебя есть — только твое; ты это заработал честным трудом. Кроме того, мы Исунса, славимся своей честностью, и ты прекрасно об этом знал, когда женился на мне.

Однако в этот вечер мне было не до излияний Марилу. Сначала Матильда, наша повариха, которой надоело готовить ужины, разобиделась, что я нашла приготовленное мясо недостаточно сочным. Потом Чеко долго плакал у себя в комнате, потому что я ушла, не дождавшись, пока он заснет. Андрес весь день возносил хвалу Хайсу, это меня тоже несказанно злило, а в довершение всего Гуэра оставила меня почти лысой. Так что мне было не до Марилу, которая сидела посреди гостиной с лисьим мехом на плечах, из-за чего ее фигура казалась охваченной пламенем, и рассказывала всем, как выгнала служанку, проработавшую у нее десять лет, когда выяснилось, что та забеременела, да еще и пыталась избавиться от ребенка при помощи ручки от метлы:

— Я была прямо-таки потрясена. Ведь я с самого начала ее предупреждала, чтобы она держалась подальше от рабочих с фабрики, это безответственный народ, желающий лишь поразвлечься. Я ей так и сказала, когда в первый раз увидела, как она прихорашивается и заплетает косы, собираясь бежать на фабрику. Я сказала ей, что она не должна думать о мужчинах, что добьется большего, оставаясь со мной, ведь я хорошо с ней общаюсь, она должна и заботиться о моих детях, как если бы они были ее собственными. Зачем ей нужен этот парень, который ничего ей не даст, не сможет вытащить из нищеты, и от которого она не дождется ничего, кроме неприятностей? Но она меня не послушала. Потом, конечно, были слезы, раскаяние, мольбы о прощении, уж простите меня сеньора, он меня обманул и всё такое. Ну уж нет. Я сказала, что разрешаю ей остаться в доме, пока не родится ребенок, но отказываюсь платить жалованье, потому что она все равно не сможет хорошо выполнять свои обязанности. Но пусть хотя бы смотрит за моими детьми, и я буду довольна. Разумеется, когда придет время, она отправится в деревню, поскольку у меня нет времени с ней возиться и я не хочу, чтобы мои дети о чем-то догадались. Ну что еще можно желать? Но она, видимо, желала большего, потому что попыталась избавиться от ребенка. Вы даже не представляете, что я пережила, когда узнала, кому доверила своих детей! Я чуть не умерла, обнаружив, в чьи руки они попали.

— Проблемы с детьми касаются каждого, — сказала я.

— Каталина, что ты такое говоришь? Ты смотришь на вещи как жена политика. И почему ты остригла волосы? — спросила она, встряхивая своей роскошной гривой. — Кстати, что сказал об этом твой папа? Для тебя ведь очень важно мнение твоего папы, правда? На днях он обедал в нашем доме и только и говорил, что о тебе.

— Папа обедал у тебя дома? — в испуге спросила я.

— Конечно, ведь он же представитель сеньора губернатора в бизнесе, который тот ведет вместе с Хулианом. В скором времени они станут настоящими богачами. Разве он ничего

тебе не рассказывал?

Мне стало не по себе от одной мысли, что мой отец имеет какое-то отношение к делам мужа Марилу и выступает как представитель Андреса.

— Нет, не рассказывал, — ответила я, прикинувшись дурочкой.

— Ну разумеется, он хочет сделать тебе сюрприз. Только не говори, что это я тебе рассказала, — добавила она, оглядываясь на других гостей, которые радовались подслушанной сплетне.

— Не беспокойся, — заверила я. — Я гляжу, ты немного осветлила волосы?

— Нет, я их не красила. Это они так выгорели на солнце, мы были на пляже.

— А вот я не люблю пляжи, — призналась Луисита Ривас. — Там надо раздеваться, а потом еще лезть в соленую воду, в которой всегда тучи песка, ведь кто там только не бултыхается! Терпеть не могу море.

— Ну что ты говоришь, Луисита! — воскликнула другая гостья. — Ты уж меня прости, но море просто божественно...

Я воспользовалась сменой темы, встала и отправилась на поиски Андреса.

Он стоял в окружении мужчин, которые потягивали виски и стряхивали пепел сигар куда попало. Когда я подошла, Андрес как раз докуривал сигару и собирался отрезать кончик новой.

— Можно тебя на минуточку? — спросила я.

— Это так срочно?

Андрес ненавидел слово «срочно» и всячески избегал его произносить.

— Да, дело совсем простое, но срочное, — ответила я.

— Ну что ж, поглядим, что там за простое и срочное дело у нашей сеньоры, — усмехнулся он. — С вашего позволения, господа.

Я взяла его под руку, как если бы собиралась прогуляться, и потащила из гостиной; мы пересекли столовую, и я собиралась увести его еще дальше, когда он вдруг остановился и спросил:

— Что случилось?

— Я не хочу, чтобы ты втягивал в свои дела моего отца, — заявила я. — Пусть он живет, как считает нужным. В конце концов, он не умирает с голоду. Так что не мешай ему жить.

— Так ты из-за этого влезла в наш разговор? — рассмеялся он. — Лучше бы за ужином присмотрела. С каких это пор утки начали стрелять в охотников? И почему ты постриглась?

Я ненавидела его, когда он разговаривал со мной в таком тоне — как хозяин.

Но взяла себя в руки и сменила тон, понимая, что так добьюсь большего.

— Андрес, я тебя заклинаю, ради всего святого! Я даже разрешаю тебе подарить Хайсу моего Енота, только не втягивай отца в ваши с Амедом дела

— Ты готова подарить Хайсу Енота? Твоего любимого коня? Ладно, разберемся. Обещаю тебе, плакса. А пока, будь любезна, приведи себя в порядок и ступай к гостям. Мы их пригласили не для того, чтобы они скучали, глядя, как мы шепчемся в углу.

Я вернулась к дамам. Я бы предпочла послушать разговоры мужчин, но об этом не стоило и мечтать. На званных вечерах принято, чтобы мужчины собирались своей компанией, а мы — своей; мы обычно разговариваем о покупках, служанках и прическах. О чудесном женском мире, как называл это Андрес.

Мне нравилось сидеть за столом, там затевался какой-то интересный разговор. Поскольку я сама раскладывала карточки с именами гостей, как мне было удобно, я сидела

рядом с Серхио Куэнкой — красивым мужчиной и интересным собеседником, я часто приглашала его на наши обеды и ужины и всегда была ему рада, поскольку это был один из немногих друзей Андреса, которые мне нравились. Ему тоже нравилась моя компания и, если мы сидели рядом, то вполне могли разговаривать шепотом о чем угодно, не опасаясь, что нас услышат.

— А вы знаете, что индейцы из Альчичики ополчились на Хайса и его администратора Переса? — спросил он. — Им не понравилось, каким тоном их убеждают засадить поля сахарным тростником.

— Именно так, — заметил дон Хуан Мачуко, испанец, никогда не покидавший пределов своей фабрики в Атлиско, но при этом всегда знавший все лучше, чем кто-либо другой. — Говорят, что они убили двоих кавалеристов. Хайс собирается выехать как можно скорее. Думаю, будет раздавать крестьянам бумажки по одному песо, пытаясь убедить взять в аренду поля. Крестьяне не хотят, хотя он заявляет, будто договор уже заключен. Разумеется, староста пришел в ярость и заявил, что, когда бы Хайс ни явился, добра ему здесь не видать. Дону Мигелю пора бы уже научиться уму-разуму.

— И что же было дальше? — спросила я.

— А ничего, — ответил Андрес. — Дон Майк знает, как поступить, если староста забыл свое место. И поверь, он сам разберется с той женщиной, которая утверждает, будто земли, которые продал Хайсу де Веласко, принадлежали ее отцу. Так что сделай одолжение, не поднимай бучу.

— Но, генерал, — произнесла донья Хулия, обмахиваясь веером из зеленых перьев. — Ведь эти земли принадлежали Габриэлю де Веласко еще до революции?

— Ну конечно, наша донья Хулия в курсе всего, что происходило до революции, — ответил Андрес. — У вас ностальгия по тем временам?

— Вообще-то да, генерал. Это были совсем другие времена.

— Разумеется, ведь тогда ей было двадцать лет, а теперь — пятьдесят, — шепнула я Серхио Куэнке, который непринужденно рассмеялся в ответ. — К тому же на самом деле эти земли принадлежат Лоле.

— Над чем это вы смеетесь? — спросил Андрес.

— Над словами вашей супруги, генерал, которая утверждает, что эти земли принадлежали отцу Лолы Кампос.

— Ну, тогда вы правы, что смеетесь, — согласился Андрес.

— Не над ней, а вместе с ней, генерал, — ответил Серхио.

Потом он поднял бокал и провозгласил какой-то шуточный тост, а затем — еще и еще, пока не закончился ужин.

Было уже около двух часов ночи, когда Марилу со своей лисой на плечах решила, что им с мужем пора уходить, а за ними стали прощаться и другие гости. Мы проводили их до дверей. Донья Хулия Конде все так же неустойчиво обмахивалась веером.

— Просто не понимаю, девочка, — сказала она Марилу, — зачем ты таскаешь на себе это животное. В нашей стране круглый год жара. Наша зима — не зима, а одно название. Даже как-то неловко.

— Судя по всему, у нее начался климакс, — шепнул мне на ухо Андрес, обнимая за плечи. А вслух сказал:

— Вы правы, донья Хулия, наши дамы больше не могут носить то же, что и в былые времена. Теперь они вынуждены кутаться в меха, и боюсь, эта мода продержится еще много

лет, дети успеют вырасти. Или ты не согласен, Хулиан?

— Разумеется, он согласен, — заверила Марилу вместо прощания.

— Кто тебе сказал, что земли в Альчичике принадлежали этой женщине? — спросил Андрес, когда за последним гостем закрылась дверь.

— Она сама и сказала, — ответила я. — Она приходила ко мне месяц назад. Хотела, чтобы я с тобой поговорила и объяснила тебе, что она унаследовала эти земли от отца, который возделывал их многие годы, пока де Веласко не оттяпал. А теперь де Веласко разорился и задешево продал Хайсу то, что никогда ему не принадлежало. Хайс заплатил ему сущие гроши под тем предлогом, что существует риск оспаривания. Что за варварство, Андрес!

— Что ты ей ответила? — спросил он.

— А что я могла ответить? Можно подумать, от меня что-то зависит. Ведь с тобой бесполезно говорить, ты меня попросту не слышишь. Так какая тебе разница, что я сказала? Я не стала ей помогать. Мне было так стыдно, когда она встала и ушла, не подав мне руки.

— Так значит, ты целый месяц молчала, чтобы устроить скандал сегодня вечером?

— Да, потому что это единственное, что я могла сделать, — ответила я. — По-другому ты просто не понимаешь.

— Каталина, ты все не так поняла. Эти земли никогда не принадлежали Лоле. Мало ли, что тебе наболтала эта индианка. И текстильный бизнес, в который мы вовлекли твоего отца — самое безобидное из того, с чем он мог столкнуться.

— Я тебе не верю, — сказала я ему — впервые в жизни. — Не верю тебе ни в том, ни в другом.

— А ты веришь, что мне нравятся твои стриженные волосы? — спросил он.

Он начал целовать меня прямо посреди двора, подхватил меня на руки и понес по лестнице в спальню. Руки у него были большие и сильные. Я любила эти руки так же сильно, как другие их боялись. А быть может, именно поэтому они так мне и нравились — кто знает...

Он начал раздеваться, приговаривая:

— Ну что за тупица эта девчонка, пока не прикрикнешь — ничего до нее не дойдет.

После этого он отстегнул кобуру с пистолетом. Я подумала, что мне бы тоже не помешало носить пистолет под платьем. Я замешкалась, раздеваясь. На мне было длинное платье с глубоким декольте на спине, а спереди закрытое до самой шеи. Снять его оказалось крайне сложно, поскольку пришлось расстегнуть бесконечное число пуговиц.

— Какая ты медлительная, Катин, — сказал он.

Я села на разобранную постель — спиной к нему.

— Иди сюда, — велел он.

А я закрыла глаза и попыталась представить перед собой море.

— Почему бы тебе не вернуть Лоле ее землю? — спросила я.

— Ну что за невозможная женщина! — простонал он, ритмично двигаясь, лежа на мне. — Потому что не могу.

— Но ты можешь освободить моего отца из сетей Амеда.

— Возможно.

На следующее утро мы собрались совершить нашу обычную верховую прогулку. Беспечно напевая что-то себе под нос, я, как всегда, спустилась по черной лестнице на задний двор. Там уже стоял оседланный Листон, а мальчик — помощник конюха, который

всегда помогал мне подняться в седло, держал под уздцы какую-то гнедую кобылу.

— А где Енот? — спросила я.

— У него теперь новый хозяин, как вы и хотели, сеньора, — ответил Андрес.

А я с такой силой сжала кулаки, что ногти впились в ладони.

— Так значит, по рукам? — спросила я, садясь на гнедую кобылу.

— По рукам, — ответил он, посылая Листона в галоп.

Я поскакала следом за ним на кобыле, и вскоре оставила далеко позади. Я миновала Мансанилью, затем лес Костес и, наконец, выехала на дорогу, ведущую в Малинче. В эти минуты я забыла обо всем на свете: о том, что Чеко лежит дома с гриппом, о завтраке, о соседке, которая всегда навещала меня по утрам, чтобы выпросить, во что были одеты дамы на очередном званом ужине. Мы с ней любили посидеть в саду, перебивая косточки гостям, и мне доставляло настоящее удовольствие видеть, как заразительно она смеется над моими сплетнями.

Однако теперь мне было не до нее. От одной мысли о том, что мой Енот попал в лапы Хайса, я зарыдала в голос; ветер бил мне в лицо, сбивая дыхание; я хватала ртом воздух, а слезы потоками лились по щекам.

Я вернулась домой около одиннадцати. Андрес ушел по делам, девочки были в школе, дома оставался лишь больной гриппом Чеко.

— Мы готовы хоть простыть, лишь бы в школу не ходить, — пошутила я, присаживаясь на край его постели.

Затем позвала Аусенсию, нашего старшего лакея, и попросила его разыскать ту служанку, которую выгнала из дома сеньора Амед.

— Скажи ей, что мы хотим взять ее к себе, — велела я. — Я знаю, что с ней случилось, так что пусть не волнуется.

Лусина пришла к нам в дом на следующий день; все ее вещи помещались в картонной коробке. У нее были темные глаза и хорошенькое личико. Говорила она мало, но при этом рассказывала Чеко такие сказки, каких я никогда даже не слышала, шила платица для кукол Верании и разминала мне спину, когда ей казалось, что мне грустно. Короче говоря, скоро она стала нашей общей няней.

Своего ребенка она вскоре потеряла, очень тихо. Это был пятимесячный плод, уже мертвый. Она проплакала весь день. Аусенсию, дети и я похоронили его на деревенском кладбище. Мы положили мертвого младенца в белый деревянный ящик и все вместе отправились на маленькое кладбище, у которого не было даже ограды — просто участок земли со скромными могилами. Мы нашли местечко под деревом, где и вырыли могилу для ее малыша. Аусенсию опустил в нее гробик, а Лусина поспешно бросила на него горсть земли.

— Это и к лучшему, — сказала она.

Верания затянула «О, Мария, мать моя!», а мы стали ей подпевать.

Домой мы ехали на машине в полном молчании, пока, наконец, Лусина не решилась его нарушить.

— Не расстраивайтесь, — сказала она. — Мой мальчик теперь на небесах. Он стал звездочкой. Ведь правда, сеньора?

— Да, Лусина, — сказала я.

Вскоре после этого я узнала, что Марилу Амед распускает сплетни, будто бы я обманом заманила бедную девочку к себе, вынудила ее сделать аборт, а потом превратила в рабыню,

заставив нянчить моих детей. Вечные ее заскоки.

Через несколько дней мы с Чеко пошли на прогулку после ужина. Мы поднялись на самую вершину Гваделупского холма, чтобы оттуда увидеть восход первой звезды.

— Послушай, мама, ты и правда веришь, что сын Лусины стал звездочкой на небе? — спросил он.

— Почему ты спрашиваешь?

— Верания тоже в это верит, но я знаю, что это не так, на самом деле сына Лусии отправили к праотцам.

— То есть, как — отправили к праотцам?

— Вот так и отправили. Как этого Селестино, про которого папа вчера сказал, чтобы его тоже отправили к праотцам.

— А кому он это сказал?

— Тем сеньорам из Матамороса, которые к нему вчера приходили.

— Ты, наверное, плохо расслышал. И что же, папа прямо так и сказал?

— Да, мамочка, именно так и сказал. Он всегда так говорит. Отправить к праотцам. Так говорят, когда на самом деле велят убить.

— Ах, сынок, ты говоришь ужасные вещи! — воскликнула я. — Или ты думаешь, что убийство — это игра?

— Нет. Убийство — это работа, как говорит папа.

От этих слов мой желудок скрутило, и все его содержимое — рис, мясо, лепешки, сыр, блинчики с карамелью — изверглось наружу, а Чеко беспомощно смотрел на меня, время от времени робко спрашивая:

— Уже все?

Под самый конец из моего желудка изверглось нечто горькое, желтого цвета, после чего все закончилось.

— Побежали наперегонки? — предложила я и очертя голову бросилась вниз по склону, словно за мной кто-то гнался.

— Ты сошла с ума, мамочка. Папа прав. Ты просто чокнутая коза! — слышался детский крик у меня за спиной.

Домой мы вернулись совершенно опустошенными. В дверях нас встретила Верания, держа за руку Лусину. Верания стала красивой девочкой с огромными глазами и тонкими губами, бледной, как я, и наивной, как мои сестры.

— Почему вы так задержались? — спросила она.

— Потому что мама заболела, — ответил Чеко.

— Чем? — испугалась Лусина.

— Животом. Вытошнила из себя весь обед, — ответил мой пятилетний сын.

О, эти безумные пять лет!

Дети не могли вечно пребывать в неведении. Уж слишком близко они находились. Решив остаться, я приняла решение и за них, мне не удастся держать их под стеклом.

В нашем огромном доме дети занимали один этаж, а мы с мужем — другой. Мы могли бы прожить всю жизнь, так ни разу и не увидевшись. После той злополучной прогулки, когда меня стошнило, я решила ограничить свои контакты с детьми, целиком поручив их заботам Лусины. Она их купала, одевала, отвечала на вопросы, учила молиться и верить хоть во что-нибудь, хотя бы в Пресвятую Деву Гваделупскую. Мало-помалу я перестала спускаться в детскую по вечерам, перестала думать, чем их накормить и как развлечь.

Поначалу мне, конечно, было нелегко, ведь многие годы дети были моим утешением, моим счастьем. Прежде они заходили ко мне в комнату так же свободно, как в собственную детскую. Они будили меня ни свет ни заря, надевали мои платья и туфли, играли с моими украшениями и являлись неотделимой частью моей жизни. Однако после этой истории я стала запира́ть свою дверь на ключ. Когда наутро дети, как всегда, решили пробраться ко мне в спальню, сколько они ни стучались, никто им не ответил. В тот же день я сказала детям, что их отцу необходим покой, и попросила больше не приходить по утрам.

Мало-помалу все к этому привыкли, и я тоже.

Глава 7

Теперь я решила побольше узнать о делах Андреса в Атенсинго. Прежде всего, я выяснила, что человек по имени Селестино, о котором говорил Чеко, был мужем Лолы, и что его смерть стала первой в целой череде других убийств. Потом я свела близкое знакомство с дочерьми Хайса — в первую очередь, с Хелен. У нее было двое детей. В свое время она вышла замуж за гринго, который ужасно с ней обращался, пока она не нашла в себе смелость с ним развестись.

После развода Хелен вернулась в Пуэблу, рассчитывая на помощь отца. Тот согласился помочь, но, как можно догадаться, не просто так. Он устроил ее на работу в Атенсинго. Ее задачей было следить за инспектором Гомесом, а также выяснить пределы его неподкупности. Для этого он поселил ее в пустующем полузаброшенном доме, где был бассейн с ледяной водой, а по вечерам роились целые тучи комаров.

Я стала навещать ее каждый день. Брала с собой детей, которые плескались в ее жутком бассейне, пока мы с Хелен болтали.

— Здесь так мало мужчин, — жаловалась она.

Она рассказала мне о своем последнем романе с каким-то местным. Она отчаянно хотела выйти замуж, а я была уверена, что ни один мужчина не захочет с ней связываться. Американки годятся для временного развлечения, но никто не решил провести с ними всю жизнь. А она мечтала выйти замуж, мечтала иметь фарфоровую посуду и дом с двускатной крышей. До сих пор не могу понять, с чего она так прикипела к двускатным крышам. Всякий раз, расписывая мне свое будущее, она упоминала о таком доме как о неперенном условии.

Как-то мы сидели, наблюдая, как дети плещутся в бассейне, и потягивая один из тех дайкири, что она любила готовить и беспрестанно потребляла, когда вдруг неподалеку послышались выстрелы. Я, как была, в купальнике, бросилась бежать. Ноги бились о придорожные камни, их жалили какие-то жгучие травы. Чеко выбежал следом за мной, неся в руках мои босоножки.

— Спасибо, — сказала я.

Я надела босоножки и бросилась к мельнице. Убитый был там. Застрелили по пьянке, как сказал инспектор Гомес.

Рядом с телом прямо на полу сидела женщина и тихо плакала; она даже не двинулась с места, как будто собиралась просидеть так всю жизнь.

Когда я спросила, кем был покойный, она отняла руки от лица и посмотрела на меня.

— Это мой муж, — сказала она. — Помогите мне, ради Бога! Если я останусь здесь меня тоже убьют. Что тогда будет с нашими детьми?

Следом за мной вошел Хуан, мой шофер. Я попросила его забрать тело. Инспектор Гомес с посмотрел на него с начальственным видом, прежде чем решился возразить:

— Нет, это я должен его забрать.

— Как скажете, — ответил Хуан. — Сеньора останется здесь, я полагаю? — спросил он, видя, как я обнимаю женщину.

— Она поедет со мной, — ответила я.

Я отвезла ее в дом Хелен. Там она разговорилась, словно забыв, что я супруга самого губернатора. Я молча слушала ее, зажав голову ладонями. Она рассказала кошмарные вещи. Просто в голове не укладывалось, что люди могут быть способны на такое.

Когда она закончила, Хелен отставила бокал и произнесла со своим американским акцентом:

— Я и не сомневалась, Кэти. Бывают же такие негодяи! Что за несчастье — иметь таких родственников.

— Я хочу, чтобы Хайс вернул мне Енота, — заявила я Андресу, когда мы ложились спать.

— Уговор дороже денег, Катин. Ведь твой отец больше не участвует в делах Амеда.

— Вы убили тех крестьян из Атенсинго.

— Что?

— Мне рассказала об этом одна женщина — единственная, кому удалось выжить. Сегодня на мельнице убили ее мужа. Я своими глазами видела его тело. Его убили потому, что он собирался рассказать крестьянам, как два дня назад твои люди и люди Хайса убили всех, кто пытался защитить свою землю, которую этот гринго купил у де Веласко за три тысячи песо. Она сказала, что ты послал войска против безоружных людей. Убили пятьдесят человек, в том числе детей. Я знаю, мертвых не воскресить, но хотя бы верни мою лошадь. Если ты считаешь, что каждый в этом мире может делать все, что захочет, то знай, я хочу получить обратно своего коня, или расскажу всю правду дону Хуану из «Аванте».

— Закрой рот. Не хватало мне еще заклятого врага в собственной постели! Губернаторша решила поиграть в журналистку, борца за правду. Что ты о себе возомнила?

— Я хочу получить обратно коня, — отрезала я и отправилась спать в маленькую гостиную.

Я села в голубое кресло-качалку, в которой любила проводить вечера. Теперь эти мирные вечера казались мне такими далекими. Всякий раз, когда я наталкивалась на очередные зверства Андреса, прошлое начинало казаться необычайно далеким.

Целые дни я проводила, словно в кошмаре, охваченная стыдом и страхом, готовая бежать, куда глаза глядят; в такие дни мне казалось, что в моей жизни больше никогда не будет таких спокойных вечеров, что отвращение и страх никогда больше не покинут моего тела.

Эта ночь была ужасна, как никакая другая. Я лежала, дрожа от ужаса. Боялась закрыть глаза, зная, что вновь увижу перед собой лицо убитого, неподвижно лежащего на полу мельницы, и его жену, рыдающую в платок.

В конце концов я все же уснула. Мне снились дети, по их лицам струилась кровь, я все пыталась стереть ее платком, но кровь текла лишь сильнее. Разбудила меня Лусина, постучавшись в дверь. Я открыла, и она вошла с подносом в руках, на нем стояли чашка чая, сливки, сахарница и поджаренный кусочек хлеба.

— Генерал велел передать, чтобы вы спустились в течение часа, — сказала она.

— Прекрасный сегодня день, не правда ли? — спросила я.

— Да, сеньора.

— Дети уже ушли в школу?

— Они завтракают, сеньора.

— Бедные детки! Не правда ли, Луси?

— Почему же, сеньора? Они вполне довольны. Какое платье вы наденете?

Я бегом спустилась во двор, откуда доносились удивленные крики конюхов. Моя лошадь была там — я сразу узнала элегантный силуэт и белую стрелку на лбу.

— Енот, Енотик мой! Каково тебе пришлось у этого мерзавца гринго! Ты простишь меня?

Я гладила его, целовала морду, шею, спину. Затем вскочила на него, и мы помчались на мельницу в Уэксотитле. По дороге я распевала так громко, что могла бы разбудить и мертвых. Их лица до сих пор стояли у меня перед глазами. Однако, вернувшись домой, я почти забыла о них.

В полдень мы с Андресом отправились на званый обед, где присутствовали журналисты. К нему тут же подскочил один из корреспондентов «Аванте» и спросил, что ему известно об убийстве крестьян в Атенсинго.

— Мне очень жаль, что это случилось, — ответил генерал. — Я попросил сеньора прокурора провести тщательное расследование, и могу вас заверить, справедливость восторжествует. Но мы не можем позволить шайке бандитов, называющих себя крестьянами и утверждающих, что они имеют какие-то права на эти земли, захватывать силой то, что другие заработали честным трудом и безупречной преданностью. Революция не ошибается, и я, верный ее делу, не ошибаюсь тоже. Всего хорошего, господа!

Журналист хотел что-то ответить, но распорядитель успел выхватить у него микрофон:

— Дамы и господа, к сожалению, срочные дела вынуждают сеньора губернатора удалиться. Прошу освободить для него проход.

Толпа расступилась, и генерал направился к выходу. Я видела, как четверо сопровождающих Андреса взяли его под руки и повели; другие потащили на улицу меня. Там нас разлучили и усадили в разные автомобили.

— Что случилось? — спросила я у водителя.

— Ничего, сеньора, — ответил он. — Отрабатываем новый выезд.

После этого Андреса отвезли в губернаторский дворец, а меня домой.

В игровой комнате собрались наши старшие дети и их друзья. Марта еще раньше предупредила меня, что сегодня в гости придет Кристина, ее школьная подруга, дочь Патрисии Ибарры, старшей сестры Хосе Ибарры, моего прежнего поклонника.

Мы даже считали себя женихом и невестой, потому что вместе ездили в Ла-Росу кататься на лыжах и под руку гуляли по парку Ла-Конкордия, где целовали друг друга в щечку, перед тем как расстаться. Как-то раз мы забыли об осторожности, и нас увидела его сестра, она как раз возвращалась домой после полуденной мессы. В итоге Хосе сказали, что жениться на мне никак нельзя, потому что я не только бедна, но при этом еще и чокнутая, и отец предложил ему съездить в Европу.

Он поведал мне об этом с таким видом, словно я была его матерью, которая должна его защитить от неминуемой кары.

— Значит, ты больше не хочешь быть моим женихом? — спросила я.

— Ты не знаешь мою семью.

— И знать не хочу, — отрезала я и бросилась прочь из парка в сторону нашего дома номер два на Западной улице.

— Что случилось, деточка? — спросила обеспокоенная мама.

— Поссорилась со своим богатеем. Не видишь разве? — сказал папа.

— Что он тебе сделал? — спросила мама, которая всегда принимала всё близко к сердцу.

— Да он не стоит даже твоего плевка, — заявил папа. — Покажи ему язык, вот и все.

— Уже показала, — ответила я.

И вот теперь племянница этого изменника, который потом по указке родителей женился на Мару Понсе, создав самое скучное и унылое семейство, какую только можно представить, оказалась подругой нашей Марты, и притом хорошенькой.

Вечером явилась ее мамаша, чтобы забрать дочь домой; Андрес не упустил возможности пригласить обеих на ужин. Весь ужин он говорил гостям комплименты, расспрашивал о здоровье близких и рассказывал разные истории из жизни тореро и политиков.

Прежде чем уйти, сестра Хосе остановилась в дверях и сказала:

— Кати, я так рада тебя видеть, ты, как всегда, просто очаровательна.

— Десять лет назад ты так не думала, — ответила я.

— Не понимаю, о чем ты, — ответила она, криво усмехнувшись, и поспешила откланяться, потому что в эту минуту Андрес что-то шептал на ухо ее дочери. Та настолько смутилась, что даже надела шляпку задом наперед.

Не прошло и трех дней, как он увез ее на ранчо близ Халапы. Там она и пребывала до самой последней минуты своей беременности, после чего произвела на свет девочку — еще одну претендентку на наследство. Эта история закончилась для нее вполне благополучно: она и по сей день живет на этом ранчо среди лошадей, собак и антиквариата, бездельничая в свое удовольствие. Как, впрочем, и ее зять, живущий за счет Кристины.

Прямо скажем, это не придало мне смелости, да и все семейство Ибарра сгорало от стыда. Хотя это доставило мне определенное удовольствие. Я от души повеселилась: генерал похитил подружку Марты, и теперь ее мамаша сходит с ума. Еще смешнее было представлять, как эта святоша безуспешно пытается замолить грехи в церкви. «Отлились кошке мышкены слезки», — думала я, вспоминая Хосе, парк Ла-Конкордия и тот роковой поцелуй.

Вся жизнь Пуэблы вертелась вокруг крытой галереи. Именно там Эспиноса показывал свой фильм, когда конкурент ударил его ножом, именно туда приходила Магдалена Майнес, чтобы похвастаться новым платьем — до того, как с ней случилась беда. Потому что вся ее жизнь круто переменилась после того, как убили ее отца. Ее платья были всегда тщательно отутюжены — ни единой морщинки; вся одежда в таком идеальном порядке, что, казалось, надета не на живого человека, а на манекен. Ее семья была не слишком богата, но жила на широкую ногу. Мы встречались довольно часто, поскольку Андрес вел какие-то дела с отцом Магдалены. Похоже, все вели дела с Андресом.

Магдалена была любимицей своего отца-адвоката. По воскресеньям он всегда брал ее с собой в казино «Сельва-Куэрнавака». Однажды мы с мужем встретили их там. Магда была в цветастом шелковом платье, с гребнями в волосах. Перед ней стоял бокал лимонада, который она потягивала через соломинку.

Когда мы вошли, они с отцом сидели в саду, за столиком с видом на бассейн. Мы привели с собой всех детей. При виде нас адвокат поднялся и отошел с Андресом в сторонку, чтобы поговорить без свидетелей. Магда завела какой-то пустой разговор о погоде, не

выпуская при этом из виду отца. Вскоре он вернулся к нашему столику и немедленно удалился вместе с дочерью, что-то у нее спросив, и она тут же превратилась из легкомысленной девушки в серьезную. Меня удивила столь резкая перемена в ее поведении, но вокруг происходило столько странностей, что я не обратила на это особого внимания. Уже в машине, на пути в Пуэблу, я спросила у Андреса, что между ними произошло, и он ответил, что меня это не касается. Так что я вскоре забыла о Майнесах.

Через несколько месяцев адвокат внезапно исчез. Его похитили по дороге домой.

Магда пришла ко мне. Она была просто очаровательна в костюме из альпаки и серой шелковой блузке.

— Три дня назад папа пошел в кино и до сих пор не вернулся, — сказала она.

Я хотела ответить, что возможно, ее отец задержался у любовницы, но ничего не сказала; лишь молча разглядывала свои руки, словно я в чем-то виновата.

— Не будете ли вы так добры спросить мужа, что с ним могло случиться? — попросила она.

— Конечно, я спрошу у него, вот только не уверена, что это поможет. Он никогда не рассказывает о своих делах.

— Но люди говорят, что вы можете на него повлиять.

— Мало ли что говорят люди! Например, что ты спишь со своим отцом. Но это же на самом деле не так?

— Лучше бы это было так, сеньора, — ответила она, встала и ушла.

Три дня спустя адвокат нашелся — разрезанным на куски. Части его тела были уложены в большую корзину, которую кто-то доставил прямо к порогу его дома.

Я узнала об этом в полдень. Когда Офелия меня причесывала, в парикмахерскую вошли несколько старух, что-то возбужденно обсуждая между собой. Офелия как раз прикалывала мне фальшивую косу; увидев в зеркале слезы у меня на глазах, она даже встревожилась, что опять сделала что-то не так. Я сидела неподвижно, пока она втыкала шпильки мне в волосы. В салоне царила тишина; старухи смотрели на меня такими глазами, словно я держала в руке окровавленный нож. Я сидела, закусив губу, изо всех сил сдерживая слезы, пока Маура красила мне ногти. Мне не давали покоя мысли об убитом адвокате, который был так красив и умен, которым все так восхищались.

Едва освободившись, я тут же бросилась в дом Майнесов. Там было полно народу. Вдова сидела, опустив голову, в окружении младших детей. Она была так пугающе неподвижна, что тоже казалась мертвой.

Меня заметила только Магдалена, стоявшая возле гроба. Я так и не решилась к ней подойти; мне нечего было ей сказать, я хотела лишь увидеть ее, а заодно посмотреть, здесь ли венок, который прислал Андрес, или его выбросили за дверь. Андрес всегда изображал скорбящего; когда кого-то убивали по его приказу или кто-то бесследно исчезал к несомненной его выгоде, он присылал огромные венки — настолько огромные, что они с трудом проходили в двери дома, где стоял гроб с покойником.

Я шептала «Аве, Мария», одновременно просматривая надписи на венках и букетах. Ни на одном из них не было надписи: «От Андреса Асенсио и его семьи». Когда началась панихида, я встала, чтобы посмотреть, не валяется ли венок снаружи, однако, не успела я добраться до выхода, как вдруг увидела двух мужчин, вносящих венок, заказанный Андресом на рынке Ла-Виктория. Они с трудом протащили его сквозь дверь.

Я вышла на улицу. Мне вдруг пришло в голову, что Офелия может знать, что случилось;

я была уверена, что кто-то из женщин, которых она причесывала сегодня утром, наверняка ей что-то рассказал. Я снова вернулась в салон.

Она знала не более того, о чем я уже и сама догадывалась. Говорили, что адвоката убил Андрес, больше просто некому; но никаких доказательств. Тем не менее, мне сразу вспомнился их разговор в «Куэрнаваке» и умоляющий взгляд Мадгалены, устремленный на отца.

Вернувшись домой, я заперлась в своей гостиной. Сначала я обгрызла с ногтей лак, а потом и сами ногти. Я ненавидела генерала. Даже не знаю, чего мне больше хотелось: то ли выйти к нему навстречу и потребовать объяснений, то ли навсегда запереться в комнате, чтобы никогда больше его не видеть.

Наконец, он вернулся домой: я услышала внизу его смех. Я слышала, как он отстегивает шпоры, как поднимается по лестнице, как идет по коридору к моей комнате. Он остановился и с силой толкнул дверь. Обнаружив, что дверь не открывается, он начал скандалить:

— Еще никто и никогда не запирает передо мной дверей, Каталина! Я в своем доме и имею право ходить, куда захочу. Открой дверь, не валяй дурака!

Конечно, я открыла ему дверь. Не хватало еще, чтобы кто-то услышал его вопли.

— Я уже в курсе, куда ты ходила, — бросил он. — Поверишь ты мне или нет, но я не имею к этому отношения. Сними это платье, ты в нем похожа на ворону. Ну, давай, покажи мне свои сиськи! Терпеть не могу, когда ты одета, как монашка. Ну же, не будь такой скромницей, это тебе не идет.

Он задрал мне платье, а я крепко сжала колени. Он навалился на меня всем телом, царапая пуговицами.

— Так кто его убил? — спросила я.

— Понятия не имею, — ответил он. — Чистые души всегда имеют множество врагов. Снимай это дерьмо! Да с тобой трудней управиться в постели, чем с девственницей! Снимай это! — повторял он, пытаясь содрать с меня платье. Но я по-прежнему держала колени крепко сжатыми — впервые за все то время, что его знала.

Глава 8

Когда я впервые увидела Фернандо Арисменди в гостях у наших знакомых, меня тут же охватило желание немедленно завалиться с ним в постель. Я слушала его слова, а сама между тем представляла, как покусываю его за ухо, как сплетаются в поцелуе наши языки, какая, должно быть, нежная кожа у него под коленями.

Я всячески привлекала его внимание, а потому болтала больше обычного и вскоре действительно завладела вниманием всех присутствующих. Вот только Андрес заметил неладное и тут же пресек мои поползновения.

— Моя супруга не очень хорошо себя чувствует, — заявил он.

— Но при этом чудесно выглядит, — заметил кто-то из гостей.

— Разумеется, благодаря косметике нашего славного Макса Фактора, — ответил Андрес. — Но у нее очень болит голова. Так что позвольте мне отвезти ее домой.

— Я прекрасно себя чувствую, — сказала я.

— Не стоит притворяться перед этими людьми, ведь они мои друзья и все понимают.

Он схватил меня за плечо и потащил к машине. Устроив меня на сиденье, он велел шоферу сдать назад и развернуться, после чего велел ему выйти из машины, решив, что поведет сам. Он сел за руль, помахал на прощание хозяевам и гостям и медленно тронулся. Я

сидела, глядя в окошко, и натянуто улыбалась.

— Каталина, у тебя же всё на лице написано, прямо хочется тебя ударить.

— Зато ты умеешь скрывать чувства, правда?

— С какой стати, дорогая? Просто ты — женщина, а я — твой муж. А женщины, которые ведут себя, как мартовские кошки, и содрогаются от вожделения при виде смазливового мужика, называются шлюхами.

Когда мы вернулись домой, он с показной любезностью помог мне выйти из машины, проводил до дверей, дождался, пока лакей загонит машину в гараж и удалится восвояси, после чего, дав мне шлепка, втолкнул в дом.

Я бегом бросилась вверх по лестнице, в несколько прыжков взлетела на второй этаж и, даже не остановившись, как обычно, у дверей детской, побежала напрямик в свою комнату и рухнула на кровать. Устроившись под одеялом, я стала думать о Фернандо, трогая себе в заветном местечке, как учила цыганка. Потом я уснула. Три дня я спала, как убитая, просыпаясь лишь для того, чтобы съесть листик салата, ломтик сыра или пару вареных яиц.

— Что с вами, сеньора? — спросила Лусина.

— У меня болезнь, которая называется «генерал», и от нее ничто не поможет. Но если я посплю хотя бы недельку, возможно, мне станет легче.

Через неделю мне и правда полегчало, и я вышла из своей комнаты. И о чем же первым делом сообщил мне Андрес, когда я спустилась к завтраку?

Он сказал, что во вторник к нам на ужин придет личный секретарь президента. И кто же оказался этим секретарем? Фернандо. Да-да, тот самый Фернандо Арисменди, в отглаженном костюме и с обаятельной улыбкой на лице.

Со страху я даже съела кусок хлеба с маслом и мармеладом и выпила большую чашку чая с сахаром и сливками. Что касается Андреса, то он был в восторге от предстоящего визита Арисменди, поскольку вскоре наш город должен был посетить сам президент республики, и Андрес собирался устроить ему грандиозную встречу — со школьниками, размахивающими флажками на бульваре Реформ, транспарантами на зданиях и чиновниками, встречающими его аплодисментами и бросающими из окон конфетти. Моей задачей было найти девочку, которая прямо на улице преподнесла бы ему букет цветов, а также старушку, которая вручила бы ему письмо и попросила о чем-то не слишком обременительном, чтобы фотографы и репортеры смогли запечатлеть, как президент исполнит ее мечту.

Эспиноса и Аларкон предоставили свои кинотеатры, на их стенах повесили огромные транспаранты, прославляющие Агирре. Пуэбла собиралась оказать президенту столь красочный и горячий прием, какого никто еще не встречал. Все то, что позднее вошло в привычку и в конце концов стало казаться глупой и пошлой причудой последующих мэров, изначально придумали мы для встречи генерала Агирре.

Мне нужно было как-то отвлечься от охватившей меня лихорадки, и я погрузилась в работу, как будто мне за это платили. Я нашла не одну, а целых трех девочек с букетами, чтобы встречали высокого гостя на каждом перекрестке, а потом еще придумала, что пятьдесят девушек, одетые в национальные костюмы Пуэблы, въедут верхом на рыночную площадь.

Затем я отправилась в приют, чтобы выбрать старушку, и нашла подходящую. Она казалась словно сошедшей с почтовой открытки — с пучком белоснежных волос, доброй невинной улыбкой и трогательной историей, на которую мы, конечно, сделали ставку. Она

была вдовой старого и бедного солдата, злодейски убитого за то, что отказался участвовать в убийстве Акилеса Сардана. Она гордилась собой и мужем и решилась попросить у президента швейную машинку — в обмен на все жертвы, принесенные ее семьей на благо родины.

Я привлекла к работе всех учителей начальных классов. Предложила одеть школьников в плащи из разноцветной бумаги, какие носят болельщики в Соединенных Штатах. Я знала, что президент любит песню «Лодка из Гуаймаса», и в итоге бедные дети просто валились с ног после бесконечных репетиций, на которых они танцевали под эту песню, размахивая плащами. Я скупил все цветы у торговцев на рынке, чтобы украсить ими бульвар Реформ, по которой будет проезжать президент, так что улица стала похожей на огромную церковь. Посреди рыночной площади предполагалось выложить огромный ковер, также из цветов, с изображением индейца, протягивающего руку президенту.

Когда же сеньор президент проедет по улице, все жители города, собравшиеся на бульваре Реформ, вместе с букетами и транспарантами проследуют на рыночную площадь, куда направится и сам президент в кабриолете Андреса. После того, как президент скажет приветственную речь с балкона, народ пропоет государственный гимн и песню «О, прекрасная Пуэбла». Я отдала распоряжение собрать музыкантов со всего штата. В итоге мы получили целый оркестр из трехсот человек, каждому выдали отрез хлопчатобумажной материи производства фабрики Санта-Аны, чтобы они сшили себе костюмы.

Когда прибыл личный секретарь президента, чтобы уточнить все детали, наши грандиозные планы его поразили.

Я решила накрыть стол в саду. Меню предполагалось такое же, какое будет предложено президенту две недели спустя. Но сейчас мы сидели за столом только вдвоем: Андрес, Фернандо и я.

Мы расселись, как того требовал протокол: Андрес — справа от Фернандо, а я — справа от Андреса, за круглым столом.

Когда подали консьерже, Фернандо начал рассыпаться в комплиментах: расхваливать мои таланты, мой ум, доброту, утонченность и деликатность, мою верность стране и интерес к политике, а главное, мою добродетель, какой не могла бы похвастаться ни одна монахиня ни в одном из монастырей Пуэблы.

— А кроме того, позвольте заметить, генерал, ваша супруга очаровательно смеется, — добавил Фернандо. — Я никогда не слышал такого чудесного смеха.

— Я рад, что он вам нравится, адвокат, — ответил Андрес. — Мой дом — ваш дом, и мы сделаем все, чтобы вы остались довольны.

— Разумеется, — поддержала я, тайком кладя руку на колено гостя.

Он даже не шевельнулся.

Андрес между тем заговорил о бунте в Халиско, выразил сожаление по поводу гибели сержанта и одного из солдат и похвалил губернатора, отдавшего приказ открыть стрельбу по восставшим крестьянам.

— Есть вещи, которых нельзя позволять, — ответил Фернандо.

И тут я, до сих пор молчавшая, решила высказать свое мнение:

— Неужели не нашлось другого способа остановить беспорядки, кроме убийства тех двенадцати индейцев? Двенадцать убитых — против тех двоих; шестеро за одного. И потом, мы ведь не знаем, почему индейцы взбунтовались.

— Ты рассуждаешь, как типичная женщина, — сказал Андрес. — Все вы говорите о

разуме, а действуете исключительно под воздействием эмоций.

— Возможно, она права, генерал, нам действительно стоило бы поискать другие способы, — ответил Фернандо и положил руку мне на колено.

Я ощутила тепло его ладони сквозь шелк платья, и тут же забыла о двенадцати убитых крестьянах. Потом он убрал руку с моего колена и набросился на еду с таким аппетитом, словно это последний обед в его жизни.

Вскоре мы стали друзьями. Когда я ездила в Мехико, то всегда звонила ему — якобы для того, чтобы передать сообщение от Андреса или под каким-то другим предлогом, а на самом деле, чтобы услышать его голос и увидеть его хоть на мгновение. А потом я возвращалась домой, всю дорогу неустанно повторяя про себя его имя.

Каждый раз, отправляясь в Мехико, я просила шофера, обладавшего красивым голосом, спеть для меня песню «С тобой». Он пел, а я, развалившись на сиденье черного «паккарда», замороженно слушала и думала о Фернандо. В каждой его фразе мне чудился некий потаенный смысл, и я почти убедила себя, что лишь уважение к моему мужу-генералу мешает ему открыться мне в своих чувствах. Я помнила наизусть каждое сказанное мне слово, а услышав самую обычную фразу «Надеюсь, мы скоро увидимся» я уже представляла, что он так же страдает в разлуке со мной, как страдала я, и считает дни и часы в ожидании новой встречи.

Мне нравилось думать о его губах, о том, как они касаются моей кожи, когда он при встрече и прощании целует мне руку. И однажды я не выдержала. Он как раз провожал меня до дверей кабинета, когда между нами завязался весьма странный разговор. Странный — потому что речь шла не о политике, не об Андресе, не о делах Пуэблы и страны в целом. Мы говорили о муках безответной любви, и я надеялась увидеть эту любовь в его глазах. Когда же он на прощание поцеловал мне руку, я сама потянулась к его губам. Он уклонился от поцелуя, хоть и обнял меня.

В тот вечер бедняге шоферу по дороге домой пришлось бесконечное число раз пропеть «С тобой». Впоследствии он выступил с этой песней на международном конкурсе любителей вокала и занял первое место. Я была рада, что мой нелепый роман хоть кому-то пошел на пользу. Да-да, именно нелепый, поскольку в тот самый день ему суждено было закончиться самым обидным образом. Андрес ждал меня в губернаторском дворце, я собиралась отнести ему костюм для встречи президента, который как раз забрала от портного. Когда я приехала, стояла уже глубокая ночь, однако Андрес все еще был на рабочем месте, занимаясь вопросом об увольнении рабочих, которые собирались устроить забастовку в Атлиско.

Войдя в кабинет мужа, я вместо того, чтобы повесить костюм, прижала его к себе и закружилась с ним в танце.

— Ты сегодня так прелестна, Каталина, — заметил он, едва я вошла. — Чем ты сегодня занималась?

— Купила себе три платья, заглянула в «Железный дворец» [8], где меня обобрали почти до нитки, а потом снова пела в машине под музыку.

— Но ты хотя бы передала Фернандо мое сообщение, прежде чем заниматься своими глупостями?

— Разумеется, прежде всего я встретилась с Фернандо, а потом уже занялась другими делами.

— Да уж конечно педикі всегда так вдохновляют! — сказал Андрес своему секретарю.

— Женщины любят с ними поболтать. И что они в них находят? Сказать по правде, когда мы с ним познакомились, я заревновал не на шутку и готов был запереть Каталину на ключ. Но теперь-то я понимаю, что это единственный парень, наедине с которым я могу спокойно ее оставить. Так что пусть себе развлекается!

На следующий день я отправилась к Пепе, чтобы поведать ей о своем разочаровании. Я была уверена, что застану ее дома, потому что она никуда не выходит, и была крайне удивлена, обнаружив, что ее нет. Муж Пепы, чья ревность, усугубленная бездетностью, с каждым днем только росла, по-прежнему держал ее взаперти. Как-то вечером ей удалось таки на часок улизнуть из дома — так после этого он заставил ее встать на колени перед распятием, попросить у него прощения и поклясться, что она по-прежнему ему верна.

Так что я навещала Пепу в ее доме. Она жила в золотой клетке, набитой добром. Двор ее дома был полон птиц, а в доме — множество мягких кресел, полированных столиков, стеклянных горок и бесчисленных ковров. Вся еда у нее на кухне готовилась на оливковом масле, вплоть до фасоли, а для мужа она готовила собственноручно. Пепа утверждала, что по-прежнему безумно влюблена в него. День за днем она проводила, вытирая пыль, полируя мебель и поливая цветы. Глядя на нее, можно было подумать, что ее муж — единственный мужчина на всем белом свете, и никто не в силах заставить ее усомниться в этом. Напрасно Моника пыталась открыть ей глаза, внушая, что на дворе — тридцатые годы двадцатого века, а ее муж — невыносимый тип, что давно пора его бросить, чтобы снова свободно ходить по улицам, ни перед кем не отчитываясь. Пепа в ответ лишь ласково зажала ей рот и спросила, не хочет ли она выпить чаю с ореховым печеньем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты все такая же чокнутая, — ответила Моника. — Правде ведь, Каталина?

— Не в большей степени, чем я.

Когда муж Моника заболел, ей пришлось поступить на работу. Она отдала детей в детский сад и устроилась на фабрику.

— Итак, похоже, я здесь единственная нормальная женщина, имеющая нормального мужа, — рассмеялась она тогда.

Я присела на чугунную скамейку, стоящую под усыпанной фиолетовыми цветами жакарандой. Горничная в переднике принесла мне бокал лимонада и сказала, что сеньора всегда возвращается домой ровно к половине первого. Я ничего не поняла, но решила подождать пятнадцать минут.

И действительно, когда старые фамильные часы пробили двенадцать тридцать, в дверях показалась Пепа и направилась напрямик к моей скамейке.

Она была все такая же — ни следа косметики на лице, волосы заплетены в косу и уложены на затылке, и двигалась она легко, как ребенок; но что-то новое, странное сквозило теперь в ее глазах, в губах, в улыбке.

— Сдается мне, у тебя завелся сердечный друг, — сказала я, смеясь.

— Есть один, — ответила она, присаживаясь рядом со мной на скамейку.

Она выглядела такой спокойной, какой я давно ее не видела.

Оказалось, что они встречаются по утрам. Каждый день они проводили вместе два часа — с половины одиннадцатого до половины первого. Для своих встреч они сняли маленькую комнатку неподалеку от рынка Ла-Виктория. Кем он был? Единственным человеком, которому муж Пепы безоговорочно доверял. Короче говоря, врач, который лечил Пепу после очередной неудачной беременности — а таких беременностей у нее было три. Красивый

мужчина и самый известный в городе акушер. Половина женщин в городе мечтала завести с ним роман; многие стремились попасть к нему на консультацию, словно на благотворительный бал в «Красном Кресте». И вот оказалось, что он, несмотря на все трудности, завел интрижку с Пепой.

— Мы счастливы, как боги, — заявила она и счастливо рассмеялась таким же нежным и звонким смехом, как до замужества. Выглядела она просто чудесно. Я даже представить себе не могла, что она может быть столь очаровательной.

— А твой муж? — спросила я.

— Он ничего не замечает. Только и знает, что рифмовать «кровь» и «любовь».

— А у тебя как дела?

— Примерно так же, — ответила я.

Что еще я могла сказать? Мой дурацкий роман с Арисменди мог бы развлечь несчастную тоскующую женщину, которую муж держит взаперти, но как я могла рассказать о нем новой Пепе — богине, пребывающей на седьмом небе от счастья? Было бы просто кощунством нарушить ее идиллию подобной пошлостью. Поэтому я просто поцеловала ее и пошла домой, завидуя ее блаженству.

Глава 9

Я не могла понять, как Фито исхитрился стать министром обороны, но я не понимала, и как он стал заместителем министра, и даже как был директором чего-то там, когда Андрес пригласил его на наше бракосочетание в качестве свидетеля.

Но даже Андреса удивило, когда на стенах столичных зданий появились листовки, подписанные генералом Хуаном де Торре, где Родольфо Кампоса выдвигали в президенты республики.

Полагаю, что и сам Родольфо удивился, поскольку поспешил заявить, что это наглая провокация, он всегда был предан генералу Агирре, и все его помыслы сосредоточены на том, чтобы верно ему служить, а о большем он никогда и не помышлял.

Я ему поверила. О каком президентском кресле могла идти речь, если бедняга не мог добиться уважения даже у собственной жены? Эта облезлая мошь на восьмой день после свадьбы сбежала с военным врачом того самого полка, где Фито служил казначеем. В одно прекрасное утро она вышла из дома и больше не вернулась. Муж, как водится, узнал об этом последним и, если бы не сплетни, кто знает, когда бы до него дошло, что жена сбежала. Как мне рассказал один старый вояка, служивший в том же полку, Родольфо, узнав об этом, первым делом бросился к своему генералу и принялся горько плакать, проклиная несчастную судьбу.

— Мужайся, сержант, — заявил генерал. — Я отправлю им вслед батальон стрелков, чтобы получили по заслугам.

— Нет, мой генерал, — возразил Фито. — Я лишь хочу, чтобы вы послали мирового судью, пусть он уговорит их вернуться.

Генерал послал судью, и они вернулись. Едва Чофи спешила, как Родольфо бросился к ее ногам, заливаясь слезами и вопрошая, чем он перед ней так провинился, что она решила его покинуть. Он слезно просил у нее прощения, целуя ее ноги у всех на глазах, а она стояла, уперев руки в боки, не соизволив даже взглянуть на него.

София всегда держалась высокомерно. Говорят, когда-то она была очень красива, но мне с трудом в это верится. Однако могу сказать, что, когда ее мужа повесили в должности,

она оставила свое прежнее легкомыслие и стала необычайно богомольной. Возможно, она просто влюбилась в какого-нибудь священника, но точно сказать не могу: по ее лицу никогда ничего не поймешь.

Никогда не забуду, как его объявили кандидатом в президенты, это случилось как раз в тот день, когда в страну прибыл Тайрон Пауэр [9].

Моника отправилась в аэропорт его встречать. Мы поехали вместе с ней, потому что как раз в этот день Андрес решил нанести Чофи визит вежливости. Моника предвкушала, как встретит Тайрона Пауэра у трапа самолета, но когда мы прибыли в аэропорт, оказалось, что там уже собралась целая толпа женщин, имеющих такие же планы.

Поскольку ее муж уже давно был тяжело болен, в последние годы она была вынуждена подавлять свои телесные желания, занимаясь нарядами и делами. И вот теперь, при виде Тайрона Пауэра, все ее желания изверглись наружу, словно лава из жерла вулкана. Бросив меня возле стойки регистрации, она ринулась в толпу ожидающих женщин, расталкивая их локтями.

Спустя две минуты она уже вовсю наседала на беднягу.

— Тайрон! — вопила она. — Я пересмотрела все твои фильмы!

Пробившись наконец сквозь толпу, она поцеловала его в щеку, и он в ответ улыбнулся вымученно-кукольной улыбкой. Потом ему было уже не до улыбок: пришлось покидать аэропорт в сопровождении двух пожарных машин и одной полицейской. Поклонницы вырвали у него из рук чемодан и оторвали пуговицу на рубашке. Когда я снова его увидела, его подняли в воздух два пожарника. Волосы у него были растрепаны, на одной ноге не хватало ботинка.

У Моника было лицо довольной кошки, которая дорвалась наконец до сливок. Никогда прежде я не встречала человека, которому так мало нужно для счастья.

Из аэропорта мы поехали в дом Чофи. Мы обнаружили ее тщательно одетой, что довольно странно, поскольку почти всегда она встречала нас в халате и тапочках. Теперь же она была в темном платье и строго причесана. Она выглядела так элегантно, насколько от нее вообще можно было ожидать, и мне кажется, Моника несколько преувеличила, заметив, что бриллианты, которые болтаются у Чофи между сисек, слишком велики, чтобы носить их днем.

Она сидела в кресле эпохи Людовика XV, держа в руках несколько фотографий.

Когда Чофи пригласила нас в гости, я догадывалась, что она хочет чем-то похвастаться, но не знала, чем именно. Я спросила об этом одного из оставшихся с нами фотографов, и тот рассказал, что Мартин Сьенфуэгос, губернатор Табаско, заключил договор чуть ли не со всеми политиками страны о поддержке на выборах кандидатуры Родольфо Кампоса.

Чофи сияла, как начищенная кастрюля, с гордостью показывала пуговицы с изображением ее мужа, их только что доставили с американской фабрики, и прожужжала все уши разговорами о комитетах в поддержку генерала Кампоса, которые уже начинали формироваться по всей стране.

Думаю, Андрес все это уже знал, поэтому он и велел мне навестить Чофи и держать себя так, словно она — первая дама королевского двора. Тихо закипая от ярости на мужа, я с безмятежной улыбкой слушала излияния Чофи и, когда она наконец закончила, поздравила ее и осведомилась, можем ли мы в ближайшее время приехать к ней в гости вместе с Андресом, которому сегодня неотложные дела помешали обнять своего кума. После этого я поспешила с ней распрощаться, отговорившись тем, что хочу успеть засветло вернуться в

Пуэблу.

— Итак, нам предстоит целых шесть лет такой вот тоски, — сказала Моника, стоя в дверях. — Какой ужас! Несварение — и то лучше.

Потом мы с ней отправились пообедать в «Тампико». Моника флиртowała со всеми мужчинами, сидевшими за соседними столиками; в конце обеда официант принес нам бутылку шампанского, которую мы вовсе не заказывали, вместе с оплаченным счетом и двумя розами, к которым была приложена визитная карточка с надписью: «С искренним восхищением от Матео Подана и Франсиско Бальдераса».

Я огляделась и увидела Бальдераса — министра сельского хозяйства, он несколько раз у нас обедал. Он сидел неподалеку, за столиком на двоих, в компании незнакомого мужчины с орлиным носом и глубоко посаженными глазами. Судя по всему, это и был Матео Подан — журналист, которого Андрес ненавидел лютой ненавистью.

— Так ты говоришь, тот, что справа, тоже хочет стать президентом? — спросила Моника. — Извини, подруга, но я ставлю на него.

В конце концов оба пересели за наш столик. У Матео Подана оказался острый и злой язык; ничуть не смущаясь, он стал поливать грязью нашего кума Кампоса, как если бы я была Долорес дель Рио [10] или кем-то еще, но только не супругой Андреса Асенсио. Бальдерас же был очарован Моникой и в конце концов попросил у нее адрес и всё такое прочее.

Только к семи часам вечера мы покинули ресторан. В результате мы вернулись в Пуэблу так поздно, что с мужем Моники едва не случился инфаркт, а мой собственный был уже в курсе всего; он знал даже о том, что мне понравились руки Подана с длинными пальцами.

— Кто тебе разрешал строить ему глазки? — спросил он, когда я в первом часу ночи, беспечно напевая, вошла в нашу спальню.

— Я разрешила, — ответила я с таким спокойствием, что он невольно рассмеялся, а потом начал орать и остановился, только когда я уже натянула ночную рубашку и заявила:

— Ну, не драматизируй. Или ты и в самом деле веришь, что Тьюфак может быть президентом? Не стоит класть все яйца в одну корзину. И прошу, избавь меня от этих телохранителей. Они не стоят своего жалованья. В любом случае, я играю на твоей стороне, и ты это знаешь.

В начале следующего года стало понятно, что Родольфо непременно выставит свою кандидатуру, особенно после убийства генерала Нарваэса. По словам Андреса, этот «тупица и придурок» ничего другого и не заслуживал. Иначе разве пришло бы ему в голову затевать военный переворот?

Родольфо, как министр обороны, отдал военным приказ проявить милосердие к заключенным и принять капитуляцию мятежников, сложивших оружие. Потом отказался от своих слов, чтобы его не обвинили в попытке приобрести тем самым сторонников.

— Этот козел просто спятил! — в сердцах бросил Андрес. — Нельзя усидеть на двух стульях!

К тому времени он окончательно пришел к выводу, что в президенты кум не годится. Тогда он решил наладить отношения с Бальдерасом, и мы стали приглашать его на ужины вместе с Моникой. Кроме него, мы приглашали также Флореса Плиего и весь Кабинет министров — по одному. Но было поздно: Родольфо успел сделаться слишком популярным. На выборах в Веракрусе двадцать четыре губернатора проголосовали в его пользу, и Андрес вынужден был туда поехать. Он рвал и метал, как говорили, но все же поехал. В стенах нашей спальни он материл своего кума, а за ее пределами — поздравлял его с успехом. С

этой минуты он возненавидел Мартина Сьенфуэгоса. Он не выносил, что тот рьяно занялся выборами, при этом не посоветовавшись с ним, лишь сообщил о свершившемся факте. Что еще хуже, сам Родольфо стал считать Сьенфуэгоса своим другом и перестал советоваться с Андресом, как раньше.

Лишь после создания Революционного комитета национального возрождения, который выдвинул на пост президента генерала Браво, Фито вдруг вспомнил, что у него есть очень умный кум и даже навестил нас в Пуэбле, чтобы поговорить с ним.

В это время в город прибыл полковник Фульхенсио Батиста, только что пришедший к власти на Кубе. Они с Родольфо получили приглашение позавтракать в нашем доме.

— Знаешь, когда этот герой кубинской демократии отойдет от власти? — спросил у меня Андрес, едва они вышли за дверь. — Никогда. Если этого козла никто не пристрелит, он проторчит у власти еще добрых сорок лет.

Я попыталась обернуть все в шутку, сказав, что такое вполне можно устроить и в Мексике.

— Разумеется, я бы не возражал, — ответил он. — И тогда не видать президентского кресла ни этому козлу Фито, ни его дружку Сьенфуэгосу. Но меня не привлекает перспектива провести ближайшие шесть лет в этом бардаке, предпочитаю выстроить прочный плацдарм, и тогда уж сам буду дергать за ниточки шута-президента.

Он делал все, чтобы напугать сторонников его кума. Как-то вечером, во время игры в домино, он вновь обозвал его тупицей и заявил, что президентом ему не бывать. Три дня спустя состоялась встреча губернаторов, выдвигающих кандидатуру Кампоса на пост президента. Андрес, вместо того, чтобы отправиться на пленум, проходивший в кинотеатре «Регис», пришел на обед, устроенный Бальдерасом для работников прессы, где заявил, что нечего даже надеяться, будто в нашей стране возможны демократические выборы, ибо он не сомневается, что губернаторы подтасовали результаты голосования.

Несколько дней спустя рабочие из профсоюза решили поддержать Фито; митинг на стадионе в Мехико закончился выступлением крестьян, бросающих в воздух шляпы с криками:

— Да здравствует Кампос!

Мы вернулись в Пуэблу. Андрес выглядел, как мокрая курица. Я старалась с ним не заговаривать: все равно ничего, кроме злобного ворчания и проклятий, я бы не услышала. Но однажды утром, как всегда, просмотрев «Аванте», Андрес несколько взбодрился, настроение у него явно улучшилось. Едва он, весело насвистывая, вышел из дома, я тут же схватила газету. Любопытство одолевало меня сильнее, чем когда-либо. Я не поняла, что ему так понравилось. Газета пестрела обвинениями, направленными против него и его кума. Журналистская братия хором утверждала, что хваленый кандидат в президенты, как и губернатор, замешан в преступлениях, совершенных в Атенсинго и Атлиско, что у него есть дом неподалеку от проныры Хайса, построенный на земле, принадлежавшей крестьянам, что Родольфо и Андрес вместе с Хайсом украли государственные деньги и что у них на счетах в американских банках больше шести миллионов песо.

Статья заканчивалась утверждением, что кандидат и его сообщник-губернатор виновны в многочисленных убийствах, хотя свидетели и боятся говорить.

В скором времени «Аванте» объявила о внезапном исчезновении своего директора, дона Хуана Сориано, взывая к общественности и требуя правосудия. Несколько дней спустя тело нашли на гасиенде в Полокстле, неподалеку от Сан-Мартина. Все мексиканские газеты

взорвались протестами, обвиняя в убийстве губернатора Асенсио. Я была свидетелем интервью, которое Андрес давал корреспонденту «Эксельсиора», он поспешил заверить, что уже оповестил Сенат республики о том, что решил взять дело в свои руки и восстановить справедливость.

В следующее воскресенье Родольфо вновь появился в нашем доме в Пуэбле. Я как раз сидела во дворе напротив двери и видела, как он не спеша вошел.

— Как поживаешь, кумушка? — спросил он, целуя меня в щеку. — А как твой муж?

Я провела его в сад. Андрес в это время находился в бильярдной, обыгрывал Октавио. Марсела вела счет, болея, естественно, за брата, хотя оба понимали, что с Андресом ему не тягаться.

— Привет, кум, — произнес Родольфо с незнакомой твердостью в голосе.

— Привет, — ответил Андрес, делая шаг навстречу. Кумовья дружески обнялись.

— И что теперь? — спросила я Андреса, когда Родольфо ушел.

— Вот теперь он станет президентом.

До сих пор помню, как прошел остаток этого года, и ощущение охватившего меня водоворота. Андрес назначил меня своим представителем. Теперь мы все время проводили вместе — митинги, совещания и прочие мероприятия, которыми я по горло сыта до сих пор.

Я купила дом в Лас-Ломас. Он находился в полном моем распоряжении. Дети и Андрес всю неделю проводили в Пуэбле, а по выходным приезжали только Октавио и Марсела — якобы для того, чтобы повидаться со мной.

— Катин, можно поставить в моей комнате вместо двух отдельных кроватей одну большую? — спросила однажды Марсела.

Разумеется, я согласилась. С той минуты и по сей день они так и спят на этой кровати.

Сначала Андрес все пытался выдать Марселу замуж. Но Октавио всякий раз так умолял меня отвадить очередного жениха, а я так старалась ему помочь, что в конце концов Андрес обо всем догадался и напрямую спросил:

— Так ты тоже считаешь, что они будут отличной парой? — и громко расхохотался.

После съезда партии Фито официально объявили кандидатом, и мы отправились в тур по стране. Первой мы посетили Гвадалахару. Там, в парке, Фито произнес речь, в которой вещал о семейных ценностях и о том, что дети должны почитать родителей.

В эти минуты он был похож скорее на священника, чем на кандидата. Мы с Марселой и Октавио откровенно хихикали, подталкивая друг друга локтями и перемигиваясь, когда его речь начинала звучать слишком уж пафосно. Я была всей душой благодарна им за то, что они поехали со мной. Они не только составили мне компанию, но и помогали развеять злость, которую у меня вызывал Тюфяк. Как-то посреди ночи он прислал за мной военный эскорт из Государственной службы безопасности, начальник которой держался с ним так, словно он уже был президентом. Я не знала, что и делать, ведь я не жаждала хороводиться с Фито. Даже стань он президентом всего мира, я нипочем не пожелала бы иметь с ним дело.

Как-то он вызвал меня к себе днем, чтобы я ознакомилась с его биографией, а также с биографией Андреса, которые сторонники Браво опубликовали чуть ли не в каждой газете — начиная с того, что Фито когда-то служил почтальоном, затем рассказывалось об их пребывании в тюрьме Цитадели, и, наконец, упоминалось письмо Хайса в правительственные органы своей страны, где он заявлял, что вместе с «этими парнями, Асенсио и Кампосом» защищает в Пуэбле интересы американцев. Заканчивалась статья внушительным списком весьма оригинальных семейных преступлений.

— Не расстраивайся, — сказала я. — Андреса совершенно не волнует, какими средствами будет обеспечен успех кампании. В любом случае, ты ведь хочешь победить, так?

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной на демонстрацию, — заявил он, встряхнув головой.

На следующий день он прислал за мной шофера. Тот протянул мне букет цветов, к которому была приложена визитная карточка с надписью: «Пожелай мне удачи в день 1 мая».

Мы наблюдали демонстрацию в День трудящихся с балкона одного из зданий профсоюза в Мадеро. Альваро Кордера, изящный и утонченный, стоял рядом с Фито — упитанным, круглолицым и с самодовольной улыбкой на губах. Поначалу все шло хорошо — пока на улице не появилась колонна железнодорожников, которые принялись кричать «Да здравствует Браво!» и швырять гнилые апельсины в сторону нашего балкона. Я думала, Родольфо придет в ярость, но он держался столь невозмутимо, что мне стало даже скучно. А он по-прежнему стоял рядом с Кордерой, всем своим видом излучая торжественность и не теряя прежней улыбки.

Один апельсин долетел до балкона и размазался по моей юбке — на мне как раз было платье из светлого шелка. Отдавая должное невозмутимости Родольфо, я решила вести себя так же: не двигаться с места, мило улыбаться — одним словом, держаться так, будто ничего не случилось. Когда демонстрация закончилась, Фито спросил у Кордеры, не находит ли он, что я вела себя, как мудрая королева, и Кордера преспокойно с ним согласился.

— София нипочем бы такого не пережила! — не унимался Фито. — Как удачно Андрес выбрал себе жену! Ты поистине смелая женщина! — продолжал он, когда мы на машине возвращались домой.

Он проводил меня до самых дверей и на прощание расцеловал руки и испачканную юбку.

«Интересно, он сам пишет речи? — думала я, поднимаясь по лестнице к себе в спальню. — А впрочем, такой напыщенный тип вполне мог бы посвятить себя написанию речей».

Вечером позвонил Андрес, чтобы меня поблагодарить. От него я тоже получила свою долю восхвалений.

— Ты прошла боевое крещение, — сказал он. — И превосходно усвоила уроки. Теперь ты можешь посвятить себя политике. Могла бы поддерживать меня, как сегодня поддержала Тюфяка.

Я представила его сидящим за письменным столом, заваленным бумагами, которых он никогда не читал. Как наяву видела его улыбку, слышала раскаты смеха. Тогда мне еще многое в нем нравилось.

— Когда ты приедешь? — спросила я.

— Возвращайся завтра сама, через пять дней приезжает президент Агирре.

И я вернулась домой. Встреча президента прошла идеально. Тысячи детей в национальных костюмах прошли перед нами безупречно ровными разноцветными колоннами. Агирре сердечно поблагодарил Андреса за теплый прием. Донья Лупе отправилась со мной в приют и пожертвовала изрядную сумму на завтраки, которой должно было хватить на ближайшие полгода. Затем мы на машине отправились в горы. Там Андрес объявил индейцам, что они могут попросить президента обо всем, чего пожелают, и мы весь день выслушивали их просьбы. Около восьми часов я предложила донье Лупе поужинать булочками и кофе с молоком. Когда около одиннадцати мы вернулись, ее муж все еще терпеливо выслушивал бесконечные просьбы индейцев. Андрес был тут же — весьма

довольный, с неизменной сигарой в зубах. Мы с доньей Лупе отправились спать. Генерал вошел в комнату только в четыре часа утра.

— Этот козел поистине неутомим, — проворчал он, заваливаясь на кровать и обнимая меня. — А я совсем забыл, как ты великолепна...

— Видимо, не настолько, как та старуха, с которой ты забавляешься, — ответила я.

— Не болтай чепухи, Катин. Если ты такая умная, то должна понимать, что иногда лучше помалкивать.

— Что чувствуют президенты, когда подходит к концу их срок? — спросила я. — Бедный генерал Агирре.

— Я не говорил тебе, что ты слишком добра? — ответил он.

Глава 10

Биби была немного моложе меня. Когда мы с ней познакомились, она была замужем за доктором, чего как будто стыдилась. Когда ее спрашивали, сколько он зарабатывает, она отвечала, что в зависимости от того, сколько попросит. Ее муж был хорошим врачом, лечившим детей от простуды и расстройства желудка, а их матерей — от чрезмерного беспокойства. Однажды Верания подавилась карамелькой и стала задыхаться, и я побежала к нему. Я испугалась, что моя девочка умрет; в ушах у меня уже звучали крики генерала, называющего меня убийцей.

Лишь войдя в его приемную в доме номер 3 на Северной улице, я почувствовала облегчение. Девочка по-прежнему задыхалась и выглядела синюшной, но доктор велел мне успокоиться и дал ей выпить горячего отвара ромашки, она выплюнула карамельку и снова задышала. Когда она откашлялась и лицо ее снова приняло нормальный цвет, я расплакалась и бросилась обнимать и целовать доктора. Как раз в эту минуту в его кабинет и вошла Биби.

— Он спас мою дочку, — сказала я, чувствуя себя виноватой, хотя тогда еще не знала, кто она такая.

— Именно так, — ответил доктор, ничуть не смутившись. — Эта сеньора — супруга генерала Асен시오, — объяснил он Биби.

— И каково это? — воскликнула она вместо приветствия.

Я пожала плечами, и тут мы обе рассмеялись, к величайшему удивлению доктора.

После этого случая я часто с ней виделась. Иногда мы встречались на улице, расспрашивали друг друга о мужьях, причем она высоко ценила моего, а я — ее; обсуждали детей, она жаловалась на слабое здоровье своего сына, а я — на бесконечные проказы моих сорванцов. Затем мы целовались на прощание, едва касаясь губами щек.

Много лет спустя она призналась, что эти встречи заставили ее почувствовать себя важной персоной.

Однажды скончался ее муж. Он умер тихо и незаметно — так же, как и жил, и не оставил ей ни сентаво, вполне ожидаемо. Я отправилась на его похороны — в знак благодарности за то, что он лечил моих детей, а также потому, что у нас в Пуэбле было принято посещать похороны, свадьбы, крестины и первые причастия всем городом. А кроме того, надо же было как-то убить время.

Там я увидела Биби, державшую за руку сына. Я сочувственно обняла ее и передала конверт с деньгами.

— Мой долг твоему мужу, — произнесла я с тяжелым вздохом.

— Ты всегда так деликатна, Каталина, — ответила она.

Она не плакала. Я помню, как хороша она была во вдовьем наряде. В день похорон она выглядела еще моложе, ее черные глаза так и сверкали. Она была очень красива, как грустно думать, что единственный удел этой ее красоты — прогулки по улицам Пуэблы за руку с сыном-подростком, что скоро на этом прекрасном лице появятся морщины при мыслях о том, какие вещи продать, чтобы заплатить за обучение сына. Вскоре она уехала в Мехико к своим братьям, которые работали в газете, принадлежащей генералу Гомесу Сото.

В следующий раз я увидела ее уже в доме этого самого Гомеса Сото. Это был огромный и совершенно безумный дом — такой же, как наш. Биби сидела в саду в синем платье с глубоким вырезом на спине и груди и улыбалась самой очаровательной улыбкой.

— Ты прекрасно выглядишь, — заметила я.

— Просто я наконец-то выбралась из нищеты.

— Поздравляю, — сказала я, вспомнив любимую фразу моей матери, которую она всегда произносила, когда хотела выразить сдержанную радость кому-то из внезапно разбогатевших знакомых, не вдаваясь в подробности, откуда это богатство взялось.

Мы сидели, глядя на роскошный бассейн, в котором плавали свечи, окруженные венками из гардений.

— Божественно, не правда ли? — спросила она.

— Божественно, — согласилась я.

После этого мы заговорили о других божественных вещах: о чулках, которые ей привозят из-за границы, о том, как ей нравится статуя Ангела независимости, а также о том, считаю ли я допустимым принимать цветы от женатого мужчины. Я рассмеялась. Что за безумный вопрос, когда столько женщин не считают зазорным принимать от моего мужа не то что цветы — ключи от машины, упакованные в нарядную коробочку, пока сама машина уже дожидается у двери.

— Как говорила моя тетушка Нико, до свадьбы — ни единого цветочка, — произнесла она.

— Но ты же не собираешься всю жизнь придерживаться этого принципа? — спросила я.

В конце концов она призналась, что генерал Гомес Сото попросил ее стать хозяйкой этого дома.

— Только этого дома? — поинтересовалась я.

— В других домах живут его жена и дети, — ответила она. — В этом пока нет.

Жене генерала Гомеса не грозило оказаться на улице. Это была женщина того же возраста, что и сам генерал — то есть, около сорока пяти лет. Он прожил с ней долгие годы, еще с тех времен, когда был простым солдатом. У них было девять детей — уже взрослых, некоторые уже женаты. Теперь его жена ощущала себя всего лишь бабушкой и ничего не ждала от жизни, в то время как муж разбогател. Но насколько я знала генералов, Гомес Сото вовсе не собирался бросать семью и жениться на Биби.

— Скажите ему, что согласна, но пусть он запишет дом на твое имя, — посоветовала я.

— Боюсь, что это невозможно, Каталина, — сказала она, покраснев. — Я просто не посмею. Он и так уже столько для меня сделал. Он так добр ко мне...

— Много сделал — сделает еще, — сказала я. — Ему ведь это ничего не стоит, дорогая. Он отгрохал тебе такой бассейн — так неужели ему трудно поставить маленькую подпись? Это ведь такой пустяк. Ты собираешься стать его содержанкой?

— Поначалу, — заявила она с самоуверенностью пятнадцатилетней девочки. — Но потом я намерена добиться большего.

Спустя месяц после этого разговора она приехала ко мне в гости в Пуэблу. Я смотрела, как она, довольная и счастливая, выбирается из огромной машины — такой же, как у меня. Сына с ней не было, зато сама она куталась в дорогие меха, несмотря на мартовскую жару. Я с возмущением заговорила о недостойном поведении генерала Сото и заявила, что считаю его отчасти виновным в гибели Сориано, поскольку он не только поддержал Андреса, но и в конце концов купил газету, принадлежавшую покойному. Биби не хотела ничего слушать.

Мы прогуливались по террасе, любуясь панорамой раскинувшегося внизу города и десятками церквей, вознесших в небо свои сияющие купола. Я любила смотреть на город. Улицы Пуэблы отсюда выглядели изумительно; казалось, любой дом можно взять в руки, словно детскую игрушку.

— Мне надоело так жить, Каталина, — призналась она. — Если бы ты знала, как это ужасно — быть бедной вдовой, к которой каждый норовит протянуть свои грязные лапы. И почти никто ничего не желает давать взамен. Генерал, по крайней мере, щедр. Посмотри на машину, которую он мне подарил, посмотри, сколько прислуги он для меня нанял. Он обещал свозить меня в Европу, обещал купить все, чего я только пожелаю, мы ходим в театры. Всего этого я бы никогда не увидела, прозябая в этой дыре или строча на пишущей машинке в киностудии, провожая взглядом Марию Феликс [11] и думая о том, что я — уже старуха, а она по-прежнему молода и прекрасна. Нет, Каталина, не пытайся меня отговаривать. Я все равно тебя не послушаю.

— В этом ты права, — ответила я. — Моя жизнь тоже не сахар, но я не жалею. С какой стати мне тебя осуждать? Конечно, мне не с чем сравнивать, да и выбора у меня особого не было. Мне не довелось быть женой обычного человека, а не ходячей головоломки. Порой мне кажется, что предпочла бы быть женой врача, который знает, где у детей находятся миндалины. Хотя, возможно, это точно такая же скука, только без мехового мантио. Кстати, почему бы тебе не выйти замуж за брата твоего зятя? Он милый и симпатичный.

— Потому что он уже женат. Это как раз один из тех типчиков, что тянут ко мне грязные лапы.

Вскоре мы стали подругами. Она в конце концов стала жить вместе с Гомесом Сото, тот подарил ей роскошный автомобиль с затемненными стеклами и дом с бассейном и цветами. Вот только с путешествием по Европе пока не получалось. Теперь ей не приходилось ни ходить пешком, ни самой покупать себе одежду. Все доставляли на дом: платья, обувь, модные шляпки из Парижа. Как будто это так уж необходимо — ходить по коридорам собственного дома в шляпке с вуалью! Даже театр пригласили к ней на дом, установив сцену в глубине сада.

В доме Биби устраивали частные представления. Приглашали полгорода, и даже пуританка Чофи решила нанести им визит вместе с мужем. Поддержка газет Гомеса Сото была необходима для кампании Фито, и потому они распинались перед ним, как могли.

— Не переживай, — сказал ей Андрес, когда мы вместе ехали в дом Биби. — Гомес Сото разберется, с кем дружить, к тому же он — человек благодарный, а я одолжил ему денег на новые машины.

— Казенные деньги? — спросил Родольфо тоном наивного дурачка.

— Разумеется, братец. Ты же сам знаешь, что страна — это прежде всего чьи-то имя и фамилия, а долг — всегда долг. Он знает, что в долгу перед нами. По крайней мере, ты согласился поехать, а его приемы всегда великолепны. Правда, Катин?

— Да, — ответила я, глядя на Чофи, которая раздулась от злости.

— Мне совсем не хочется терпеть весь вечер его зазнобу, — заявила она.

— Отчего же терпеть? — удивился Фито. — Она очень приятная. Чофи, как всегда, преувеличивает.

Нас встретила сама Биби. Мы с ней не виделись три месяца. Я недоумевала, почему она вдруг перестала ездить в Пуэблу, и лишь теперь, увидев ее, я поняла, в чем дело. Не было никаких сомнений, что генерал заделал ей ребеночка.

Беременность нисколько ее не испортила. В своих длинных ниспадающих одеждах она казалась настоящей греческой богиней. Руки ее немного пополнили, но лицо, казалось, стало еще моложе.

— Я же тебя предупреждала, — сказала я. — Любишь кататься — люби и саночки возить.

— И не говори! Я так боюсь, что мой бедный крошка может унаследовать нос этого человека.

— Да ладно нос, а его коварство? Даже не знаю, как мы решаемся такое воспроизводить.

— Дети не всегда похожи на родителей, — сказала Биби, поглаживая свой живот. — Вот Бетховен, к примеру, был сыном пьяницы и сумасшедшей.

— Кто тебе такое сказал?

— Я уже не помню, но ведь это обнадеживает, правда?

— А другой твой сын — как у него дела?

— Прекрасно. Оди настоял, что ему нужно учиться, и сейчас он в прекрасной частной школе в Филадельфии.

— Но ему же только девять лет?

— Он очень доволен. Это школа с военным уклоном, очень дорогая. У него три разные униформы, а еще там есть превосходное футбольное поле. К тому же ему необходима компания сверстников, он слишком привязан ко мне.

— Это ты сама так думаешь или Гомес Сото?

— Мы оба.

— Отличная пара — ведь в главном вы согласны, — сказала я и обняла ее.

— Ладно, и чего ты от меня хочешь? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты перестала принимать меня за дурочку. Историю о том, как твой сын счастлив в школе, можешь рассказывать Чофи; я тебе даже помогу, добавлю парочку интересных деталей. Но со мной можешь выплакаться. Или у тебя нет такого желания?

— Нет, — ответила она. — Вернее, есть, но не из-за этого. Иногда я действительно плачу, но причиной тому мой живот, а еще то, что приходится сидеть взаперти.

— Просто ужасно — ходить с таким животом, да?

— Ужасно, — согласилась она. — Даже не знаю, кто придумал такую глупость, будто бы беременные женщины красивы и счастливы?

— Да уж конечно мужчины. Чтобы женщины делали вид, что довольны.

— Что же еще им остается?

— Добавь к этому постоянное раздражение. Во время обеих беременностей я ужасно злилась. Просто чудо, что у меня не случился выкидыш. Видела бы ты, как я полгода ревела и ненавидела свой живот, когда носила Веранию, как однажды влезла на мушмулу в саду и потом никак не могла спуститься. А ведь много лет я не знала себе равных; мне всегда

удавалось собрать на три корзины больше мушмулы, чем братьям, а тут я пришла навестить родителей и вдруг увидела, как братья сидят на дереве и побивают мои рекорды.

— Вот видишь, дочка, чего ты лишилась, так рано выскочив замуж, — сказал тогда папа.

И я заплакала — да так и плачу до сих пор.

— Врушка! Я никогда не видела, чтобы ты плакала.

— Ты просто не видела меня ночью. А днем я не имею на это права, ведь я — первая дама штата.

Мы прошествовали через сад к дверям дома. Фито, Андрес и Чофи шли впереди, когда распахнулась дверь и на пороге появился генерал, который тут же полез к ним обниматься и хлопать по спине. Мужчины принялись отпускать шутки, как жаль, что они не могут позволить себе телячьих нежностей вроде поцелуев и поглаживаний беременных животов, от души восполняя это крепкими объятиями и благодушным смехом. До сих пор не понимаю, что смешного они в этом увидели. Чофи осталась в сторонке, пришлось вовлечь ее в разговор.

— Вам очень к лицу беременность, — сказала Чофи, смягчившись.

— От нее толстеют, — ответила Биби.

— Да, тут уж ничего не поделаешь. Нельзя же ждать ребенка и оставаться изящной. Но ведь материнство — это так благородно! Я не встречала ни одной женщины, которая выглядела бы некрасивой во время беременности.

— А я видела многих, — ответила я, напомнив Чофи, что первая беременность ее саму привела в изумление.

Я даже подумать не могла, что ее так разнесет: живот стал размером с задницу, а груди разбухли, как у слонихи. Вот бедолага. Но оно того стоило. Она вот-вот станет женой президента, но все равно лопает все подряд.

— Многих? И какая же из них была некрасивой, когда ждала ребенка?

— Многих, Чофи. Но не думаю, что тебе будет так уж приятно услышать имена.

— А тебе лишь бы мне противоречить!

— Если тебе так хочется, я, конечно, могу сказать, что все беременные женщины — просто красавицы. Но я никогда не чувствовала себя более уродливой, чем в те дни.

— Ну, ты тогда выглядела неплохо. Это сейчас ты стала слишком худой. А как вы себя чувствуете, сеньора? — спросила она у Биби.

— Прекрасно, — ответила Биби. — Делаю специальные упражнения, полезные все время беременности.

— Но это же просто ужасно, — возразила Чофи. — Какая от этого может быть польза? Вы же тревожите плод. Вы же не хотите, чтобы все закончилось преждевременными родами, как это случилось с последним ребенком Каталины?

— Только упражнения здесь ни при чем, — ответила я. — Просто матка отторгла плод.

— Что за бред! — возмутилась Чофи. — С каких это пор матки отторгают плод? Просто ты скакала верхом.

— Доктор мне разрешил.

— Ну разумеется, этот идиот Досаль все разрешает! Когда он сказал после рождения Чеко, что ты можешь перестать пить кукурузный отвар и куриный бульон, я сразу поняла, что он сумасшедший. Да-да, сумасшедший и безответственный. Со своими детьми он бы так не поступал. А может, он вообще педик. Они ненавидят детей и женщин. Он точно педик.

— А как вам нравится мой бассейн с цветами, донья Чофи? — спросила Биби, чтобы сменить тему.

— О, как красиво! Никогда раньше такого не видела. Они растут где-нибудь поблизости?

— Одилон каждую неделю выписывает их из Фортина.

— Надо же, какой внимательный, — заметила Чофи. — На свете таких мало. — А сколько часов езды отсюда до Фортина?

— Семь, — ответила я. — Мы все тут посходили с ума.

— Зачем ты так говоришь, Каталина? Не стоит завидовать.

— А я и не завидую. Но это действительно сумасшествие — возить цветы из самого Фортина. По всей видимости, генерал просто безумно влюблен.

— Да уж, — ответила Чофи.

Когда на нее накатывало романтическое настроение, то начинала вздыматься грудь, и Чофи вздыхала, словно хотела кому-нибудь отжаться.

— Ты просто гений, — сказала я Биби на прощанье.

— Так тебе понравился мой праздник, королева? — спросила она, как ни в чем не бывало.

Потом мы устроились в гостиной, которая больше напоминала вестибюль американского отеля, до того огромная. Неудивительно, что мы приглашали на приемы столько гостей — чтобы не чувствовать себя единственной горошиной в огромном котле.

На празднике Биби и генерала собралась целая толпа. Отмечали юбилей его газеты, и съехались все, кто хотел бы попасть на завтрашнее фото. Биби никогда не утруждала себя заботами о приготовлении ужина, поручая это неким француженкам, которые якобы знали в этом толк, но никогда не получалось как надо. В итоге на торжестве не было недостатка в иностранных винах и услужливых официантах, которые наполняли бокалы гостей еще до того, как те даже наполовину опустеют. Мало еды, зато вдоволь выпивки, так что праздник в конце концов превратился в разнузданную пьянку. Мужчины сначала все больше краснели и улыбались, потом стали излишне разговорчивыми, а под конец иные из них начали вести себя как буйнопомешанные. А хуже всех — генерал Гомес Сото, который всегда много пил. Поначалу он был исключительно предупредителен, разве что говорил немного невпопад, но все же не настолько, чтобы выглядеть глупо. Но, к несчастью, в этой стадии он пребывал недолго. С каждым новым бокалом он становился все более агрессивным, а вскоре начал откровенно задирать гостей.

— Вот скажите, почему у вас такие кривые ноги? — допытывался он у жены полковника Лопеса Миранды. — Что надо было с ними делать, чтобы они превратились в две дуги? Полковник Миранда — просто изувер! Люди добрые, вы только посмотрите, до чего он довел свою жену!

Никто, кроме него самого, не смеялся над этой шуткой, а уж полковнику Миранде и его кривоногой жене и вовсе было не до смеха. Потом Гомес Сото вдруг вспомнил про своего отца и заявил, что никто не сделал для Мексики больше, чем он, и никто не заслуживает большей славы и почестей.

— Да, мой отец поддерживал Порфирио Диаса, а кого ж еще, козлы? В то время по-другому было нельзя. Но благодаря моему отцу у нас есть железные дороги; а благодаря железным дорогам мы получили революцию. Скажете, я не прав, козлы? — кричал он, взобравшись на стол.

— И часто он такое устраивает? — спросила я у Биби, которая стояла рядом со мной, отчужденно глядя на генерала, скорее с презрением, чем со страхом.

— Пару раз, — спокойно ответила она. — Надо как-то заставить его слезть со стола; не хватало еще, чтобы он оттуда свалился. Когда он болеет, то ведет себя еще хуже, чем когда напьется.

— Что-то с трудом верится.

— Ты даже не представляешь. Даже с насморком он изображает умирающего, я просто не могу отойти от его постели: он тут же начинает стонать, как больной крокодил. Боюсь даже вообразить, что будет, если он сломает ногу.

Она бросилась к столу, на который взобрался Гомес. Никогда не забуду ее фигуру в белом, протянувшую руку в умоляющем жесте.

— Спускайся, папочка! — взмолилась она. — Это опасно. Ты можешь упасть, покалечиться. Спускайся, прошу тебя!

— Не тебе указывать мне, что делать! — заорал Гомес. — Или ты считаешь меня идиотом? Полагаешь, что я такой же идиот, как твой сыночек? Ведешь себя со мной, как с ним! Или, может, наоборот, ты с ним ведешь себя, как со мной? Меня не проведешь: сколько раз я видел, как ты целуешь, его, гладишь, укладываешь в постель... Конечно, его тебе приятнее ласкать, чем меня... Старая шлюха! — с этими словами он спрыгнул со стола, обхватил шею Биби обеими руками и принялся душить.

— Сделай что-нибудь, — попросила я Андреса.

— Что я могу сделать? — ответил он. — Это ведь его женщина, правда?

Чофи стала истерично вопить, а Фито обнял ее, чтобы успокоить. Никто не вмешивался.

Биби, умудряясь оставаться все такой же элегантной, пыталась отвести руки генерала от своей шеи.

— Помоги ей, — умоляла я Андреса, потащив его за руку в сторону генерала, который отчаянно пыхтел и отдувался.

— Гомес, не преувеличивай силу своей любви, — сказал Андрес, заставляя того разжать пальцы и выпустить шею Биби. Едва Гомес ее выпустил, я поспешила обнять подругу.

— Ничего, ничего, — сказала она. — Это он пошутил. Ведь правда, жизнь моя? — обратилась она к Одилону, который в одну секунду из бешеного безумца превратился в игривого песика.

— Ну конечно, моя кошечка, — сказал он. — Разве я могу обидеть такую красивую девочку? Я же ее обожаю. Признаюсь, порой мы в наших играх заходим немножечко далеко, но это всего лишь игры. Простите, если я вас напугал. Маэстро, музыку, пожалуйста!

Оркестр заиграл «Эстрельиту». Биби оправила платье, положила руку на плечо генерала, изящно склонила голову ему на грудь, и они начали танцевать.

В скором времени все забыли о случившемся, а Биби и Оди снова стали идеальной парой.

Глава 11

В большинстве государств женщины не имели права голосовать, а Кармен Сердан добилась этого для Пуэблы. И вот настали первые такие выборы, так что 7 июля я встала ни свет ни заря и, как никогда элегантная, отправилась вместе с Андресом на выборы, как его официальная жена. Пришло не так много людей, но зато немало журналистов, которых я наградила самой ослепительной из своих улыбок и под руку с генералом направилась к урне,

притворяясь дурочкой.

Я проголосовала за Браво, кандидата от оппозиции; не потому, что считала его таким уж замечательным, а потому, что не сомневалась в его проигрыше, так мне не придется винить себя за то, что выбрали Фито.

В Пуэбле всё проходило спокойно. Может быть, играя роль гранд-дамы, я и не могла увидеть ничего другого, но мы знали, что в Мехико народ заставил президента Агирре выкрикнуть на избирательном участке «Да здравствует Браво!», и членам революционной партии во имя дела революции пришлось стащить те урны, где набралось меньше голосов за Фито. Для этого они подъехали к избирательным участкам с пистолетами в руках и под различными предлогами закрыли их раньше времени.

Вскоре Браво уехал в Венесуэлу. Он планировал нанять там боевиков для осуществления своего плана победы. Его последователи восстали, но всех перебили, как мух. Не вернулся и мой кандидат. Таким образом, жизнь показала, что я как избиратель приношу лишь несчастья, и теперь мне оставалось лишь признать свои ошибки и молча аплодировать Конгрессу, когда в сентябре объявили о победе Фито, набравшего три миллиона четыреста тысяч голосов против ста пятидесяти одной тысячи голосов у Браво.

Поскольку правительство Соединенных Штатов решило признать и поддержать победу Тюфяка, они прислали на его инаугурацию чрезвычайного посла Брайана.

В скором времени вернулся Браво. Никогда прежде я не видела, чтобы Андрес так смеялся, как в тот день, когда прочитал в газете речь, произнесенную моим кандидатом перед прессой в день своего возвращения.

— Умеет же козел насмешить. Только послушай! — сказал он мне. — «Поскольку мое негибкое поведение могли принять за тщеславие или честолюбие, я приехал, чтобы объявить перед мексиканским народом, что отказываюсь от почетного поста президента республики, на который меня избрали седьмого июля». Вот смехота, — добавил он, топая от хохота ногами. — «Я преисполнен пылкими пожеланиями и полон глубокой преданности, неугасимой благодарности и уверенности в том, что Мексика станет свободной и счастливой. Я ни о чем не сожалею».

— А чего ты хотел? — спросила я. — Что еще ему оставалось? Ждать, пока его убьют?

— Да уж! В самом деле ничего не оставалось: разве что пердеть! — ответил он, продолжая покатываться от хохота.

Вскоре после этого он поручил мне сопровождать Чофи, которая, в свою очередь, сопровождала супругу посла Брайана во время приема в американском посольстве.

Мы прибыли как раз в тот момент, когда толпа забрасывала камнями статую Вашингтона. Мы проскользнули в здание посольства через заднюю дверь, и уже изнутри слышали выстрелы и крики, а тем временем невозмутимые официанты предлагали тартинки с икрой и бокалы с шампанским. Миссис Брайан была бледна, но держалась так, будто ничего не происходит, чем могла бы дать фору лучшим актрисам. Она наверняка считала, что ее муж получил назначение в страну дикарей. Тем не менее, она вежливо улыбалась и даже спросила у меня, какая в Пуэбле погода.

— Очень холодная, — ответила я.

— Отшен холодная, how nice [12], — повторила она с улыбкой.

Когда мы вернулись домой после ужина в посольстве, то узнали о гибели майора Луны при попытке задержать группу террористов, которые собирались убить генералов Агирре и Кампоса.

— Бедный майор Луна! — вздохнула Чофи, обращаясь к охраняющему ее лейтенанту, от которого она, собственно, и узнала эту печальную новость. — Он погиб, сражаясь за родину.

Это не имеет ничего общего с родиной, подумала я.

— Это пройдет, но боюсь, что слишком поздно, — пробормотала я, а она тем временем продолжала щебетать о чувстве долга и преданности майоре Луны.

Я вспомнила о Чофи уже в Пуэбле, рассказывая Монике и Пепе о фарсе Фито с декларацией об имуществе: два ранчо, «Лас-Эспуэлас» и «Ла-Мандарина», загородный дом с садом в Матаморосе, жилой дом стоимостью в двадцать с половиной тысяч песо в Ломас-де-Чапультепеке, и еще один дом, почти такой же, за двадцать семь тысяч песо. И ни одного номерного счета ни в одном банке.

— До чего же они вульгарны! — сказала Моника. — Ты уж прости, Кати, но кого они хотят убедить в его честности? Чтобы у него не было счета в банке? Да неужели? Чофи хранит деньги под матрасом?

— Никаких счетов в Мексике, — сказала Пепе. — Твой кум просто невыносим, нас ожидает целых шесть лет беспросветной скуки. Чего еще ожидать от этого святоши и антикоммуниста; хуже него только мой муж, — добавила она и рассмеялась тем заливистым смехом, который приобрела во время свиданий на рынке Ла-Виктория.

— Знаешь, почему Фито прозвали Подоходным? — спросила Моника. — Потому что он был мелким служащим в налоговой инспекции.

Мы вновь рассмеялись. Как настоящие жительницы Пуэблы, мои подруги никогда не стеснялись начистоту высказать свое мнение. Только от них я могла услышать то, что хотела знать, и что от меня старательно скрывалось. Как же рада я была их видеть! Настолько рада, что совсем забыла о завтрашней церемонии вступления Родольфо в должность и даже не решила, что надеть.

С этим мне невольно помог определиться папа. Выйдя из дома Пепы, я отправилась его навестить. Он как раз пил кофе, заедая его сыром и чуть зачерствевшим хлебом, нарезанным тонкими ломтиками.

— Как думаешь, будет война? — спросила я. — Случится что-нибудь похуже нехватки чулок?

— Надеюсь до этого не дожить, — ответил он.

Он все еще пытался шутить в своей обычной мрачной манере, и я внезапно ощутила острую тоску оттого, что я — супруга Андреса Асенсио и кума Родольфо Кампоса, мне придется выслушивать длиннейшую речь этого убогого Фито, сочиненную им в минуты творческого вдохновения.

— Бедная девочка! — вздохнул папа, поглаживая меня по голове. — Лучше бы ты повременила с замужеством. Нашла бы себе жениха получше.

— Как хорошо, что у меня есть ты, — я потянулась, чтобы его поцеловать.

Мы начали играть и возиться, как когда-то в детстве. Я помогла ему надеть пижаму и пристроилась рядом. Так мы и лежали, пока не явилась недовольная мама и не напомнила, что уже поздно и мне пора домой. Сама она никогда не выходила из дома после пяти вечера — во всяком случае, без сопровождения мужа, так что мое поведение считала откровенно скандальным. Я встала.

— Я даже не знаю, что мне завтра надеть, — призналась я.

— Надень что-нибудь черное, — ответила Барбара, она раз вошла в комнату. — В черном ты всегда такая элегантная.

— Ладно, подберу что-нибудь, — попросила я, — а там спросим у моего ненаглядного. Мне пришлось одеться именно в черное. Потому что на рассвете папа умер.

Я не люблю говорить об этом. Думаю, вся родня сочла его предателем. Даже мама, которая свято верит, что непременно встретится с ним на небесах. Организацию похорон взяла на себя Барбара. Я так и не смогла удержаться от рыданий на похоронах, хотя супруга губернатора и не должна показывать свою скорбь на людях. Я также не помню, как прошли последние месяцы губернаторства Андреса. Когда я опомнилась, мы уже жили в Мехико.

Глава 12

Я бродила по дому, как сомнамбула, пытаюсь выдумать предлог, чтобы кого-нибудь пригласить. Я так скучала по обществу, что нуждалась даже в Андресе. Когда он на несколько дней уезжал, по своему обыкновению, я требовала, чтобы он поскорей вернулся, даже не стараясь придумать причину.

— Что с тобой происходит? — спросил он. — Да что ты все губы кривишь? Ты что, не рада меня видеть?

Мне не хватало слов, чтобы выразить свою скуку и страх, когда я просыпалась в постели одна, и как я злилась, что приходится заливаться слезами перед детьми и заниматься только их проблемами — другой компании у меня не было.

Я стала бесполезной и капризной, возненавидев те дни, когда он отсутствовал, я обдумывала меню ужинов и разъярялась, когда вечером он звонил по телефону и не появлялся. Даже не знаю, с чего вдруг меня обуяла такая тоска.

Вдобавок здесь не было моих подруг и соседок, а Барбара снова превратилась в мою сестру, живущую в Пуэбле, вместо личного секретаря и всё такое. Пабло уехал в Италию, Арисменди оказался фантазией, остался только Андрес, а он на многие дни бросал меня в одиночестве в доме на Лас-Ломас, я то и дело подходила к воротам, чтобы посмотреть, не едет ли он, и читала газеты, лишь чтобы узнать — не с Фито ли он и куда они отправились.

В доме я поддерживала прямо-таки нездоровый порядок, словно вот-вот поднимется занавес. Ни пылинки, ни соринки, ни единой полной пепельницы, ни одного ботинка или платья не на своем месте. Каждый день я красила ресницы, наряжалась, занималась гимнастикой и во всеоружии ждала его прибытия. Но он постоянно задерживался, и у меня возникало желание натянуть пижаму часов в пять, наестся печеньем с мороженым или арахисом с лимоном и чили, или всем сразу, чтобы набить брюхо и хоть на минутку ощутить прохладу между ног.

Однажды вечером, когда я уже весила на четыре кило больше, чуть меньше плакала и даже увлеклась чтением какого-то романа, явился Андрес, на лице у него было написано, что он хочет со мной спать. Я набросилась на него с претензиями, заявив, что вернусь домой, потому что ему плевать на меня и мои желания, на мои привычки и вкусы. Он развеселился, высмеяв мои толстые ляжки и всё болтал о каком-то своем деле с бог знает кем, не помню, как его зовут.

— Ну предложи хоть какую-нибудь идею! А то ты совсем потеряла интерес к моим делам. Ходишь, как во сне, — сказал он.

— Ты меня бросил, — ответила я.

— Ты меня утомила. Все ноешь и ноешь, что я тебя бросил! А если я в самом деле тебя оставляю? Вот возьму и пойду туда, где мне всегда рады. Потому что ты стала просто невыносимой. Ты бы лучше занялась каким-нибудь делом. Я, конечно, все понимаю:

главный твой союзник умер, ты больше не губернаторша и теперь никак не можешь найти себе место под солнцем. Привыкай. Все когда-нибудь кончается. Конечно, здесь ты не королева, тебя не узнают на улицах, у тебя больше нет возможности устраивать свои праздники, благотворительные концерты и ездить со мной в горы. Здесь слишком много других женщин, для которых твое мнение не является истиной в последней инстанции; более того, многие даже считают его устаревшим. Ах, бедняжка! Почему бы тебе не поговорить с Биби? Или вступи в Национальную семейную лигу. Там очень много работы. Вот как раз сейчас они ведут антикоммунистическую кампанию, и им очень нужны люди. Завтра я представлю тебя кое-кому из них.

Я хорошо понимала, что все его антикоммунистические действия имеют лишь одну цель: вставить пистон Кордере, лидеру профсоюза. Я сама слышала, как он сказал по телефону губернатору Сан-Луис-Потоси, бывшему президенту крупной компании, что только оппортунисты и спекулянты всерьез верят в коммунистическую угрозу.

— Вы и сами прекрасно это понимаете, — сказал тогда Андрес. — Но это хороший повод дать пинка Кордере. Так ему и надо! Если вы решите этим заняться, можете на меня рассчитывать. Кстати, как насчет ужина в моем доме в ваш следующий приезд в Мехико? Моя супруга будет рада вас видеть.

— И кто тот человек, которого я рада буду видеть? — спросила я, пытаюсь понять, какой ужин мне предстоит устроить и когда именно.

— Генерал Базилио Суарес, — ответил он и расхохотался.

— И почему ты решил, что я буду счастлива лицезреть этого осла? Да ты просто лжец! А тебе он зачем понадобился? Разве не ты прожужжал мне все уши, какое дерьмо этот контрреволюционер?

— До вчерашнего дня так и было, детка. А сегодня ты в последний раз назвала его ослом. Отныне для нашей семьи он станет самым разумным и мудрым человеком на свете. Можешь вообразить, он назвал действия Кордеры «социальными экспериментами, основанными на учениях дикарей». Ты же не станешь отрицать, что это просто находка!

— А мне Кордера нравится, — ответила я.

— Ты сама не понимаешь, о чем говоришь. Кордера — просто карьерист и провокатор. Все никак не перестанет кричать о классовой борьбе и власти рабочих. Генерал высказался не в бровь, а в глаз, прирожденный демагог. А сам Кордера, кстати, из богатеньких. Его папаша сдавал нам в аренду мулов, чтобы мы с братьями могли вывезти с поля зерно. До революции они владели огромным поместьем. Так что он может знать о голоде, о бедности, обо всем том, о чем теперь разливается соловьем? Да ни черта он об этом не знает, но его это и не волнует. Вот что он действительно хорошо умеет — так это лапшу на уши вешать. Да еще прибедняться: полюбите, мол, нас черненькими, беленькими нас кто угодно полюбит!

— А мне он нравится, — повторила я.

— Еще скажи, что тебе нравится его серый костюм. Ты и правда считаешь, что другого у него нет? Кругом одни тупицы. Да у этого козла еще триста таких, просто он всех надул. Лидер рабочих. Ну давай, беги к нему. Жаль, что мы бросили то дело с недвижимостью. Вот посмотришь на него на митинге. Всех обведет вокруг пальца, в особенности дур вроде тебя с этим «а мне он нравится».

— Все равно он мне нравится, — повторила я, довольная тем, что могу его позлить.

На самом деле я видела Кордеру лишь один раз — во время демонстрации, и мне

действительно понравились его выступающие скулы и широкий лоб, но у меня не было возможности с ним поговорить.

— И чем же тебе так нравится этот слизняк? Когда ты имела с ним дело? Ты сама не понимаешь, что говоришь! — выкликнул в ярости Андрес.

— Я говорю о том, что вижу, — ответила я.

— Заткнись! — рявкнул он. — Что ты видишь? Вот скажи мне, что?

— Много чего интересного.

— Не выдумывай, Каталина. Или ты просто хочешь позлить меня? Ты никак не можешь видеть больше, чем вижу я.

— Значит, ты тоже заметил, как обворожительно он смеется? — спросила я.

— Цыплят по осени считают, — ответил он. — Вот увидишь, как он будет смеяться через месяц.

На следующий день он представил меня лидерам Национальной семейной лиги. Мы приехали в большой дом в районе Санта-Мария и прошли в кабинет сеньора Вирреалья. Он сидел за письменным столом из темного дерева — поразительно тощий и уже начавший лысеть. Позднее я узнала, что его жена, напротив, была невероятно толстой, звали ее Мари-Пас, и у них было одиннадцать детей.

— Это моя супруга, адвокат, — представил меня Андрес. — Она желает сотрудничать с вами. Дорогая, — обратился он уже ко мне, — ровно в час я пришлю за тобой Хуана, а до тех пор можешь располагать своим временем, как пожелаешь.

Едва Андрес покинул кабинет, как дверь вновь открылась и вошла сеньора с жемчугами на шее и медальоном с изображением Пресвятой Девы дель Кармен. Изящная, со вкусом одетая, она слишком уж доброжелательно улыбалась, чем насторожила меня с первой минуты.

— Пойдем, — сказала она. — Я представлю тебя нашему обществу и кое-кому из сотрудниц. Меня зовут Алехандра, и я буду счастлива стать твоей наставницей, а со временем — и твоей сестрой.

Я сочла ее слишком безвкусной и последовала за ней. Дом был старым и темным, со множеством смежных комнат и дверей, служивших одновременно окнами. Обстановка здесь очень напоминала школьную — те же классы, парты, стулья и доски. Мы вошли в одну из комнат, где уже собрались несколько женщин.

— Мы готовим праздничные гостинцы для заключенных, — просветила меня наставница и новообетенная сестра, пока я раздумывала, почему пятнадцать женщин, сидящих за столами, не решаются даже поболтать между собой. Только и слышалось, как они бормочут вполголоса, укладывая в подарочные кульки гостинцы: «Три печенья с зефиром и кокосом, семь печений в виде зверюшек, две пачки сигарет «Тигр», пять зеленых мармеладных кошек».

— Доброе утро, — пропели они хором, едва мы вошли.

Алехандра как раз представляла меня всем присутствующим, когда в комнату вошла Мари-Пас, держа в руках коробку, за ее юбку цеплялись трое детей.

— Я принесла булочки, — доложила она. — Решайте сами, сколько их класть: по одной или по две. Здесь двести штук.

— А сколько всего заключенных?

— Сто пятьдесят, — ответила усатая толстуха, не прекращая складывать печенье с зефиром и кокосом. Она складывала кульки для соседки, занимающейся фигурками

животных, а та передавала следующей женщине с шестью анисовыми карамельками, толстуха с усами уже нагромодила целую кучу кульков.

— То есть либо не хватает сотни, либо пятьдесят лишних, — сказала Мари-Пас, произведя в уме нехитрые вычисления.

— Пусть пятьдесят останется, — предложила Алехандра. — Мы разделим их между охранниками и женами, идущими на свидание.

— Боюсь, что не хватит, — снова заметила толстуха с усами. — Охранников и гостей всегда больше, чем заключенных. На ее столе, заваленном сумками, уже не было места, а она все еще продолжала их наполнять. — Амалита, — сказала она, — простите за беспокойство, но, если вы не поторопитесь с вашими зверюшками, а Сеси — с карамельками, я не смогу продолжать работу.

— Ах, Иренита, простите, что мы вас задерживаем. Но вы не волнуйтесь, мы сейчас поторопимся. Если бы мы пришли раньше, то наши дома остались бы неприбранными.

— Но теперь-то мы здесь, — сказала Алехандра, хотя по ее лицу было ясно, что она не считает их ровней себе, судя по всему, они были служанками.

Позже я узнала, что ее муж владеет акциями «Железного дворца» и компании «Кока-Кола», а также бумажной фабрикой в Соноре и производством пряжи в Тласкале. Никому не пришло бы в голову, что в ее доме беспорядок, пока она занимается благотворительностью, зато она говорила с таким видом, будто раздает в этих пакетах истину.

Почти все остальные женщины выглядели небогатыми; большинство из них были женами подчиненных мужа Алехандры, бедных чиновников, а кое-кто — даже женами рабочих. Вскоре они заговорили о церковном приходе и о каком-то отце Фалито. Я поняла, что именно там они и познакомились, и все они регулярно исповедуются отцу Фалито.

Алехандра и Мари-Пас были здесь главными. Они поставили на стол коробку с булочками, посадили меня рядом с ней и велели класть по одной штуке в каждый пакет, уже и так заполненный доверху, после того как прошел через множество женских рук. Сами женщины уединились в дальнем углу и принялись шептаться. Навострив уши, я с легкостью расслышала их разговор.

— Это супруга генерала Асенсио, — сказала Алехандра.

— Будьте с ней начеку. Отец Фалито говорит, что не следует доверять этим людям, — ответила Мари-Пас.

— Фалито преувеличивает, — успокоила ее Алехандра. — Я уверена, что она хороший человек, и считаю, что мы должны дать ей шанс приобщиться к благому делу. А кроме того, Мари-Пас, нам нужны люди, имеющие вес в обществе, держащие в руках рычаги влияния. Это может оказаться полезно для заключенных, ведь женщины из благородных семейств с ними дел иметь не будут.

— Наверное, ты права, — ответила Мари Пас. — Но я ей не доверяю.

Я продолжала считать, делая вид, будто ничего не слышу.

— Одна, одна, еще одна, — повторяла я сосредоточенно, как примерная ученица.

Потом ко мне подошли толстуха Мари-Пас и три ее подхалимки.

— Что это у тебя за духи? — поинтересовалась она кокетливо. — Как приятно пахнут!

— Называются «Деньги», — ответила я. — Итак, вы собираетесь устроить пир для заключенных?

— Думаю, да. Сделаем тинга с колбасой и тушеные бобы. Меня, правда, предупреждали, чтобы не давала им мяса, но бедняжки все же могут хоть один день в году отдохнуть от того

дерьма, которым их кормит правительство. Ах, прошу прощения! Ведь твой муж...

— Точно, из правительства, — ответила я.

— Прости, мне так жаль. Представляю себе, до чего это сложная работа — обеспечивать пищей столько людей и каждый день. И ведь обеспечивает. Вполне достаточно, учитывая, что они отбывают наказание, правда?

— Не знаю, — ответила я. — И не знаю, почему вас это так беспокоит.

— Не думай, что это единственное, чем мы занимаемся. Это идея отца Фалито; он очень хороший человек, отзывчивый. Однажды он отправился в тюрьму, чтобы исповедовать умирающего, и вернулся оттуда расстроенный. Рассказал, что тюрьма заросла грязью, камеры битком набиты людьми, почти утратившими человеческий облик. Он даже плакал, вспоминая об этом. Вот тогда мы и попросили разрешения навещать этих людей, молиться за них, хотя бы иногда передавать им гостинцы. Нам казалось это правильным, и нам дали разрешение; как видишь, нынешнее правительство не настолько непримиримо к католической церкви, как предыдущее. Как раз сегодня вечером мы собираемся навестить заключенных. У нас есть для них четки, гравюры, пакеты со сладостями, а также десять нательных образков, которые отец Фалито собирается разыграть.

— Что, разыгрывать образки в лотерею?

— Нет. Их покупают, а потом просят священника, чтобы тот их освятил. Но эти десять образков Фалито хочет разыграть и освятить персонально для каждого выигравшего.

— А если они не захотят? — спросила я, то и дело оглядываясь на дверь и мечтая лишь об одном: скорее бы вернулся Хуан!

— Как это не захотят? — удивилась она. — Разумеется, захотят. Не хватало еще, чтобы они не захотели! Ведь это такая честь: сам Бог послал им такую возможность. Ты же не думаешь, что у кого-то повернется язык сказать Богу «нет»?

— Ты права, — ответила я. — Ни в коем случае не стоит говорить Богу «нет».

Тут наконец появился Хуан; очевидно, его и в самом деле послал Бог, и теперь он стоял в дверях с улыбкой сообщника.

— Что случилось, Хуан? — спросила я. — Нас уже ждут?

Уж я-то прекрасно знала, что на этот вопрос он всегда отвечает одно и то же:

— Да, сеньора, это очень срочно.

Я притворилась удивленной и поспешно распрощалась с новыми знакомыми, пообещав, что непременно буду ровно в пять часов в тюрьме «Лекумберри».

Выйдя на улицу, я с удовольствием встряхнулась и размяла ноги. Пригревало теплое февральское солнышко. Я с удовольствием сняла плащ — в доме оказалось гораздо холоднее, чем на улице. Едва я вырвалась на свободу, как жизнь показалась необычайно приятной. В голубом небе парила цапля, весело шелестели деревья.

— Отвези меня на Аламеду, Хуан, — попросила я.

Как всегда, чтобы развеяться от тоски, я купила мороженое. Хуан остановил машину, а вышла прогуляться по Аламедо. Киоск сверкал в солнечных лучах, на скамейках сидели мамочки, старики, няни, дети и влюбленные.

Я купила газету и присела на скамейку, чтобы ее почитать. Она оказалась занимательной. Делегаты на предварительном заседании съезда Союза мексиканских рабочих обвиняли дона Басилио в том, что он нагло воспользовался плодами усилий националистической и национал-синархистской партий и перехватил знамя борьбы против Родольфо. Также писали, что генерал Суарес напал в своей речи на бывшего президента

Агирре, и требовали, чтобы Фито сдержал свое обещание служить делу революции.

— Ну, началось, — хмыкнула я. — И Андрес тоже там, и я даже знаю, где именно.

Я скучала по газетам, мне хотелось знать то, что, по словам Андреса, меня не касалось. С тех пор как мы переехали в Мехико и я перестала быть супругой губернатора, он обращался со мной, как с остальными своими женщинами. Я добровольно заперлась в доме, даже не сознавая этого, но теперь стала выходить. И идиотская Национальная семейная лига довольно долго служила мне предлогом.

— Хуан, научи меня водить машину, — попросила я шофера.

— Сеньора, генерал меня убьет, — ответил он.

— Клянусь, он ничего не узнает, — пообещала я. — Только научи.

— Ну ладно.

Двадцатисемилетний Хуан был простодушным и на редкость приличным человеком. Он посадил меня на переднее сиденье, рядом с собой. И затрясся.

— Если генерал нас застукает, он меня убьет.

— Хватит уже повторять, лучше объясни, что делать.

Все утро он объяснял мне теорию вождения. Потом мы совершили добрых пятьдесят кругов по Аламедо. После этого он отвез меня домой, а сам отправился в дворец правительства за Андресом.

— Отдай мне Хуана, — попросила я Андреса за обедом. — Мне много придется ездить по делам Лиги.

— Зачем? — спросил он. — Пусть отвозит тебя и забирает, он мне и самому нужен.

— А когда ты в отъезде?

— Но сейчас-то я здесь.

— Я читала заявление делегатов съезда профсоюза, — сообщила я.

— И где ты его прочитала?

— В газете «Эль-Универсаль». Купила, когда ездила по делам. Сама не знаю, зачем я столько времени проторчала дома, но, выйдя на улицу, я почувствовала себя совершенно другой. Если не хочешь отдать мне Хуана, выдели другого шофера, или я сама могу научиться водить машину.

— Ах, ну что ты за невозможная женщина! Неужели ты не можешь хотя бы полгода провести спокойно? Кстати, как съездила в Лигу? Это принесет пользу?

Я замешкалась. Его всегда было трудно обмануть, как будто у него за каждой дверью по невидимому шпиону — Андрес вечно знал всё.

— Конечно, никакой пользы это не принесет, — ответила я наконец. — Чтобы работать в этой Лиге, мне следовало родиться сестрой милосердия и твердо знать, что именно в этом мое призвание. Но копаться в мозгах этих старых кошелок — нет уж, я еще не сошла с ума. Мне совершенно ни к чему, чтобы какой-то отец Фалито указывал, куда мне идти или ехать, и у меня достаточно дел помимо того, чтобы сидеть в ледяном доме, засовывая мармеладных котят в пакеты с гостинцами для заключенных и разыгрывать в лотерею нательные образки. Кроме того, коммунисты пока не сделали мне ничего плохого, и я не хочу наживать себе врагов. Я считаю, что если уж заниматься благотворительностью — так делать что-то более серьезное, чем вся эта дребедень. Как святой Франциск, чтобы все бедняки стояли в очереди за благословением. Я скорее помру, чем стану смотреть в рот отцу Фалито, качать детишек и молиться за заключенных.

Андрес расхохотался, а я почувствовала облегчение.

— Как там звать этого священника? Фалито? Вот бред. Ты права, одно дело, если эти придурки помогут мне поиметь Кордеру, а совсем другое — заставлять тебя этим заниматься. Туда можно было бы отправить одну из девочек. Например, Марту, она могла бы стать отличным информатором, но только не тебя. Ну надо же, ты прямо взбесилась. так ты и на меня разобидишься, — и он снова расхохотался. — Слушай, а с Фалито ты познакомилась? Как думаешь, многие тамошние дамочки видели его вблизи? Ну надо же, куда я тебя отправил. Ты заслуживаешь награды. С сегодняшнего дня будешь повсюду ездить со мной. Конец затворничеству.

Сказано — сделано. Что ни говори, а слово он умел держать. Он приезжал и уезжал, как морские приливы и отливы. Я до сих пор тоскую по этим дням.

— Я должен вернуться во дворец, — сказал он. — Тюфяк без меня шагу ступить не может. Ты поедешь со мной. Заодно погуляешь часика три, посмотришь город, что-нибудь себе купишь. А в восемь вечера, когда магазины закроются, приглашаю тебя на ужин в «Прендес». Как тебе такой план?

Я надела манто и через три минуты уже сидела в машине, нисколько не жалея о приглашении. На улице было холодно; стоял один из тех редких февральских вечеров, когда можно носить меха, не изнывая при этом от жары. Я надела лисье манто — самое красивое. Пусть кто-то скажет, что меха — это банально, но в этой лисе и сапожках я чувствовала себя голливудской кинодивой.

Мы приехали на центральную площадь и завернули за угол, к дворцу правительства. С тех пор как один смельчак пытался убить Фито, установили строжайшие меры безопасности. Все автомобили досматривали, в том числе и багажники, даже автомобиль самого Тюфяка, чтобы никто не мог выскочить из-за угла. Этим вечером солдаты проверили даже карманы моего манто. Андрес рассвирепел.

— Что за скотина этот Родольфо! — заявил он прямо перед солдатами, ничуть не смущаясь.

Когда мы наконец-то въехали, Андрес вышел из машины, дал мне целую кучу денег и сказал, чтобы я купила себе все, что пожелаю. Но в этот вечер я мечтала лишь о мороженом, и чтобы никто не мешал мне его лизать.

Глава 13

Хуан добыл ванильное мороженое и оставил меня у двери ресторана «Санборнс». Там я чувствовала себя защищенной, потому что стены покрыты изразцами. Это моя мания. Среди керамики я всегда чувствую себя в безопасности, поэтому первым делом в каждый свой дом покупала керамическую посуду — ту, что желто-голубой расцветки, сервиз на пятьдесят персон. Говорят, сейчас он стоит целое состояние, но тогда такую посуду не ценили. Все покупали баварский фарфор, а не керамику из Пуэблы — грубую и хрупкую.

Некоторое время я простояла перед дверями «Санборнс», прислонившись к стене, как шлюха, будто Андреа Пальма в фильме «Женщина в порту». Потом я пересекла улицу и прошла в Банк Мексики, направившись к идиоту в очках с толстыми стеклами, чье имя вечно забывала. Такой непроходимый тупица и такой уродливый. К тому же он занял должность приятного и сообразительного человека, который мне очень нравился — он единственный не стал надо мной смеяться, когда однажды за ужином Андрес заявил, что я расплакалась во время исполнения государственного гимна.

Я пересекла улицу, чтобы зайти в галерею Изыщных искусств. Мне нравилось это

здание, похожее на пирожное — из тех, что готовят в день первого причастия. Я вошла внутрь. Двери в театральный зал были закрыты, но из-за них отчетливо слышались звуки протяжной и жалобной мелодии.

Я толкнула дверь, и она открылась. Зал был пуст, но на сцене в полном составе расположился оркестр. Лицом к нему стоял дирижер; который резким движением внезапно оборвал музыку и стал что-то лихорадочно объяснять одному из музыкантов, водя по его нотам дирижерской палочкой; он говорил с такой страстью, словно от этого зависела жизнь. Он был не слишком высок ростом, но обладал широкими плечами и длинными руками.

Я подобралась поближе к сцене и услышала его голос:

— Еще раз, с двадцать четвертого такта, все вместе. Начали! — и стал напевать мелодию.

Музыка вновь зазвучала — странно и печально, даже как будто обреченно. Никогда прежде я не слышала ничего подобного. Я сидела, боясь пошевелиться. Я смотрела в потолок, на пустые ложи, целиком погруженная в эти звуки, которые, казалось, рождались на кончиках пальцев дирижера.

До чего же удивительны эти люди, как отличаются от тех, которых я обычно вижу. Дирижер снова прервал музыкантов, заговорил с ними, снова взмахнул руками, и опять зазвучала музыка. И тут вдруг он разъярился. Он взглянул на молодого скрипача в третьем ряду и сказал ему:

— Где вы витаете, Мартинес? Опять выбились из темпа. О чем таком важном вы думаете?

Мартинес заметил меня и ничего не ответил. Тогда дирижер обернулся — и тоже увидел меня, сидящую в первом ряду, с лисьем манто в руках, не в силах сказать ни слова.

— Кто вас сюда впустил? — сердито спросил он.

Мне ничего не оставалось, как представиться журналисткой.

— Ну надо же, кто бы мог подумать, — сказал он. — Темные глаза, белая кожа. Подождите там, в задних рядах, и не двигайтесь, чтобы нас не отвлекать.

Я поднялась и медленно зашагала по проходу.

— Готово? — поинтересовался он со сцены.

— Да, — ответила я и потупила взгляд. Когда снова раздалась музыка, я медленно поднялась и на цыпочках направилась к двери. Толкнула ее и выбежала на лестницу. Через секунду я была уже снаружи, села на скамейку на улице Аламеда и попыталась напеть ту мелодию, которую только что слышала, но ничего не получилось. Вместо этого я расплакалась, сама не знаю почему. Мне показалось, что я начинаю стареть и унаследовала мамин дар предвидения.

— Он очарователен, — произнесла я.

Когда меня разыскал Хуан, было уже довольно поздно.

— Генерал уже давно ждет у дверей дворца правительства и велел вас привезти, — сказал он.

— Где ты была, детка? — как ни в чем не бывало поинтересовался Андрес.

— Ходила прогуляться.

— Небось обошла все магазины. И что же ты купила?

— Ничего.

— Ничего? Тогда чем ты занималась?

— Слушала музыку, — ответила я.

— Наверное нашла на Аламеде группу барабанщиков. Почему ты такая безвкусная, Каталина?

— Я ходила в галерею Изящных искусств. Там была репетиция симфонии.

— Полагаю, ты виделась с Карлосом Вивесом? Он дирижер.

— Ты с ним знаком? — спросила я.

— Уж конечно знаком. Самый придурковатый из моих знакомых. Его отец был генералом, а он какой-то странный, решил заняться музыкой. Только что вернулся из Лондона с идеей о том, что нашему селу просто необходим Национальный симфонический оркестр, и убедил Фито. Ну кто ж не убедит Тюфяка?

— Поедем ужинать? — спросила я, голос словно мне не принадлежал. Будто кто-то другой вместо меня говорил и двигался.

Мы приехали в «Прендес». Я оставила манто в гардеробе. Андрес снял фуражку и вошел, как в столовую собственного дома.

— Тот же столик, генерал? — спросил метрдотель.

— Тот же, мэтр, — ответил Андрес.

Никогда не понимала, почему Андресу так нравится это место, оно было воистину ужасным. Выглядело как монастырская столовая. Кормили хорошо, но не настолько, чтобы есть в помещении без окон. Тем более каждый день, как Андрес.

Мне принесли морских гребешков, а ему — черепаховый суп, и я быстро начала есть, пока он говорил:

— Я такую речь написал для Родольфо. Кордера и не найдет, что ответить. Он вечно болтает про демократию, когда лезет со своей чепухой, вот я и вставил для Фито, что демократия — это один из видов классовой борьбы против законов и свобод. А раз законы — это мы, вот он и бесится. Ты погляди, кто пришел.

Я проглотила последний гребешок и подняла взгляд, чтобы посмотреть на нового гостя. К нам с сияющей улыбкой приближался дирижер оркестра в светло-синем костюме. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Я по-прежнему жду интервью, сеньора, — сказал он, поздоровавшись. А потом пожал руку Андресу и сел.

— Как дела? — спросил Андрес. — Каталина рассказала, что слушала тебя сегодня днем. Почему ты ее впустил?

— Она меня обманула.

— И что же она тебе сказала?

— Что журналистка и хочет взять у меня интервью.

— Вот врушка. А почему ты просто не сказала, что тебе хочется войти? — спросил Андрес, как веселый папаша.

— Испугалась.

— Испугалась его? Да он же просто щенок, года на два старше тебя. Во время войны ему было двенадцать. Он жил с матерью в Морелии, а его отец, мой начальник, во время перемирий приглашал меня к себе домой. Мы постоянно натыкались на мальчишку, играющего на дудочке.

— Вы так хорошо всё помните, генерал.

— Раньше ты говорил по-другому.

— Раньше и вы были другим.

— Тогда я только начинал, как ты сейчас. Но не так быстро. Конечно, на войне и в

политике наживешь больше врагов, чем занимаясь музыкой. Почему ты занялся музыкой? — спросил Андрес. — Из тебя бы вышел политик. Как из твоего отца.

— Не все бывают похожи на отцов.

— Это ты из гордости говоришь?

— Наоборот, генерал. Но каждый ведет свою войну.

— Ты воюешь? До чего ж странный парень. Твой отец был прав.

Они стали говорить о прошлом, о том как дирижер в детстве украл пули из патронташа Андреса, бросил их в кастрюлю и встряхнул, чтобы услышать звон, о том как Андрес с отцом мальчика водили его смотреть на повешенных, он стоял под виселицей, и его заставляли глядеть на пунцовые лица и высунутые языки.

— И ты не испугался? — ужаснулась я.

— Еще как, но не собирался этого показывать двум мерзавцам — моему отцу и твоему мужу.

Я уже не могла запихнуть в себя ни рыбу, ни пирожное. Попросила принести коньяк и выпила его в два глотка.

— Да что с тобой такое? — спросил Андрес. — С каких это пор ты пьешь крепкие напитки?

— По-моему, у меня начинается грипп, — ответила я.

— Моя жена слегка не в себе, правда?

— А мне она кажется милой, — ответил Вивес.

Потом они снова разговорились. О различиях между музыкой и быками. О том, как отец Карлоса любил моего мужа и как спорил с сыном, который разочаровал его, упорно стремясь стать музыкантом, а не военным.

— Твой отец был прав, — заключил Андрес.

— До свидания, генерал, — сказал Карлос. — До свидания, любознательная, — он подмигнул мне и похлопал по лежащей на столе руке.

— До свидания, — произнесла я, залпом опустошила еще одну порцию коньяка, после чего весь вечер улыбалась.

Когда мы вышли на улицу, над головами сияла круглая желтая луна. У порога сидел слепой и играл на трубе, словно было пять вечера, а не три утра.

Глава 14

Я всегда считала, что для спокойной жизни мне нужно только, чтобы Андрес все время был рядом. Но когда на следующее утро он заявил, что перенесет свое рабочее место в нашу библиотеку, мне захотелось, чтобы он провалился куда подальше. Библиотека напоминала старый шкаф, в котором негде было повернуться. Не говоря уж о том, что в доме теперь не было ни минуты покоя. К тому же Андрес стал очень уж ласковым. Теперь он желал заниматься любовью каждое утро и повсюду брал меня с собой. Он придумал сделать меня своим личным секретарем, и теперь я должна была ходить вместе с ним на все совещания, на которых обсуждалось, как бы посерьезнее нагадить профсоюзу и Кордере, а также на все деловые встречи. Даже в сортир он теперь без меня не ходил.

А еще два дня назад я чувствовала себя счастливой. Теперь он не только всегда находился рядом, но и приглашал меня на все мероприятия, которые раньше были под запретом: собрания и совещания за закрытыми дверями, утомительные разговоры, где я и половины не понимала. Теперь мне везде приходилось присутствовать, везде спрашивали

моего мнения, лишь бы я больше не поднималась по ступеням галереи Изыщных искусств, где влюбилась в другого.

Я изменила мужу задолго до того, как дотронулась до Карлоса Вивеса. Я не находила себе места, когда рядом не было его. Андреса я никогда так не любила, никогда целыми часами не вспоминала его руки, не желала каждой клеточкой тела наконец-то его увидеть. Я стыдилась того, что чувствую такое к мужчине, что могу быть такой счастливой или несчастной не по своей воле. Я стала невыносимой, но при этом более снисходительной к Андресу. Никогда я не выполняла с такой охотой все его желания, как в те дни, никогда так отчетливо не осознавала, насколько всё, что он делает, бесполезно, глупо и отвратительно. Потому что всё, к чему я стремилась, всё, чего хотела и любила — был только Карлос Вивес после полудня.

Однажды за завтраком Андрес заметил, что волосы мои отросли и блестят, и вообще, у меня самые красивые волосы, какие он только видел за много лет. Еще он сказал, что мои ступни изящнее, чем у любой японки, зубы белее, чем у детей, а таких красивых губ, как у меня, нет ни у одной актрисы. Я же как никогда прежде ненавидела свои бедра, губы, ресницы; никогда прежде я не казалась себе столь глупой, порочной и безобразной.

Все утро я провела в мыслях о своем уродстве, а генерал тем временем рассуждал о создании новой группы депутатов под названием «Обновление», а также о том, как он собирается отыметь одного и надрать задницу другому. Я же мечтала лишь об одном: чтобы поскорее наступил вечер.

Он собирался во дворец правительства; из дома мы вышли вместе.

— Ну, теперь-то ты пойдешь по магазинам? — спросил он, выходя из машины.

— Наверное, — ответила я.

А тем временем попросила Хуана отвезти меня в галерею Изыщных искусств. Когда мы прибыли, я выпрыгнула из машины.

— В котором часу мне вернуться, сеньора?

— Вообще не возвращайся.

Он спросил, словно не услышал:

— В восемь часов вас устроит?

Я бегом поднялась по лестнице. Музыки не было слышно. Его наверняка здесь нет.

Я толкнула дверь.

— Все вместе с восемнадцатого такта, — раздался его голос.

Зазвучала музыка. Я по-кошачьи проскользнула в зал. Села сзади, положила ладони на колени и неосознанно стала тереть руками юбку вверх-вниз. Я рассматривала его издали. И снова он взмахнул руками и скомандовал:

— Держите мелодию, Мартинес. Маркело, смелее! Уже лучше. Добрый вечер, сеньора, рад вас видеть, — крикнул он. — Ну, вот вам и публика! Вот только мы будем вам очень признательны, если вы перестанете шелестеть юбкой, сеньора.

Я вдруг почувствовала, что схожу с ума, однако так и не вышла из зала. Мне нравилось наблюдать за ним издали. Я не смогла бы описать его, но я помню так же отчетливо, как море и ночь в Пунта-Альене.

Я наблюдала за ним из ложи бельэтажа. Мне нравилось смотреть, как взлетают и падают его руки, как музыканты подчиняются каждому его жесту, даже не задумываясь над тем, правильно ли он дирижирует. Это было совершенно неважно. Он царил над оркестром, принимая это как естественное положение вещей. Он ходил по залу, порой останавливаясь

возле кого-то из музыкантов; я сидела, навалившись всем телом на перила кровати, положив голову на руки, следуя взглядом за каждым движением его рук.

Было уже восемь часов, а музыка все не кончалась. Я понимала, что Хуан уже ждет у дверей, и Андрес сходит с ума от ярости, но никак не могла заставить себя подняться с красного бархатного кресла, пока Карлос не опустил руки.

— Лучше, господа, гораздо лучше. Увидимся завтра. Всем спасибо.

Он сошел с подиума и скрылся со сцены в боковой двери. Я задумалась, куда он отправился, когда он появился прямо передо мной.

— Кто кого угощает мороженым?

— Я тебя, — заявила я.

— Это тебе нравится мороженое, а я предпочитаю виски.

— Откуда ты знаешь, что я люблю мороженое?

— Разве ты не ешь мороженое, когда нервничаешь?

— Да, но сейчас я вовсе не нервничаю. Так кто тебе сказал?

— Мои шпионы. А еще они сказали, что вчера тебе хотелось выйти из машины и прийти ко мне в отель.

— Тебе наврали. Кто я, по-твоему?

— Женщина, которая замужем за безумцем на двадцать лет старше и обращающимся с ней как с подростком. Давай спустимся по лестнице.

Хуан ждал у входа, бледный, как непропеченный хлеб.

— Сеньора, генерал нас убьет, — сказал он, открывая дверь машины.

— Скажи ему, что мы пойдем пешком, но не задержимся, — велел Карлос.

— Нет, — возразил Хуан. — Без сеньоры я не вернусь.

— Значит, останься здесь, потому что мы пойдем пешком.

Он взял меня под руку, и мы перешли через улицу в сторону Мадеро.

— Мне нравится это здание, — сказала я, когда мы проходили мимо ресторана «Санборнс» в доме с изразцами.

— Я не смогу его тебе купить. Почему ты не попросишь у своего генерала?

— Иди к черту, — ответила я.

— Как прикажете, — сказал он, толкая дверь ресторана «Санборнс». Он вошел внутрь как раз в ту секунду, когда нас догнал Хуан и ткнул мне в бок пистолетом.

— Простите, сеньора, но у меня семья, так что вы едете со мной к генералу.

— Ладно, Хуан, тогда поехали, — сказала я и села в машину. Мы забрали Андреса, как раз когда он прощался с какими-то типами у дверей дворца.

— Привет, принцесса. Ты довольна? — спросил он.

Я не привыкла к его новому тону и чувствовала себя идиоткой.

— Я встречалась с Вивесом, — заявила я, словно раздевшись догола.

— Чудесно. И где ты с ним рассталась? Почему не пригласила поужинать с нами?

— Я послала его к черту.

— Что он натворил?

— Обращался со мной, как с дурочкой. Сказал, что если мне нравится здание ресторана «Санборнс», я могу попросить тебя его купить.

— А тебе нравится здание «Санборнс»?

— Оно покрыто изразцами, — ответила я, и мы пошли ужинать, обнявшись.

На следующий день у нас обедал генерал Басилио Суарес. Я специально подала соус

моле, потому что знала, как он его ненавидит.

Генерал Суарес был прост, как мясо с лепешкой. Его заботили только деньги, и это объединяло его с Андресом. Они вместе подыскивали контракты на строительство дорог, но не выполняли их, потому что министром транспорта был некий Хесус Гарса, которого они ненавидели за то, что тот поддерживал Агирре, ненависть, разумеется, была взаимной. Они стали придумывать, как дискредитировать Гарсу, и не особо изобретательный Суарес предложил:

— Думаю, нужно объявить его коммунистом. Это ведь не вранье, он и правда коммунист. А мы совершали революцию не для того, чтобы явились русские и отняли ее.

— Вы правы, генерал. Сегодня же поговорю с людьми из Национальной семейной лиги, чтобы вплели в свои выступления против Кордеры и кое-какие штришки и против других. Пора их назвать. Когда однажды мы лишим Кордеру его профсоюза, то отдадим его Альфонсо Мальдонадо, он звезд с неба не хватает, и начнем потихоньку готовить почву, чтобы избавиться от этих двух заноз в заднице, которые достались нам в наследство от Агирре.

Я уже собралась что-нибудь возразить, как вошел Вивес.

— Ты опоздал, — сказал Андрес. — Мы разговариваем о политике. Тебя это не раздражает?

— Раздражает, но я потерплю. Я знаю, что в этом доме только о политике и говорят, и принял приглашение на обед.

— Мы условились на два, а сейчас полчетвертого, — напомнил Андрес.

— Ты его пригласил? — спросила я.

— Я не сказал тебе раньше, потому что хотел сделать сюрприз, — ответил Андрес.

— И тебе удалось. Лусина, принеси еще один прибор для сеньора, — велела я тоном хозяйки дома и указала Вивесу на место рядом с генералом Суаресом. Андрес сидел во главе стола, я — слева от него, а генерал — справа.

— Предпочитаю сесть с другой стороны, если генерал не обидится, — сказал Вивес, глядя на Суареса.

— Сын генерала Вивеса не может обидеть, — заявил Суарес. — В особенности тем, что предпочел сесть рядом с прекрасной дамой, а не со стареющим бывшим президентом.

— Сядь уже и не перебивай, — велел Андрес.

— Прости, Чинти, слушаюсь и повинуюсь.

— Как ты его назвал? — засмеялась я.

— Не отвечай, а то она станет невыносимой.

— Конечно же, не стану, генерал. К тому же мы с вашей женой не разговариваем. Вчера она бросила меня посреди улицы, не дав и слова сказать.

— Ты вывел ее из себя, а она очень чувствительная, — сказал Андрес.

— Может, просто поедим? — предложила я и спросила Суареса: — Положить вам еще фасоли или перейдем к десерту? Хотя придется немного подождать Вивеса, прежде чем перейти к десерту.

— Если дело во мне, то можете сразу подавать десерт, — заявил Вивес. — Предпочитаю воздержаться от моле.

— Ну и знакомые у тебя, Андрес. Этот музыкант не только пронырлив, но и привередлив.

— Чего ж я могу поделать? Он же сын того единственного мерзавца, который вызывал у

меня уважение. Я не могу приказать его убить лишь оттого, что ему не нравится твоя стряпня.

— Да пусть хоть с голоду умрет, мне-то что? — бросила я. — А вам что положить, генерал?

— Мне — кусок яблочного пирога и козьего сыра, — ответил Карлос. — Сто лет не ел козьего сыра.

— Бедняжка, — сказал Андрес. — Мы и забыли, что ты сам отправил себя в изгнание.

— Бывает и хуже — некоторые не могут вернуться из изгнания, — заметил Суарес.

— Это вы про президента Хименеса?

— Про кого же еще? — удивился Суарес.

— А я считаю, Хименес скоро вернется, — заявил Андрес. — Мне даже не хватает этого ублюдка — у него есть яйца.

— Яйца у него останутся, только если запрется в своем доме и будет держать язык за зубами, — сказал Карлос, намазывая сыр на хлеб.

— Думаешь? — спросил его Андрес с уважением, которое редко звучало в его тоне, когда он говорил о политике, тем более с новичками.

— Уверяю тебя, Чинти, — ответил Карлос. — Уж поверь моему чутью.

И стал напевать «Лодку из Гуаймаса», чем вызвал у Андреса приступ смеха.

— За тебя, Вивес, за встречу, — произнес Андрес. — За вас, генерал Суарес, почувствуйте себя как дома.

На пороге появился горбатый коротышка с огромной папкой и кипой бумаг.

— С вашего позволения, генерал, — сказал Андрес, приглашая гостя войти. — Мы вас ждали. Проходите. Вот сюда. Нет, лучше сюда, между сеньорой и сеньором, — он махнул на меня и Вивеса. Читайте, прошу вас.

Гость втиснулся между нами, открыл папку и начал читать:

— Первого марта 1941 года принадлежащая господину такому-то собственность...

Короче говоря, Андрес купил мне ресторан «Санборнс» в доме с изразцами.

— Просто подпишитесь вот здесь, сеньора, — велел мужчина и протянул ручку. Андрес смотрел на него, развеселившись.

— И как ты заставил продать этот дом? — спросил Карлос.

— Его продали моей жене. Это она покупательница.

— Твоя жена самостоятельно и жвачку не купит.

— Всё мое имущество принадлежит ей, — ответил Андрес.

— Тогда она, наверное, миллионерша.

— Ничего такого, чего она бы не заслужила. Подпиши, Катин, и делай со своим «Санборнсом», что хочешь.

— Теперь я туда не зайду даже кофе выпить, — заявил Карлос.

— Не будь таким грубияном, Вивес. Тебе-то какая разница, кто там хозяин? Место ведь хорошее.

— Было. А теперь его купили на незнамо чьи деньги.

— Не твоего ума дело, где я взял деньги. По-твоему, откуда англичане берут деньги, чтобы выплачивать тебе гонорары? Или ты осмелишься утверждать, что это абсолютно чистые деньги? Все деньги одинаковые. Я беру деньги отовсюду, где только возможно, потому что если их не возьму я, возьмет какой-нибудь хмырь. Если бы я не купил это здание в подарок Каталине, его купил бы Эспиноса для своей Ольгиты или Пеньяфьель для Лурдес.

Здание пять раз перезаложено, хозяйка в любом случае его потеряла бы. Так лучше его куплю я, чем банк отнимет его за долги; лучше уж я подарю этот дом жене и сделаю ее счастливой. Она же вся сияет от счастья; за все десять лет я не видел ее такой счастливой; а ты влез с кислой мордой и все испортил!

Меня удивило, что Андрес снизошел до объяснений, так терпеливо отнесся к тому, что Карлос усомнился в его честности, даже признал, что деньги и в самом деле достались ему не вполне честным путем. Почему он не наорал на Карлоса? Кто знает? Я никогда не понимала, что происходит между ними.

— Давайте же, сеньора, — сказал Вивес. — Подпишите.

Я взяла ручку и написала свое имя, как всегда делала с тех пор, как вышла замуж за Андреса.

— Вот и исполнился ваш каприз, — подвел итоги Карлос. — И что теперь? Пойдете спать в здание с изразцами? Чувствуете себя хозяйкой этого дома? Только имейте в виду, что едва ли найдется в этом городе человек, который не чувствовал бы себя его хозяином. И пусть у вас есть документы, но пока есть в городе хоть один человек, который пожелает туда войти, сесть за столик и заказать кофе, дом с изразцами принадлежит всем.

— Рада, если это так, — ответила я.

— Ну разумеется, приятно быть этакой благодетельницей, которой все любят, которую все любят. Как же этой женщине хочется, чтобы все ее любили!

Глава 15

Конечно, я хотела, чтобы меня любили. Я всю жизнь хотела, чтобы меня любили. А в вечер концерта — как никогда прежде.

Когда мы приехали, зал Галереи Изыщных искусств был уже полон. Родольфо и Чофи шли впереди, отвечая на вопросы журналистов, которые так и вились вокруг. Мы подошли к президентской ложе, расположенной в центре зала. Все взгляды были прикованы к ней.

В соседних ложах расположились министры и их семьи. В партере сидели почетные гости и люди того сорта, которые издали кажутся совершенно счастливыми, сама не знаю почему.

Именно там, внизу, я сидела, когда впервые увидела Карлоса. Там я была бы ближе к нему, и он мог бы меня видеть.

Со сцены доносились звуки настраиваемых инструментов. Музыканты были в черных костюмах, начищенных до блеска ботинках, с гладко зачесанными волосами. Как они были не похожи на себя прежних, какими я увидела их впервые — растрепанными, в разноцветных рубахах, старых ботинках и лоснящихся брюках. Теперь же, такие ухоженные, но совершенно одинаковые, они казались фальшивыми. Ведь на самом деле они были столь же разными, как их инструменты. Наконец, появился Карлос — во фраке и галстук-бабочке, с безупречно уложенными волосами и дирижерской палочкой в руке. Под гром аплодисментов он направился к пульту, затем повернулся лицом к залу и поклонился публике.

— Ну какой же клоун этот Вивес, — сказал Андрес.

Меня он растрогал. Мы сели, Карлос взмахнул руками, и полилась музыка.

Когда закончилось первое отделение, весь театр взорвался аплодисментами. Казалось, зал рукоплещет самому Богу. Я же застыла, глядя себе под ноги.

— Что с тобой происходит, Катин? — спросил Андрес. — Или тебе не нравится?

Почему у тебя такое лицо, словно ты вот-вот родишь?

— Конечно, мне нравится, — сказала я. — Вивес действительно хорош.

— С чего ты взяла, что он хорош? Я вот, например, и понятия не имею. Я впервые присутствую на таком концерте. Мне всё это кажется слишком наигранным. От уличных музыкантов хотя бы не клонит в сон.

Мы вышли из ложи, чтобы выпить по бокалу вина и поговорить. Чофи прямо-таки сияла, гордая открытием, которое сделал ее муж.

— Он настоящий гений, — говорила она женам министров, сгрудившимся вокруг нее, как цыплята вокруг наседки. На ней был один из тех ужасных меховых палантинов, украшенных лисьими головами. Из-за него ее плечи казались слишком узкими, руки — короткими, а грудь — прямо-таки необъятной. Пока она на все лады расхваливала Вивеса, лисьи головы елозили по ее соскам.

От эйфории она покраснелась. Тогда она раскрыла веер и принялась гонять ветер над своими мехами. Как будто нельзя их просто снять. Остальные женщины восхищенно закивали.

— Бесподобно! — воскликнула супруга министра внутренних дел.

— Просто грандиозно! Надеюсь, вы все со мной согласитесь, — ответила супруга министра финансов, залившись смехом. — Это та качественная музыка, которой нам всем недостает.

Остальные рассмеялись вместе с ней.

— Но эта музыка воистину великая, — закатив глаза, заявила жена министра иностранных дел. Дочь одного чиновника из прежнего правительства, сохранившего свою власть, в вопросах мировой культуры она всегда смотрела на нас, как на новичков. Ведь у нее-то отец был послом, и «всё детство она провела во Франции».

— Да, это великая музыка! — заявила Чофи, сжимая в объятиях своих лис.

К счастью, антракт наконец закончился. Просто ума не приложу, как министры Родольфо могли жениться на этих глупых курицах.

Второе отделение концерта было грустным-прегрустным и длинным-предлинным, казалось, что музыка вот-вот закончится, но когда наконец наступил финал, он выглядел будто проклятье. Та музыка, что заставляла меня подниматься по ступеням, что звучала у меня в голове, которую я не могла напеть, потому что боялась.

Первые двадцать минут Андрес отчаянно боролся с дремотой, потом начал о чем-то шептаться с Фито.

А я неотрывно смотрела на Карлоса — на его спину, взлетающие и падающие руки, на его ноги. Я смотрела на него так, словно он сам был музыкой, словно я не болтала и шутила с ним на глазах у Андреса во время обеда. Теперь это был совсем другой человек, не похожий на всех нас, словно явившийся из другого мира.

— Этому сеньору Малеру явно нужна женщина, — прошептал Андрес, наклоняясь к моей шее.

Несколько раз кто-то пытался зааплодировать, посчитав, что грохот ударных предвещает финал, но музыка начиналась снова, затихая так, что ее почти не было слышно, оставался лишь шепот, к которому чуть позже присоединялась скрипка, затем виолончель, а потом и остальные инструменты, оглушая публику. Поэтому, когда и в самом деле наступил финал, лишь я, прослушавшая симфонию много раз, знала, что пора аплодировать, и захлопала в одиночестве.

Я прервала разговор Андреса и Фито, а Чофи, клевавшая носом, встрепенулась. Они захлопали, а вместе с ними и вся публика.

Карлос опустил руки и замер перед оркестром; затем повернулся лицом к залу, и я наконец смогла увидеть его лицо с упавшей на лоб челкой, почти закрывавшей глаза. Он поклонился, сошел с подиума и исчез за кулисами.

Пока все аплодировали, мне так хотелось услышать его слова: «Кто кого угощает мороженым?». Он снова появился, указал жестом на оркестр и поклонился, согнувшись почти пополам.

Он действительно великолепен, думала я. Эти глупые курицы правы. И это они еще не разговаривали с ним, не гуляли с ним по Мадеро, и он не оскорблял их посреди улицы.

Я продолжала аплодировать, как и все остальные, как вопил Андрес 15 сентября, в День независимости.

— Всё-таки генерал Вивес произвел на свет нечто стоящее. У этого парня есть задатки политика, иначе он не сорвал бы такие аплодисменты. Вы только поглядите, похоже, это было главное выступление в его жизни. Теперь он больше тебе не принадлежит, — сказал он Фито, покотившись от хохота.

— Вивес, Вивес, Вивес, — выкрикивала публика, а музыканты аплодировали или постукивали смычками по пюпитрам.

Из боковой двери вышел Вивес, опять идеально причесанный.

И снова при его появлении аплодисменты стали громче. Он взошла на дирижерский подиум, поднял руки, чтобы музыканты встали, и повернулся к нам, снова поклонившись, так что его голова чуть не коснулась пола.

— Он точно станет хорошим политиком, — сказал Андрес. — Превосходный актер. Как жаль, что мы не можем использовать такой же подиум, это произвело бы эффект. Ты что, так не считаешь, Тюфяк? — спросил он Фито. Ты только погляди на женщин, они словно обезумели. Если пообещаешь дать женщинам право голоса, я, пожалуй, попробую порепетировать с этим подиумом. В парламенте как раз лежит проект закона, который никогда бы не подписал Агирре. Уверяю тебя, они проголосуют, а если я буду выступать с такого подиума, то стану президентом, и никто и слова не скажет, что это дурной тон, поскольку я твой кум. А как меня выдвинут, на следующий же день назначу Вивеса председателем партии, и пусть катается по всей стране со своим оркестром. Как тебе это, Катин?

Вивес скрылся и вновь появился уже в пятый раз, оркестр садился и вставал, но публика не переставала аплодировать. В особенности женщины. Дамы в соседних ложах, приятельницы Чофи, хлопали так, словно были его любовницами.

— Нам пора, — сказала я Андресу. — Поздравим его за ужином, а сейчас — это уже чересчур.

— И я о том же, он же не тореро. А выглядит так, будто только что рисковал жизнью, — отозвался Андрес.

— Не уходите, — попросил Родольфо, совершенно не умеющий приказывать. — Я не могу вести себя так грубо.

— Ты — может быть, зато мы — очень даже можем, — ответила я.

— Но вы же наши родственники, — напомнила Чофи, которая всегда относилась к родственным отношениям со всей серьезностью.

Тем временем Вивес вернулся на сцену почти бегом, поднялся на подиум и головой и

руками одновременно подал знак оркестру, не обращая внимания на аплодисменты. Словно сказал им: «А теперь все одновременно, с двадцать четвертого такта». Только теперь мелодия была из тех, что я могла напевать, как будто ее заказал мой папа. Даже не знаю, сколько раз по утрам я ее слышала, иногда он останавливалась в дверях спальни и насвистывал эту мелодию, пока мы не высовывали головы из-под простыней, проклиная солнце и отца, вечно встававшего спозаранку.

Но папы здесь не было, он не мог мне спеть, и мне некому было пожаловаться по совершенные ошибки, не у кого спросить, что делать с тем желанием, которое начинало во мне разгораться.

Оркестр превратился в насвистывающего по утрам папу, я так остро почувствовала его отсутствие, будто что-то вселило в меня уверенность — его слова и обьятия исчезли навсегда, не осталось ничего, кроме воспоминаний, лишь упрямая ностальгия, и я разрыдалась, всхлипывая так громко, что чуть не заглушила оркестр.

Я сползла с кресла на пол, чтобы никто не заметил, как я оскандалилась. Андрес, который никогда не знал, как поступать в таких случаях, положил руку мне на голову и погладил, как кошку. В результате, когда оркестр закончил играть, мои слезы высохли, но веки припухли, а прическа пришла в беспорядок.

— Вот черт! — ругнулся Андрес. — В недобрый час я сказал Вивесу, что ты не слышала никакой другой музыки, кроме той, которую твой папаша мурлыкал себе под нос.

Зрители аплодировали стоя; они хлопали и кричали, кричали и хлопали, как будто и в самом деле находились на арене для боя быков. Я сидела на полу. Сквозь бронзовые перила ложи я видела улыбку Карлоса, видела, как он вскинул голову, когда стихла последняя нота. Так иногда смеялся папа. Я перестала плакать.

Публика продолжала аплодировать, но Вивес больше не показывался. Тут под звуки государственного гимна начали спускать флаг, как всегда делали, когда Родольфо появлялся и покидал любое место, я бегом бросилась из ложи в уборную, чтобы привести себя в порядок.

Прием состоялся в «Лос-Пинос» [13], в зале с деревянными панелями и огромными люстрами. Карлос уже был там, когда мы вошли под звуки государственного гимна вместе с Родольфо и Чофи.

— Великолепно, Вивес, — сказал Фито, пожимая ему руку.

— Маэстро, у меня нет слов, — заохала Чофи, поглаживая свои меха.

— Вивес, у тебя прирожденный талант политика. Не трать его понапрасну, — заявил Андрес.

— Спасибо, — сказала я.

— Вам спасибо, — широко улыбнулся он.

Меня била дрожь, со мной творилось что-то ужасное. Мне казалось, что все на свете это заметили.

Я взяла Андреса под руку и сказала, что мы уходим.

— Но мы же только что пришли. Еще даже не ужинали. Я умираю с голода, а ты разве нет? К тому же пришел Пончо Пенья, а мне срочно нужно с ним переговорить, — ответил он и оставил меня посреди зала и в метре от Вивеса и его поклонников. Они полностью им овладели. Даже Кордера подошел его поприветствовать. Вивес обнял его и через плечо заметил, как я молча на него уставилась. Он взял Кордеру под руку и направился с ним в мою сторону.

— Вы знакомы? — спросил он и не дал времени ответить.

— Очень приятно, — разом выпалили мы, предпочитая забыть, откуда друг друга знаем.

— Почему бы нам не пройти в сад? Тут слишком много народу, — предложил Карлос.

Он взял меня за руку и быстро повел к двери. Кордера пошел с нами. Проходя мимо Андреса, Карлос бросил ему:

— Выведу твою жену на воздух, мы здесь задыхаемся.

— Правильно, а то у нее уже и глаза слипаются, вот-вот уснет, — ответил Андрес. — Спокойной ночи, Альваро, — добавил он, увидев, кто нас сопровождает, и притянул меня к себе. — Последи за ними, послушай, о чем они говорят, — шепнул он мне на ухо, прежде, чем поцеловать. — Только недолго, — сказал он вслух, подмигивая Карлосу.

— Как твои дела в Конгрессе? — спросила я у Кордеры, когда мы остались вдвоем среди деревьев сада.

— Замечательно, — ответил Кордера, глядя на меня.

— Ты намерен вновь баллотироваться? — спросил Вивес.

— Это зависит не от меня, — ответил он. — Все решает ассамблея.

— Да, но кто решает за ассамблею? Только не говори, что решение ассамблеи зависит от кого-то другого.

— Почему же? Это действительно так.

— Не притворяйся, братишка.

— Что ты хочешь от меня услышать? — развел руками Кордера.

Мы прошли к центру сада. Карлос обнял меня за талию и, прежде чем я успела ответить, притянул к себе.

— Сеньора тоже знает, что ее муж — позор страны. Не позволяй ему вмешиваться, он хочет тебя надуть, это очевидно, но ты ему помешаешь. Если тебя переизберут и ты сможешь мобилизовать рабочих, как делал уже шесть лет, то и президентом сможешь стать.

— Асенсио уже вмешался. Мы с депутатами парламента дали ему бой, но кто, по твоему, написал речь для президента, с которой он выступал утром? Кто, по твоему, заявил, что нельзя повторить один и тот же путь? И всё для того, чтобы сказать, будто его политика не отличается от политики президента Агирре, но при этом призвать пролетариат пересмотреть методы борьбы и заняться самокритикой. Пересмотреть методы — это значит пересмотреть руководство и их позиции. Нас хотят поиметь, хотят заткнуть нам рты. Это самое отвратительно соглашательство. Они присоединились к Суаресу, который занимается политикой ради прибыли.

— Но ты собирался предъявить им иск — так как же? Или ты уже передумал?

— Нет, не передумал, но это слишком сложный вопрос. Давай поговорим об этом завтра? — предложил он, подозрительно поглядев на меня.

— Ты боишься смерти? Не бойся.

— Я не боюсь смерти, но и умирать не хочу. К тому же это от меня не зависит. Завтра увидимся. Прощайте, сеньора, спасибо за то, что сохраните этот разговор в тайне.

— С чего вы взяли, что я сохраню его в тайне?

— Просто знаю, — ответил он и пошел в другую сторону.

— Что за страна! — воскликнул Карлос. — Одни боятся, а другие скучают. Ты боишься?

— Я скучала, — ответила я.

— А сейчас уже нет?

— Сейчас уже нет.

— Что собираешься делать? — спросил он.

— Когда именно?

— Сейчас.

— Все, что захочешь ты. А ты что собираешься делать?

— Трахаться.

— Со мной?

— Нет, с Чофи.

Когда я проснулась, Карлос спал рядом, губы у него припухли.

Квартира состояла из гостиной, половину которой занимал рояль, похожей на шкаф кухни и спальни с фотографиями на стенах и большим окном с видом на Галерею Изысканных искусств. Мне хотелось остаться. Карлос открыл глаза и улыбнулся.

— И куда мы поедem? — прошептала я ему на ухо, словно кто-то мог услышать.

— На море, — ответил он в полусне.

— Тогда поехали.

— Который час? — спросил он, зевая и потягиваясь.

— Не знаю, — ответила я. — Почему мы не можем умереть вместе — прямо сейчас?

— Потому что у меня еще много дел. Я еще никогда не дирижировал Венским оркестром.

— Возьмешь меня с собой в Вену?

— Конечно. Когда меня пригласят.

— Значит, пока еще не приглашают?

— Нужно дождаться окончания войны и стать лучшим дирижером.

— Тогда ты меня уже не будешь любить.

— Я люблю тебя сейчас, — сказал он и стал меня целовать. Потом протянул надо мной руку, пытаюсь дотянуться до часов на тумбочке с моей стороны. — Четыре часа. Думаю, мы и правда сегодня умрем. Хуан наверняка забыл.

— Что забыл?

— Что должен позвонить, когда Андрес соберется выходить из «Лос Пинос».

— Зачем?

— Чтобы ты вернулась домой раньше него.

— Но я не собираюсь возвращаться домой.

— Тебе придется. Ты не можешь здесь остаться.

— Какая же я дура! — рявкнула я, вставая, и начала собирать по всей квартире свою одежду. Я была так зла, что запуталась с застёжкой платья и стала ее дергать, пока не оторвала. Я надела туфли — всё равно под пальто никто не заметит голую спину.

— Вы с Альваро просто придурки! — бросила я.

— Для провинциалки у тебя красивые волосы, — ответил он.

— Да что ты знаешь о провинциалках, — крикнула я.

В дверь позвонили. Это был Хуан.

— Сеньора, генерал не собирается уезжать из резиденции. Говорит, вы сказали ему, что будете в саду, и он должен забрать вас оттуда.

— А с кем он? Вечеринка закончилась? — поинтересовалась я.

— Он с доном Альфонсо Пенъей, — ответил Хуан.

— До сих пор? — удивилась я. — Наверное, напился вдрызг, если столько времени выносит Пенью.

— Пойдем, дорогая, — сказал Карлос, который, уже полностью одетый, стоял в дверях.

Мы приехали в «Лос-Пинос». Хуан отправился парковать машину, а мы вышли неподалеку от того места, где расстались с Кордерой.

По пути Карлос обнял меня за талию и притянул к себе. Потом мы вошли в зал. Там уже почти никого не было, только Андрес и Пенья сидели в глубине. Рядом с каждым стоял официант, а на столике между ними красовалась бутылка коньяка. Мы направились к ним.

— Ну что, уже надышались свежим воздухом? — спросил Андрес, растягивая слова.

— Мы ведь недолго отсутствовали. Когда ты успел так нализаться? — возмутилась я. — Ты же пьян в стельку, Андрес! Что с тобой случилось? Ты же никогда так не напивался.

Я и в самом деле удивилась. Я знала, что Андрес может пить несколько часов, совершенно не пьянея.

— Потому что в этой стране может выжить только безумец или пьяный. Я почти всегда безумен, но сегодня мне вдруг захотелось обрести разум. Правда, братец? — обратился он к Пенье, который был пьян еще больше, косил глазами и смотрел в пол.

— Я тебе скажу, что эти коммунисты очень опасны, — проговорил тот, заикаясь. — Тебе не следовало отпускать с ними свою жену.

— У него уже начались галлюцинации, — заметил Андрес. — Сейчас назвал Вивеса коммунистом, а через минуту скажет, что сюда вошел фиолетовый слон или Грета Гарбо в трусах. Хуан, отвези его домой, а мы еще поболтаем.

— Думаю, нам всем пора по домам, — сказала я. — Здесь уже нечего делать.

— Ах, вы только посмотрите на нее! — сказал Андрес, поднимаясь. — Как она обеспокоена соблюдением приличий! Ладно, поедem домой, но пусть Хуан привезет туда певцов из «Сироса».

— «Сирос» сейчас уже закрыт, — напомнила я.

— Ничего подобного, он работает до трех утра, еще есть время. Хуан, привези сюда трио, которое знает «Предчувствие».

— Но сначала пусть отвезет нас домой, — сказала я.

— У нас что, нет другой машины? А твоя, Вивес? — спросил Андрес.

У меня перехватило дыхание. Машина Вивеса осталась около его дома.

— Я одолжил ее Кордере, ему не на чем было ехать, — спокойно ответил Вивес.

— Вот же козел этот Кордера, пытается наложить лапу даже на автомобили моих друзей. Даже ты попался на удочку бедняги Альварито. Одолжил ему машину! Если у него нет машины, с какой стати ему давать свою? Но мы не можем больше ждать. Если останемся без певцов, я его убью, это уж точно, и дело не в политике. Он умрет за то, что испортил нам вечер, да и стране тем самым я окажу услугу.

Мы поехали домой.

— Пусть Хуан высадит нас во дворе, а до дома мы сами как-нибудь дойдем, — сказал Андрес. — Я пойду в зал, а ты, Хуан, привези сюда музыкантов — тех, кто знает «Предчувствие».

Я выскочила из машины и бросилась к окошку Хуана.

— У него остановились часы, — сказала я. — В «Сиросе» вы уже никого не найдете. Поезжайте лучше в дом маэстро Лары — я уверена, они еще продолжают праздновать. И скажите Тоне, чтобы она приехала как можно скорее.

С Тоней Перегриня я познакомилась еще в то время, когда Андрес был губернатором. Она приехала в Пуэблу вместе с Ларой. Я пригласила ее спеть в кинотеатре «Герреро» на одном из тех благотворительных мероприятий, которые я так любила организовывать. Они собирались провести в Пуэбле два дня, но в итоге остались на пять. Я поселила их в гостевых комнатах нашего дома, свозила на ранчо в Атлиско, показала все достопримечательности. Конечно, они получили массу удовольствия, хотя мне доставляло еще большее удовольствие их развлекать. По вечерам Агустин играл на рояле, а Тоня пела.

Мы с ней подружились. Я отвела ее к Лупе, своей портнихе, которая была настоящим гением. За два дня она сшила ей три концертных платья со шлейфами и оборками, маскировавшими ее полноту. Она и так была хороша, стоило ей только запеть, но платья привлекли к ней всеобщее внимание и заставили ее почувствовать, что она ничем не хуже Нинон Севильи. А вот я, признаюсь, завидовала им обеим. Когда Лупе сшила эти платья, Тоня не желала больше выходить на сцену ни в чем другом. Поскольку ей так и не удалось уговорить Лупе переехать в Мехико, Тоня с тех пор навещала в Пуэблу при любой возможности.

Она всегда останавливалась в нашем доме. И все бы хорошо, но однажды к ней в комнату прокрался какой-то тип с ножом и бросился на нее с криком «Смерть Андресу Асенсио!». Андрес в те дни никогда не спал две ночи подряд в одной и той же комнате. Иногда он оставался у меня, иногда ночевал в комнате Чеко или где-нибудь еще. Накануне приезда Тони он спал в той комнате для гостей, где мы ее поселили. Так вот, этот тип бросился с ножом на Тоню, в потемках приняв ее за Андреса, а она настолько растерялась, что не нашла ничего лучше, чем пропеть:

— Есть ли на свете такие глаза — зеленые, как изумруды?

Тот тип вылетел из ее комнаты и бросился бежать. Тоня рассказала мне об этом лишь много лет спустя.

— Как тебе пришло в голову спеть? — спросила я.

— А что еще я могла сделать, если накануне ты весь вечер заставляла меня это петь, и в голове у меня вертелись то зеленые очи цвета морского прибоя, то алые губы цвета кораллов? Эта песенка мне даже во сне снилась, я уже ни о чем больше думать не могла, только о пальмах, кораллах и изумрудах.

Мы стали такими подругами, что теперь я не сомневалась: если Хуан скажет Тоне, что она мне срочно нужна, она примчится даже среди ночи, хоть в ночной сорочке.

И действительно, еще не успел растаять лед в стаканах с виски, когда за дверью послышался шум мотора. Я открыла. За дверью, как ясное солнце, стояла Тоня в сверкающем голубом платье с обнаженными плечами. Она поцеловала меня в щеку.

— Добрый вечер, добрый вечер, — произнесла она своим божественным голосом. — Кто-то здесь хотел меня видеть?

— Тоня! Спойте «Предчувствие», — попросил Андрес.

— Конечно, генерал, но сначала представьте меня господам, — ответила она, глядя на Вивеса, словно пыталась его вспомнить. — Знаю, вы дирижер симфонического оркестра. Видела вашу фотографию. Я ни одного лица не забываю, верно, сестренка? — обратилась она ко мне.

— А это депутат Альфонсо Пенья. Как видишь, мы ему уже наскучили, — ответила я, указав на Пончо, дремлющего в обнимку с бархатным креслом.

— Очень приятно, — сказала Тоня, приподняв его руку и бросив обратно. —

«Предчувствие», генерал? К сожалению, я не привела с собой пианиста, так что как получится.

— С вашим-то голосом, Тоня, да как получится? — сказал Андрес.

— Вам нужен пианист? — спросил Карлос, сидящий за роялем.

— Только не говорите, что знаете эту песню, — удивилась Тоня.

Карлос ответил первыми аккордами из «Предчувствия».

— Ну надо же, вы только поглядите, — отозвалась Тоня.

— Что, годится? — поинтересовался Карлос. Тоня продолжила песню, направившись к роялю.

— Но только с самого начала, Тоня, — попросил Андрес. — «Боюсь стать счастливым с тобою рядом», — пропел он.

— «Боюсь всё потерять», — вторила я, сев в кресло и зачарованно слушая.

— Хорошо, генерал, — ответил Вивес и заиграл сначала. Карлос аккомпанировал Тоне, словно они репетировали многие месяцы.

Он не просто аккомпанировал, а после окончания одной песни сливал ее финал с началом другой, и Тоня как ни в чем не бывало продолжала петь. Они веселились, их глаза горели.

«Для чего на небе луна, для чего в морях глубина, ты лишь слово скажи и меня позови, нет на свете препятствий для моей любви».

— «Я одержима тобой, у всех на глазах я схожу с ума», — подхватила я, понимая, что мой голос, похожий на мышинный писк, не идет ни в какое сравнение с божественным голосом Тони.

Тоня кивнула и жестом велела мне приблизиться.

Я села на стул возле рояля, рядом с Карлосом; он тут же оборвал эту песню, которую, как мне казалось, написали специально для меня, и разразился аккордами другой песни, «Какая ночь была вчера».

— «Ах, что за ночь была вчера», — вступила Тоня. — «Ах, что тогда произошло, что так меня смутило...»

— «И я теперь в смятении чувств, а так была спокойна. Томит меня предчувствие, что кончилась любовь», — пропела я, изо всех сил напрягая голос, наклоняясь при этом к Карлосу, который украдкой протянул руку и погладил меня по колену.

— Ну вот, ты, как всегда, все испортила, Каталина, — недовольно произнес Андрес. — Заткнись, когда поют великие мастера.

Я не обратила внимания на его слова.

— «Ах, что ты делаешь со мной? — продолжала я. — Я вся в смятении чувств. Такого прежде не бывало никогда...»

По сравнению с голосом Тони мой собственный казался жалким писком, но я все равно продолжала:

— «Клянусь, со мной такого не бывало никогда...»

В эти минуты мне казалось, что ее голосом поет моя собственная душа.

— «И лишь тогда я поняла, что лишь тобой всегда жила, лишь одного тебя ждала», — пропели мы вместе, и я уронила голову на рояль.

Бум — послышалось вместо финала песни «Какая ночь была вчера».

— Каталина, кончай эти глупости, — сказал Андрес. — Это ведь я пьян. Сыграй «Пепел», Вивес.

— Да, сыграй «Пепел», — поддержала я.

— А ты помолчи, Катин, — сказал Андрес.

— Хорошо, жизнь моя.

— «После стольких мук я поняла, что забыла тебя», — пропела Тоня.

— «После того, как отдала свое израненное сердце», — подхватила я, а она встала позади меня, положив руки мне на плечи.

— Каталина, не влезай, — снова одернул меня Андрес.

— Шел бы ты куда подальше со своими «не влезай»! — ответила я, и вновь запела вместе с Тоней:

— «Нет на свете горше любви, чем та, что я дарила тебе».

— Пам-пам-пам-пам, — пропела я, отстукивая такт по крышке рояля.

— «Не могу ни простить, ни дать тебе то, о чем просил меня ты», — продолжили мы.

— «Ты должен знать, что обманутая любовь обращается в ненависть», — медленно проговорил Андрес, погрозив пальцем неизвестно кому.

— «А если захочешь вернуться, найдешь ты лишь пепел, лишь пепел, которым стала моя любовь», — закончили мы.

— Вот хренотень, — буркнул Андрес.

— «Пой, если хочешь забыть свое сердце», — пела Тоня, следуя за мелодией Карлоса.

— «Пой, если хочешь забыть свою боль», — подхватил Карлос, исполняя короткие пассажи.

— «Пой, если тебя покинула любовь. Пой, чтобы завтра она вернулась».

— Пам-па-рам, пам-па-рам, пам-па-рам, — подхватила я, встала со скамейки и закружилась в танце.

Вивес рассмеялся, а Андрес заснул.

— Возроди во мне жизнь, — пропела я, танцуя в одиночку по залу.

— «Возроди во мне жизнь, возьми мое сердце», — пропела Тоня, вторя мелодии Карлоса.

— «Возроди во мне жизнь, и охватит болью сердце мое», — подхватила я и вновь села рядом с Карлосом. Андрес был прав, я лишь портила их чудесный дуэт, но в ту минуту я даже не задумывалась об этом.

— «Ты не увидишь меня, ведь твои глаза принадлежат мне», — пропела я, склоняясь к плечу Карлоса, который закончил тремя аккордами, отзвучавшими прежде, чем Тоня дотянула последнюю ноту.

— Потрясающе, Тоня, — сказал он. — Я восхищен.

— А вы? — спросила она. — Любите друг друга или собираетесь влюбиться?

Мы вышли в сад, чтобы полюбоваться восходом солнца, пока Андрес спит.

— Сеньора, я отвезу депутата домой? — спросил Хуан, стоящий в дверях прихожей.

— Буду очень признательна, Хуан, — ответила я. — И проводите генерала до постели. Вы просто святой.

— И меня отвезите тоже, — сказала Тоня. — Я не хочу оставаться на завтрак.

Солнце уже, наверное, целый час стояло над деревьями, словно огромный апельсин. В сад вышел Чеко, в пижаме и босиком.

— Мама, почему ты одета так же, как вчера? — спросил он. — Надень брюки. Или ты не собираешься сегодня кататься верхом?

— Поехали, дирижер, — сказала Тоня, хлопая Карлоса по плечу. У него под глазами

пролегли круги, но всё равно он был прекрасен. — Пока, сестренка, удачно тебе прокатиться! Самое время подышать свежим воздухом.

Карлос положил руки мне на плечи и поцеловал в щеку.

— Увидимся завтра? — спросил он.

— Увидимся, — ответила я, и мы расстались.

Они с Тоней направились к машине. Мы с Чеко пошли в дом.

— Слушай! — крикнул Карлос, обернувшись в воротах. — А ведь завтра уже наступило.

Когда мы вернулись домой после верховой прогулки, у меня голова шла кругом. Я спешила, мечтая о глоточке апельсинового сока. Лусина принесла мне его прямо в сад, где я сидела, поджав под себя ноги, отвечая невпопад на какие-то вопросы Чеко.

— Генерал велел передать, чтобы вы поднялись к нему, как только вернетесь, — доложила Лусина.

Я взбежала по лестнице, прыгая через три ступеньки, и вошла в комнату Андреса, даже не сняв на пороге испачканных в грязи сапог. Там я села на разобранную постель и принялась их отряхивать.

— Можно, я отдерну шторы? — спросила я. — А то ничего не видно.

— Закрой лучше дверь, будь так добра, — ответил Андрес, поворачиваясь в постели, чтобы удобнее было обнять меня за талию. — И расскажи, о чем вчера говорили Кордера с Вивесом, — потребовал он, поглаживая меня по спине.

— О концерте, — ответила я.

— А еще о чем?

— Вивес спросил у Кордеры насчет Конгресса, но Кордера так ничего толком и не ответил.

— Наверное, что-то он все же ответил. Долго они это обсуждали?

— Он только сказал, что руководителя избрали большинством голосов.

— Не морочь мне голову. Он сказал что-нибудь действительно важное?

— Ничего особенного. Они и говорили-то не более пяти минут.

— В таком случае, что вы делали с Вивесом все остальное время? Только не морочь мне голову. Вивес и Кордера говорили гораздо дольше, раз вы вернулись около двух.

— Мы просто гуляли, — ответила я. — В «Лос-Пинос» чудесные сады!

— Ты говоришь так, будто только вчера их обнаружила. Хочешь жить здесь? Так расскажи, о чем говорили Вивес и Кордера.

— Генерал, если я снова услышу, о чем они говорят, обещаю, что непременно перескажу тебе слово в слово всю беседу. Но вчера они говорили о четырех вещах.

— О каких именно? Вспомни как можно точнее, о чем они говорили: любое слово может оказаться тайным шифром.

— Ты все еще пьян. Какой еще шифр?

— Они договорились о встрече? — продолжал он допрашивать.

— Да, собираются встретиться на днях.

— Иными словами — в четверг, — сказал он.

— Ты спятил, — ответила я, пытаясь стащить сапог, который всегда почему-то застревал.

— Ты так и не ложилась? — спросил он.

— Немножко подремала.

— С чего вдруг такое воодушевление? Ты же обычно отсыпаешься три дня после

каждого затянувшегося за полночь праздника. Почему ты вдруг решила прокатиться верхом?

— Меня попросил Чеко.

— Он просит тебя об этом каждый день.

— А сегодня мне захотелось поехать, — ответила я, стаскивая сапог и разминая пальцы ноги.

— Какая-то ты странная.

— Я вчера хорошо повеселилась. А ты разве нет?

— Даже не помню, что там было. Кажется, ты что-то пела, или мне это приснилось?

— Меня попросили спеть «Возроди во мне жить». А потом я спела ее снова — на бис.

— Замолчи. Ты словно за пятерых говоришь.

— Спи... Зачем ты вскочил так рано? Сегодня же воскресенье.

— Вот поэтому я и проснулся. Сегодня на корриде выступает Гарса.

— До четырех часов еще достаточно времени. Спи. Я разбужу тебя в два.

— У меня нет времени. В час у меня деловой обед. Не желаешь вечером составить мне компанию?

— Ты никогда меня не приглашаешь.

— А сейчас приглашаю.

— Я не люблю бой быков.

— Что еще за глупости! Пойдешь, как миленькая!

— Как скажешь, — ответила я, целуя его в голову и прижимая к себе, словно хотела укутать саваном. Потом на цыпочках прошла к двери и осторожно закрыла ее за собой, чтобы его не разбудить.

Ванная комната в Лас-Ломас была втрое больше нашей спальни; с зеркальными стенами и стеклянным потолком, полуденное солнце светило сквозь него с такой же силой, как и над садом. Вокруг огромной ванны, в которой могло разместиться пять человек, стояло множество растений в кадках. Ванная комната была моим любимым местом в доме, в ней я могла уединиться.

Этим утром я опрометью вбежала в ванную, открыла краны и сбросила одежду. Я помню, как тело погрузилось в горячую воду, как я лежала среди растений, открыв рот, с мокрыми волосами, выставив из воды одно лишь лицо, глядя сквозь стеклянный потолок на маленький кусочек неба, на котором плавали пушистые облака.

— И что же мне теперь делать? — спросила я себя, словно поверяя кому-то свои тайные помыслы. — Я должна бежать. Оставить всё генералу — и детей, и эту роскошную ванну, и эти фиалки, и счет в банке, который никогда не иссякнет. Я хочу уехать с Карлосом, — сказала я себе, намыливая голову. — Вот сейчас прямо и уйду. Никакой Лоренсо Гарса не заставит меня изо дня в день выслушивать ложь и узнавать о новых преступлениях генерала. Уже сегодня я перееду в другой дом, уже сегодня буду спать в другой постели, даже сменю имя. А что, если он не согласится? Конечно же, согласится. Он сам спросил: «Завтра?». А потом сказал, что завтра уже наступило. Но он не захотел уехать со мной на море, он вернет меня назад, у него даже в мыслях не было остаться со мной. Он меня не любит. Да, он хочет меня, я ему нравлюсь, но он не любит меня. Что, если я ему откроюсь, а он меня отвергнет? Что, если у него есть невеста — там, в Англии? Какая-нибудь сучка конопатая...

Я вылезла из ванной, замотала голову полотенцем, подошла к зеркалу и улыбнулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 17

Я ни разу не видела, как Андрес убивает. Но неоднократно слышала из-за двери его голос, отдающий приказ кого-то убить. Я хорошо знала, что ему ничего не стоит убить человека — разумеется, сам он никого и пальцем не тронет, для этого у него есть люди, которые не прочь таким путем пробить себе путь в жизни.

Правда, до тех пор, пока я не встретила Вивеса, у меня не было причин бояться. Но теперь я ввязалась в опасную игру, которая могла закончиться печально. Только не Карлос. И теперь я стала по-настоящему бояться пистолета мужа.

Иногда я просыпалась среди ночи в холодном поту, дрожа от страха. Если мы спали в одной постели, то я и вовсе не могла уснуть — все смотрела на спящего Андреса, на его полуоткрытый рот, как он храпит в уверенности, что рядом лежит всё та же дурочка, на которой он женился. Пусть теперь эта девочка стала старше и уже не была столь послушной, но в душе осталась все той же. Все той же Каталиной, над которой он посмеивался, которую стремился сделать своей соратницей, а она научилась угадывать его мысли и ничего не желала знать о его делах.

Стрессы и тревоги нашего брака не прошли бесследно для моего организма, и в один прекрасный день я вдруг обнаружила у себя на шее вздувшийся желвак. Огромный желвак, от затылка до основания шеи, причинявший мне невыносимую боль.

Когда я рассказала об этом Биби, она посоветовала гимнастику и массаж, который, кстати, и для фигуры полезен. Она познакомила меня со своей массажисткой, посещавшей ее на дому, поскольку Гомес Сото не выпускал Биби из дома, даже если ее будет тискать женщина, а не кто-то еще. Но я предпочитала посещать массажный салон в поселке Куаутемок, где хозяйничала улыбчивая женщина с красивыми ногами, всегда ходившая на высоченных каблуках; она делала массаж и вела занятия по гимнастике.

В этом салоне я подружилась с Андреа Пальмой. Меня забавляли ее жалобы на ягодицы, которые она находила слишком плоскими. Лежа рядом на массажных столах, мы только и говорили, что о размерах наших животов, и если сделать среднее арифметическое из наших задниц, как раз получится идеальная женщина.

— Не завидуй другим, и Бог тебя вознаградит, — сказала она мне однажды.

— И ты еще рассчитываешь на благословение Божие, Андреа? — спросила я. — Тебе мало всех детей, которых он тебе послал?

— Ты просто завидуешь. А все дело в том, что ты несчастна. Представляю, каково это — быть патологически верной женой!

— Ужасно!

— Однако не менее ужасно быть неверной женой.

— Все-таки менее ужасно.

— Ага, покраснела, покраснела! — закричала она. — Покраснела до самого пупка! — Ну и что ты теперь намерена делать? Нет-нет, не отвечай, твой муж поклялся, что отрежет мне язык, если я не перестану сплетничать.

— Я завидую, глядя на твою грудь, — сказала я, сделав вид, будто ничего не слышала.

— Не придуривайся, Каталина. Расскажи мне все.

— Что я могу тебе рассказать? Мне нечего рассказывать. Вот ты бы осмелилась обмануть генерала Андреса Асенсио?

— Я — нет, но ты очень даже осмелишься. Уж если ты осмеливаешься с ним спать, то почему бы тебе не решиться на что-нибудь столь же ужасное?

— Потому что это будет стоить мне жизни.

— Как той бедняжке, которую он убил в Морелосе, — вставила Ракель, наша массажистка.

— А кого он убил в Морелосе? — спросила Андреа.

— Одну девушку, которая была его любовницей, но однажды заявила, что больше не хочет иметь с ним дела, — ответила Ракель.

— Это ложь, — возмутилась я. — Мой муж никогда не убивает женщин, которые противятся его воле.

— Не знаю, но так мне рассказывали, — пожала плечами Ракель.

— Не стоит верить всему, что говорят, — сказала я, слезая с массажного стола и растирая руки.

— Катина, не говори глупостей, — сказала Андреа. — Я думала, ты умнее.

— Умнее, намного умнее, — ответила я. — И чего же ты от меня хочешь? Мне, понимаешь ли, сообщают, что я уже двенадцать лет живу с Джеком Потрошителем, и при этом хотят, чтобы я смиренно лежала, да еще и улыбалась, как Мона Лиза? Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты подумала.

— Да о чем я должна подумать? — воскликнула я. — О чем?

Наша приватная беседа стала достоянием общественности. Клиентки, лежавшие на соседних столах, и другие массажистки уставились на меня — голую, красную, с полными слез глазами, исступленно орущую на Андреа.

— Прежде всего, успокойся, — шепотом ответила она. — Потом ляг, расслабься, улыбнись, закончи свой массаж, а потом уже выясняй, кто такой Андрес Асенсио.

Не знаю почему, но я вдруг послушалась. Ее шепот и темные глаза действовали на меня успокаивающе. Какое-то время я молча лежала на животе, пока сильные руки Ракель разминали мои ягодицы.

— Ну и что, например, я должна выяснить? — спросила я.

— Ну, например, правда ли то, что сказала Ракель.

— Но как это может быть правдой, Андреа? Это просто бред. Мой муж убивает своих врагов, но никогда не трогает женщин только потому, что они не пожелали ему отдаться.

— Ну надо же, теперь ты говоришь более разумно. Но почему бы ему не делать и то, и другое?

— Потому что этого не может быть.

— Очень убедительный ответ! Ты просто не хочешь в это верить. Нет — и все.

— Пусть так, — согласилась я. — Нет — и все.

— Как хочешь, — ответила она со злобным смешком. — Скажи лучше, на какой диете ты сидишь?

— Не уходи от ответа. Ты считаешь меня душой?

— Я этого не сказала, а ты, видимо, представила себя на ее месте. Но все же не стоит винить меня в собственных страхах, — ответила она, поднимаясь, чтобы вслед за Мартой направиться в сауну.

— А вы пойдете в сауну? — осведомилась у меня Ракель.

— Кто вам рассказал об этом убийстве в Морелосе? — спросила я.

— Об этом все говорят, сеньора, но вы правы, все это — наглая ложь.

У Ракель были необычайно живые глаза и тонкие губы; волосы она красила в рыжий

цвет. Ее маленькие сильные руки отлично знали свое дело. Говорила она мало; все больше молчала и слушала. Именно поэтому я так удивилась, когда она вмешалась в наш разговор с Андреа.

Я потела в сауне, терзая себя неотвязной мыслью: а если он и в самом деле ее убил?

— Я не хочу умирать, — сказала я Андреа, она лежала напротив, на резиновом коврике, свесив голову с кирпичной лежанки, укрытая клеенкой до самых плеч. В эти минуты мы выглядели настоящими монстрами с квадратными телами, прилизанными волосами и потными лицами.

— А уж сейчас в особенности, когда ты стала такой красоткой, — заметила она.

— Андреа, это не шутка, я не хочу умирать.

— Ты не умрешь, подружка, и ты вовсе не дура, — попыталась успокоить меня Андреа. — Ты знаешь своего мужа лучше, чем любая из нас, и уж конечно, лучше, чем все те сплетницы, которые рассказывают о нем подобные вещи. Но если на самом деле он совсем другой — то почему ты так встревожена? И если даже за измену он тебя не отлупил, то почему ты думаешь, что сделает это по какой-то другой причине?

— Ни по какой не сделает. Он все же не бандит с большой дороги.

— Ты уже убедила меня в этом, дорогая. Теперь я должна убедить в том, в чем ты только что убедила меня? А иначе почему ты без конца ноешь, что не хочешь умирать?

Разговор становился всё более душевным. Мы придвинулись ближе, чуть ли не касаясь друг друга лбами. Андреа была очень красива. Вот так, без косметики, потая, сознавая собственную глупость и страх, я рассказала ей всё, начиная с лестницы Галереи Изыщных искусств и ужина в «Прендес», и до того дня, когда я побывала в его квартире и почувствовала ее своей. Всё: прогулки по рынку, встречи в кафе, дневные походы в кино, вечера на концертах, рассветы, когда я мчалась в постель — в ужасе и эйфории одновременно.

— Что мне делать, Андреа? — спросила я.

— В данную минуту — заняться гимнастикой, — ответила она, целуя меня.

Глава 18

2 ноября этого года пришлось на среду, и Андрес решил, что мы отметим День поминовения усопших в нашем доме в Пуэбле. Он сказал, что пригласил нескольких друзей, и велел мне устроить прием. Я пришла в ярость при одной мысли о том, что придется развлекать гостей Андреса вместо того, чтобы быть рядом с Карлосом. И ладно бы он еще пригласил в гости приятных людей — так нет же: он пригласил заместителя министра финансов Менсу и его жену, всегда одетую как на ярмарку, министра сельского хозяйства, который был настолько туп, что не умел даже поддержать разговор, и других модных политических деятелей. Да-да, все эти политиканы как раз вошли в моду, и Андрес не упустил возможности пригласить их к нам на выходные. Он играл роль хозяина дома и любимца публики, а мне велел изображать первую даму.

Уж мне-то было хорошо известно, что такое выходные, когда в доме пятнадцать гостей, и всех нужно кормить трижды в день, плюс коктейли, печенье и кофе в любое время суток. Мне предстоял визит на кухню, где я столкнусь с пребывающей в дурном расположении духа Матильдой.

Весь четверг я ходила сама не своя, проклиная все на свете. Андрес предупредил, что мы выезжаем в пятницу двадцать восьмого, после обеда, а вернемся во вторник, в два часа

пополудни.

— А Фито не успеет довести страну до кризиса за время твоего отсутствия? — спросила я, думая при этом о том, какой невыносимо тоскливой станет моя жизнь без Карлоса. — Что он станет делать без кума-советника?

С Карлосом мы провели весь вечер вторника — гуляли по рынку, а потом по бульвару Хуареса.

Ужинали мы в «Паласе», сидя за столиком с видом на площадь. Я заказала угря, а он — устриц, я ела торт с мороженым, а он пил кофе-эспрессо.

— Я снял квартиру здесь, внизу, — сказал он.

— Могу остаться до часа, — ответила я.

Мы выскочили из ресторана и бросились в квартиру с балконом, откуда открывался вид на дворец и собор.

— Ну почему мы вынуждены скрываться? — вздохнула я.

— А почему ты в шестнадцать лет вышла замуж за генерала, кума президента?

— А я почему знаю? В шестнадцать лет все делают глупости. Сейчас мне тридцать, и я хочу сама распоряжаться своей жизнью, хочу жить с тобой, хочу, чтобы все эти старые клуши, что приходят на твои концерты, знали, что ты — мой. Хочу, чтобы ты взял меня с собой в Нью-Йорк, познакомил со своими друзьями. Хочу, чтобы ты освободил меня из клетки и всё рассказал генералу Асенсио.

— Но сейчас ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, да?

— Да, — ответила я — и забыла обо всем на свете.

Уже прощаясь, я почти с удовольствием сказала ему, что уезжаю на четыре дня в Пуэблу — без него, зато с мужем, детьми и прислугой; уезжаю в свой дом, смесь монастыря и волчьего логова, с его коридорами, закоулками, фонтанами и кастрюлями.

— Как жаль, — сказал он спокойно.

— Да неужели? Как я вижу, тебе совершенно все равно. Счастливо оставаться! Натрахался вдоволь и передал другому! Скотина! — крикнула я, после чего захлопнула дверцу машины и велела Хуану трогаться.

Все утро пятницы я пребывала в ярости. В конце концов это заметила Лилия.

— Ты не хочешь ехать? — спросила она. — Странно, раньше ты любила возвращаться домой. Пуэбла — такой красивый город.

— Лучше расскажи, как тебе жених, которого нашел для тебя папа? — попросила я.

— Это очень хорошая партия, — ответила она.

Ей уже исполнилось шестнадцать. У нее была изумительная грудь, длинные крепкие ноги, живые блестящие глаза и уверенная улыбка.

— Эта твоя партия — изрядная сволочь. Семь лет он жил с Хорхиной Летоной, а теперь имеет наглость свататься к тебе — юной, свежей, невинной девочке и по странному совпадению дочери Андреса Асенсио. Ты хоть понимаешь, что ты для них — предмет торга?

— Зачем ты все так усложняешь, мама? Сдается мне, ты просто не хочешь расставаться с Карлосом на целых четыре дня.

— Да при чем здесь Карлос? — отмахнулась я.

— Да я уж вижу, что ни при чем. Ты поедешь кататься верхом? — спросила она, смеясь.

— Не могу. Надо составить меню наших обедов и придумать, чем развлечь гостей.

— Как ты всегда суетишься, — сказала она и удалилась, стуча каблучками.

Пятнадцать лет назад я была такой же, как Лилия. Когда я начала перво-наперво думать

о том, что ему приготовить, а потом уже о собственном желании покататься верхом?

Я позвонила в Пуэблу, чтобы поговорить с Матильдой, нашей поварихой, и попросила ее приготовить на ужин филе с перцем пасилья.

— Не слишком ли это тяжелое блюдо для ужина, сеньора? — усомнилась повариха, она любила меня поучать.

Я почти всегда в конечном счете с ней соглашалась, признавая ее правоту и охотно предоставляя ей решать проблемы, но сейчас решительно настаивала на филе.

— Но лучше ли цыпленка с пряными травами? Генерал его очень любит.

— Приготовь филе, Матильда.

— Как прикажете, сеньора, — ответила она.

Эта женщина была слегка влюблена в Андреса. Она была примерно моего возраста и имела сына, он жил с бабушкой в Сан-Педро. Однако выглядела она почти старухой. У нее не хватало двух зубов, к тому же она не соблюдала диеты, не утруждала себя гимнастикой и не пользовалась дорогими кремами. Поэтому она выглядела на добрых двадцать лет старше меня. Она никогда меня не любила и имела на это полное право. Хотя меня всегда удивляло, с какой стати я с ней всё еще сражаюсь.

Я сидела возле телефона, задумчиво разглядывая свои туфли, когда в прихожую вошел Карлос с чемоданом в руке.

— Выезжаем в двенадцать? — спросил он.

Я не ответила, а бросилась в свою комнату, чтобы поправить прическу. Надела брюки, надушилась и подкрасила губы. После этого я вернулась в гостиную, но там его уже не было.

— Все ушли в игровой салон, — сообщила Лусина.

— Ты уже готова? — спросила я. — А дети?

— Мы все готовы, сеньора.

Бильярдная помещалась в глубине сада. Все наши дома были настолько огромными, что впору было бы ездить на машине. Я пересекла сад и вошла в бильярдную, где Андрес и Карлос гоняли шары.

— Посмотрите на часы, сеньора, — произнес Андрес. — Я велел тебе быть готовой к часу.

— Так я уже готова. Это Лили до сих пор копается. А кого ты еще пригласил?

— Только депутата Пуэнте с женой. Хочу, чтобы они тоже отдохнули, — ответил Андрес, посылая мяч в лузу. И промахнулся. — Сам знаю, что не умею играть, — сказал он. — А ты что стоишь, как курица? Беги, собирай детей. Нам понадобятся три машины. Одну поведет Хуан, другую — Бенито. А кто поведет третью?

— Могу поехать на собственной машине, — предложил Карлос.

— Замечательно, — ответил Андрес. — Ты, Каталина, поедешь с ним. Возьмете с собой Лилию, детей и няню. Мне совершенно не хочется слушать вашу болтовню о всякой домашней ерунде. Думаю, Карлосу будет легче это пережить, ведь он свободный мужчина, ему эти разговоры еще не набили оскомину. Остальные девочки и Октавио поедут с Бенито. И чтобы выехали не позже двух. Все поедут в одно время. мы отправимся следом. И проследи, чтобы Лилия не притащила с собой брюки и купальник. И чтобы взяла нужное платье, потому что вечером мы ждем в гости семью Алатристе.

— Значит, ты уже все решил? — спросила я.

— Да, решил. И нечего говорить со мной в таком тоне. Это моя дочь, я должен заботиться о ее будущем. А ты не встревай.

— Значит, когда тебе это выгодно, она — твоя дочь, а когда невыгодно — наша общая? Когда ей было десять, ты все уши мне прожужжал, что я должна стать ей родной матерью. А теперь, значит, она — только твоя дочь?

— Потому что пришло время устроить ее будущее, а это потруднее, чем вытирать сопли и помогать делать уроки.

— Я не позволю ее принуждать, — заявила я.

— Не волнуйся, я выдам ее замуж за человека, который ей по душе.

— Почему бы тебе не выдать за него одну из двух старших? — спросила я.

— Да уж так вышло, что эта оказалась самой красивой.

— А зачем Эмилито красавица? Он вполне мог бы жениться и на Марте.

— Ну конечно, Марту ты меньше любишь.

— Ну да, я люблю ее меньше, и она самая старшая. А Лили — просто бедная глупая девочка.

— Ей сейчас столько же лет, сколько было тебе, когда мы поженились.

— Но сынок Алатристе — полный придурок. Кем бы ты ни был, но отец никогда не указывал тебе, что делать.

— Я не знал отца, который дал мне жизнь. Бедной маме пришлось хлебнуть горя, и прошу, не заставляй меня возвращаться к этой истории. В конце концов, только к лучшему, что будущее Милито обеспечено, так лучше для Лили. Ты ударишь наконец, Вивес?

— Я жду, пока вы закончите выяснять отношения.

— Нечего нас ждать, придурок, бей по шару. Мы спорим лишь для того, чтобы как-то скоротать время, пока твоя очередь бить, а то бы я не тратил времени на разговоры с этой сеньорой, которая всех задерживает. Ей бы следовало стать адвокатом. «Капелька меда», как называл ее папаша. Представляешь, братишка? Бедняга дон Маркос и не знал, какова на самом деле его дочурка!

— Не говоря уже о зяте, — ответила я.

— Ударил, — доложил Карлос.

Я подмигнула ему, пользуясь тем, что Андрес натирал мелом кий.

Мы выехали в пять вечера. Андрес к тому времени стал красным, как рак; можно подумать, что от злости, но на самом деле — всего лишь от коньяка. Мы заехали за депутатом Пуэнте. Машины двинулись по шоссе одна за другой. Первую вел Карлос, в ней ехали мы. За ней следовала машина, которую вел Бенито — он вез Лусину и старших девочек. Андрес ехал в последней, которую вел Хуан.

Это было приятное путешествие. Сперва Верания и Чеко принялись распевать школьные песни, потом устроили возню, не поделив книжку со сказками, и в конце концов задремали. Лилия сидела сзади. Мы немного поболтали.

— Я написала Лоли, — сообщила она.

— А кто это такая? — спросила я.

— Ты разве не знаешь? Та, что дает советы в журнале «Марака».

— И о чем же ты у нее спросила?

— Сама знаешь.

— И что она тебе ответила?

— Прочитать? Я подписалась как Кармина из Пуэблы. И она ответила: «Из простой симпатии может вырасти большая любовь, и в конце концов Вы найдете в нем все те достоинства, которыми наделили прекрасного принца своей мечты. Однако, если

несоответствие между мечтой и реальностью слишком велико, то любовь из ваших отношений не вырастет. Можете мне поверить».

— Так ты испытываешь симпатию к Милито? — спросил Карлос.

— Немножко, — ответила она.

— Но он мало похож на прекрасного принца из твоих грез, — заметила я.

— Совсем не похож, — вздохнула она.

— Значит, любви ты не дождешься, — сделала я вывод. — Тогда ты должна завтра же дать ему от ворот поворот. Мягко, без грубостей, но решительно и бесповоротно. Скажи ему, что слишком мало его знаешь, что твоя мама считает тебя еще слишком молодой для замужества, что ты хочешь познакомиться с другими молодыми людьми, а вам с ним лучше пока остаться просто друзьями.

— А что же я тогда скажу папе? — спросила она.

— Папу я беру на себя, — заверила я.

— Обещаешь? Он говорит, что это самая лучшая для меня партия. Боюсь, ты ничего не сможешь сделать.

— Откуда твой папа может знать, что лучше для тебя? Он думает прежде всего о том, как будет лучше для него самого. У него какие-то дела с доном Эмилио.

— Обещай, что поговоришь с ним, мама, — сказала она напоследок и тоже уснула.

Вечер выдался погожим и ясным, и контуры огромных вулканов четко рисовались на горизонте. В Рио-Фрио Андрес приказал остановиться. Мы припарковались напротив кафетерия сельского магазинчика. Уже темнело, и деревья вокруг казались туманными призраками. Дети одним прыжком выскочили из машины.

— Кто хочет пить или в туалет — давайте, — сказал Андрес. До самой Пуэблы остановок больше не будет.

В Пуэблу мы прибыли в девять часов вечера. Карлос заметил, что издали наш дом не виден, потому что он весь утопает в зелени, но с террасы все же можно увидеть засыпающий город. Люди в Пуэбле рано расходятся по домам, уединяются за массивными дверями и после восьми часов на улицу уже не выходят.

Андрес показал гостям комнаты, а я отправилась на кухню, чтобы взглянуть, как обстоят дела с ужином.

— Накрой на десять персон, — велела я Лусине, запуская палец в кастрюлю с филе. — Через двадцать минут садимся за стол. Подашь горячие тортильи, как только будут готовы.

Я поднялась наверх, чтобы посмотреть, в какой комнате поселили Карлоса. Затем попросила Хуана, чтобы он принес туда большой вазон с папоротником. Потом побежала переодеваться. В Пуэбле у меня был свой гардероб, так что я никогда не брала с собой одежду, переезжая из одного дома в другой.

Я надела одно из своих вечерних платьев. Сшитое из тяжелой красной материи, оно туго облегалось грудь и спадало тяжелыми складками до самого пола.

— Ты сама его снимешь, или предоставишь это мне? — шепотом спросил Карлос, едва я вошла в гостиную.

Я начала строить планы, как бы ночью пробраться к нему на третий этаж.

Андрес сам облегчил мне задачу, поскольку сразу после ужина решил лечь спать.

Депутат Пуэнте и его супруга спать еще не хотели, девочки и их друзья — тоже, и мы остались поболтать, сидя у камина.

Четыре ночи подряд, когда Андрес засыпал, я пробиралась в спальню Карлоса. Я

старалась как можно дольше не ложиться спать, отговариваясь тем, что нужно лечить простуженного Чеко, или допоздна ведя с Лили душевные разговоры.

По утрам Андрес играл в мяч. Проиграв ему первую партию, Карлос предпочел плавать в бассейне вместе со мной и детьми. В воскресенье мы отправились в Атлиско есть мороженое. Там Карлос познакомил меня с Мединой, лидером Союза мексиканских рабочих, большим другом Кордеры.

— Вы уж простите меня, сеньора, хоть Карлос и говорит, что вам можно доверять, но Андрес Асенсио — форменный козел. Он хочет поставить нас раком, лишь бы показать Альваро, что по-прежнему здесь хозяин. Конфедерация рабочих помогала ему протолкнуть в президенты своего человека, и он им покровительствует. Но ему уже давно никто не верит. И уж всего менее — люди из Гвадалупе, после той забастовки, которую он остановил при помощи пистолета.

— И что же там произошло? — спросил Карлос.

— Мне не хотелось об этом рассказывать в присутствии сеньоры. Хотя здесь об этом каждая собака знает.

— А я не знаю, — сказала я. — Как это случилось?

Очень медленно, с трудом выдавливая из себя каждое слово, Медина начал рассказывать:

— Забастовка в Гвадалупе длилась около месяца. Рабочие требовали повышения жалованья и улучшения условий труда. Они были уверены, что забастовкой заставят генерала Агирре прислушаться к своим требованиям, но забыли, что в Пуэбле распоряжается Андрес Асенсио. Целый месяц они размахивали знаменами. А потом прибыл губернатор.

— Сию же минуту марш к станкам! — приказал он одному из рабочих.

Тот отказался.

— Ну так и черт с тобой! — заявил губернатор, после чего выхватил пистолет и выстрелил.

— Ну, а ты? — спросил он у другого. — Пойдешь к станку или предпочитаешь отправиться следом за ним?

Второй рабочий тоже отказался.

— Ну так пошел к чертям! — сказал губернатор и снова выстрелил. — Кто еще хочет последовать за этими идиотами? — обратился он к остальным.

Сотни рабочих молча наблюдали за ним.

— Ну что? Все готовы умереть? — обратился он к какому-то парнишке. — Ничего, завтра найдутся другие, желающие занять ваше место.

Парень послушно направился к станку, а следом за ним потянулись и остальные, и вскоре завод вновь загудел, причем рабочим не прибавили ни единого сентаво к жалованью.

То же самое он проделал во время забастовки в Ла-Канделарии; в результате — двадцать погибших. Газеты представили их гибель как несчастный случай.

Да, у Медины было что рассказать. Поначалу я слушала его с жадным интересом, но потом мне пришлось прогуляться по рынку с детьми, а они с Карлосом все говорили и говорили. Когда мы вернулись к киоску, потные и разгоряченные, чтобы купить еще мороженого, Медина поднялся, подал мне руку и загодя поблагодарил за молчание. Я, конечно не сказала ему, что не верю и в половину его историй, но про себя подумала, что рассказ о том, будто Андрес самолично расстреливал рабочих одного за другим, был, несомненно, преувеличением. Карлосу я тоже об этом не сказала. Лучше гулять с детьми по

полям и распевать песенку о Росите Альвирес. В Пуэблу мы вернулись поздним вечером. Андрес уже сам приказал подать ужин и теперь сидел за столом.

— Где вы так перемазались? — спросил он.

— Мы ездили в Атлиско и ели мороженое, — сообщила Верания, обожающая это лакомство.

В понедельник я осталась дома. Я давно не играла с детьми, теперь они стали такими сообразительными, и я пришла к выводу, что, пока Карлос навещает Медину, лучшей компании, чем дети, мне не найти.

Мы провели все утро, бегая по лестницам и играя в «змейку». До двух часов я прыгала и смеялась, как маленькая девочка.

Во вторник я еще рано утром переделала все дела, а к десяти часам освободилась и могла отправиться вместе с Карлосом, куда нам заблагорассудится. Когда его огромный «крайслер» покинул город, никто меня в нем не видел, несмотря на то, что все улицы были полны зевак. Специально для этого я устроилась на полу, пока мы не выехали за город.

Мне удалось убедить Карлоса поехать в Тонансинтлу по дороге на Чолулу, усеянной ноготками. Дорога петляла среди полей, сплошь оранжевых и зеленых; стоял ноябрь, и повсюду буйно цвели люцерна и календула. В Тонансинтле мы вошли в церковь, полную большеглазых и выглядящих напуганными ангелочков.

— Представь, что я — твоя невеста, — сказала я. — Представь, что мы идем к алтарю под свадебный марш, который исполняет твой оркестр.

— Но я не могу дирижировать оркестром и одновременно жениться.

— А ты представь, что можешь, — сказала я, отбежав к дверям, чтобы оттуда начать медленное шествие к алтарю: шаг, другой, третий...

— Там-та-там, там-та-там, — напевала я мелодию свадебного марша, направляясь к Карлосу, стоящему у алтаря, рядом с обитой потертым бархатом скамьей.

— Ты сошла с ума, Катина, — рассмеялся он, но все же взмахнул руками, будто дирижирует невидимым оркестром, расположившимся на хорах.

Я двигалась дальше, пока не прижалась к нему вплотную и не схватила за руки.

— А теперь ты должен взять меня в жены, — потребовала я. — Вот мы перед алтарем, и все смотрят на нас. И ты даешь мне клятву любить меня в горе и радости, в болезни и здравии, до конца моих дней. Я беру тебя в мужья и тоже клянусь быть тебе верной в горе и радости, в болезни и здравии, любить и почитать тебя до конца своих дней.

— Тебе это все хорошо знакомо. Ты уже успела это отрепетировать. Но почему ты плачешь, Каталина? Не плачь, я клянусь быть тебе верным, есть у тебя муж или нет, в страхе и веселье, любить и почитать твою несравненную задницу до конца моих дней.

Мы обнялись и сели рядом на одну из скамей, под золоченым потолком, напротив ниши, где стояла статуя Пресвятой Девы. Так мы и сидели, обнявшись, пока напротив не остановилась какая-то старуха с морщинистым лицом, покрытым бородавками, и злобно посмотрела на нас.

— Даже Бога не стыдятся! — заявила она. — Если хотите заниматься свинством, идите куда-нибудь в другое место! Нечего позорить обитель Пречистой Девы!

— Мы только что поженились, — сказала я. — Любовь угодна Богу.

— Так то любовь! — ответила старуха. — А то, что у вас — это просто зуд в одном месте. Прочь отсюда, — произнесла она, хватаясь за свой образок и поднося его к губам. Она провела им от подбородка ко лбу и принялась молиться. Скороговоркой бормотала слова

молитвы, а мы смотрели на нее, как на привидение; затем она выхватила бутылку со святой водой и обрызгала нас, продолжая извергать потоки латыни визгливым голосом.

— А где здесь конюшня? — спросил Карлос, вставая и увлекая меня за собой.

— О, души чистилища! — прошамкала она в ответ. — Да смилуется Господь над вашими душами, ибо я знаю, что тела вы уже осквернили.

Мы нашли местечко посреди поля, улеглись на землю среди календул и предались любовной игре, нагими катаясь по земле. Иногда я видела небо над головой, иногда — цветы внизу. Мы подняли такой шум, что я даже представить себе не могла, что способна на подобное. В эти минуты мне хотелось быть похотливой козой; в эти минуты я и была козой. У меня больше не было ни отца, ни детей, ни мужа, ни мечтаний о море.

Как же мы смеялись! В эти минуты мы, должно быть, выглядели двумя идиотами, у которых нет ни кола, ни двора. Я не знаю, над чем мы так смеялись; возможно, над нашими стремлениями и мечтами.

— Ты вся перепачкалась в пыли ноготков, — сказал Карлос. — Наверное, они сладко пахнут, когда их кладут на могилу, в день Всех Святых, должно быть, все светится от них оранжевым. Когда я умру, позаботься о том, чтобы меня похоронили здесь.

— Но ты же собирался умереть в Нью-Йорке, куда ездил месяц назад, или в Париже. Ты слишком большой космополит, чтобы умереть в этой глуши. К тому же, когда придет твой срок, ты будешь уже совсем стареньким, и тебе будет все равно, как пахнут цветы на твоей могиле.

— Я умру тогда, когда придет время, — ответил он. — И хочу, чтобы моя могила пахла как сейчас твое тело. А теперь нам пора: к двум часам мы должны быть дома. Если не поспеем к обеду, твой муж нас убьет.

— Как же я устала от мужа! — вздохнула я. — Он может убить нас в любой день. Если убьет, пусть нас похоронят здесь, тогда мы сможем трахаться и под землей, никто не помешает.

— Хорошая идея! Но все же давай вернемся, пока нас не убили.

Мы встали и направились к машине. Напоследок я нарвала календул, а дома поставила их на стол в глиняном кувшине.

— Кто же это додумался притащить сюда эту гадость? — спросил Андрес за обедом.

— Я, — ответила я.

— С каждым днем ты все больше сходишь с ума! — проворчал Андрес. — Здесь все же не кладбище. Вынеси их отсюда; держать их в доме — дурная примета, да и пахнут они ужасно. Простите мою жену, — обратился он к гостям. — Порой она бывает чересчур романтична — даже когда это совершенно неуместно. Где ты хочешь сесть, Карлос? — спросил он, когда за столом осталось лишь одно свободное место — возле меня. — Рядом с моей женой тебя устроит?

— Более чем, — ответил Карлос.

— Мог бы и не говорить, — заметил генерал. — Что это за суп, Каталина?

— Грибной суп с цветами тыквы.

— Оно и видно. Моя супруга прямо-таки помешана на цветах, даже в суп их накидала. Хотя суп и в самом деле хорош, очень рекомендую, сеньор депутат, — обратился он к депутату Пуэнте, гостившему в нашем доме.

— Вы поздно вчера легли? — спросил Карлос.

— Не позднее, чем все остальные, — ответил Андрес. — Нам было о чем поговорить,

ведь правда, сеньор депутат?

— Еще бы, — признался депутат.

— Ах, только не это! — взмолилась его супруга. — Тогда мы опять ляжем за полночь, а к тому времени промерзнем до костей.

Это была очаровательная женщина с большими глазами и очень темными ресницами, с высокой грудью и туго затянутой талией. Она очень любила своего мужа. Я никак не могла понять, что она в нем нашла, поскольку он был просто страшным; но она всячески его превозносила, и когда этот тип высказывал свою точку зрения, слушала его с открытым ртом, кивая головой. Возможно, именно поэтому депутат, закончив очередную тираду, всякий раз спрашивал: «Я прав, Суси?», а она всякий раз отвечала: «Разумеется, жизнь моя». Они были настоящей командой. Мне никогда так и не удалось создать такую команду: видимо, не хватило самоотверженности.

— И как прошла игра? — поинтересовалась я.

— Прекрасно, — ответил Андрес. — Я не спрашиваю, как вы погуляли, потому то и без того могу представить, что весьма неплохо. Вот только не могу понять, как можно любить сельскую местность? Сразу видно, что вы там никогда не работали. Лучше скажи, ты навещал своего друга Медину? — спросил он у Карлоса.

— У меня не было времени. Мы были в Тонансингле. Там такая великолепная церковь, я собираюсь устроить в ней концерт.

— Пожалуйста, — ответил генерал. — Завтра мы это организуем, нечего тратить время на Медину.

— Медина — мой друг, и у него серьезные проблемы.

— Глупости! Единственная его проблема в том, что он пляшет под дудку Кордеры и мечтает возглавить ячейку профсоюза в Атлиско. Только эту ячейку в Атлиско скоро поставят раком, и Медину вместе с ней. Это так же верно, как то, что меня зовут Андрес Асенсио.

— Зачем ты в это лезешь, Чинти? — спросил Карлос, снисходительно поглядев на Андреса, как старший на младшего; эти взгляды всегда несказанно бесили генерала. — Пусть рабочие сами решают, кого хотят в лидеры.

— Ну, уж тебя это тем более не должно беспокоить. Занимайся лучше своей музыкой и прочими эфемерными вещами, если хочешь производить впечатление на эрудированных дамочек, но только не лезь в политику, потому что это тоже надо уметь. Ведь я же не пытаюсь дирижировать оркестрами, хотя уверяю тебя, что размахивать руками перед ансамблем марьячи намного проще, чем управлять всякими козлами и уродами.

— Кордера и Медина — мои друзья.

— Ну а я что же? Разве я не твой друг? Вот полюбуйте, депутат Пуэнте, как некоторые люди платят мне за доброту.

После этих слов он покосился на меня и продолжил:

— Или ты не согласна, Каталина? Этот артист уже успел тебя убедить, что, когда левые едины, они непобедимы? Ох уж эти женщины! Ты тратишь силы, объясняешь, воспитываешь, а потом объявляется какой-нибудь попугай, и они уже готовы поверить каждому слову. И моя супруга — отнюдь не исключение, депутат, уж поверьте, она уже уверена, что этот козел Альваро Кордера — прямо-таки святой, готовый бросить собственную жизнь на алтарь счастья бедняков. За всю жизнь она видела его всего три раза, а уже ему верит. Лишь бы поступить назло мужу. Это сейчас модно. Я познакомился с ней, когда ей было шестнадцать,

и тогда она была просто очаровательной малюткой: слушала меня со всем вниманием и как губка впитывала все, что я ей говорил. Тогда она и помыслить не могла, что ее муж может быть неправ, ей бы в голову не пришло где-то бродить до трех часов ночи. Ох уж, эти женщины! Сейчас они уже не те, что прежде. Вечно чем-нибудь недовольны. Надеюсь, ваша супруга, депутат, не принадлежит к числу подобных. Разумеется, она воспитана в добрых старых традициях. О, я вижу, она даже вздохнуть лишний раз не смеет без вашего позволения. Зато посмотрите на мою!

Андрес слишком хорошо меня знал. Он улыбнулся, а затем с набитым ртом продолжал:

— Когда я говорю «моя», я имею в виду вас, сеньора де Асенсио. Все остальное — шелуха, пусть необходимая, но, в сущности, не столь важная.

— Генерал умеет разложить все по полочкам, — заметил депутат Пуэнте.

Карлос под столом коснулся рукой моего колена.

Обед тянулся бесконечно. Когда подали кофе с блинчиками «Санта-Клара», я почувствовала облегчение. В скором времени все разойдутся по комнатам, чтобы вздремнуть после обеда. Я знала, что Андрес никогда не интересуется, чем я занята в это время. Выпив две или три рюмки коньяка, он отправлялся на кухню, благодарил девушек за обед, после чего возвращался к гостям со словами:

— Прошу меня извинить, но я должен побыть один, чтобы закончить работу.

После этого он уединился в одной из дальних комнат, опускал шторы и предавался послеобеденному сну. Сон этот длился ровно полтора часа. Затем он вставал — как раз к тому времени, когда начиналась игра в домино. Моего участия в этой игре не предусматривалось, я должна была лишь обеспечить игрокам кофе, коньяк и полный поднос шоколадных конфет, после чего могла пропадать где угодно и делать все, что заблагорассудится, до самого ужина.

— Пойдем на рынок? — предложила я Карлосу.

— В какой комнате здесь рынок? — спросил он.

Мы беспечно смеялись, когда Андрес вдруг решил отвлечься от своих демагогических речей и вернуться к делам насущным. Я и не заметила, как он подошел и встал позади меня. Его руки легли мне на плечи и чувствительно сжали.

— Прошу нас извинить, но у нас возникли срочные дела, — сказал он.

— Мы с детьми собрались на площадь — кататься на карусели и лазать по деревьям, — объявила я.

— До чего же ты хорошая мать. Скажи, что отведешь их туда, когда начнется игра в домино.

— Ну мама, — заныла Верания. — Когда она еще начнется...

— Андрес, я им обещала, — сказала я.

— Очень хорошо, но тебе и не придется нарушать свое обещание. Тебе же приходилось слышать, что я говорю в таких случаях? Скажи им, что пойдете в шесть. А сейчас ты не можешь.

— Мы подождем здесь, сеньора, — сказал Карлос.

— Ты расскажешь нам о своем папе? — спросил Чеко.

— Конечно, расскажу, когда вам захочется.

— Не задерживайся, мам.

— Не буду, моя жизнь, — ответила я.

Андрес вошел в спальню и закрыл за собой дверь. Он сел на край кровати и попросил

меня сесть рядом.

— Где вы были? — спросил он.

— Можно подумать, ты не знаешь! — ответила я. — Сам же приставил к нам соглядатель, и еще спрашиваешь.

— Я велел этому придурку Бенито присмотреть за вами, а он потерял вас на выходе из церкви. Что у вас, кстати, вышло с этой старой жабой?

Я рассмеялась.

— Она сказала, что намерена изгнать из нас бесов, и обрызгала святой водой.

— А также передала весточку от Медины.

— Нет, никакой весточки от Медины она не передавала.

— Бенито говорит, речь шла о какой-то конюшне.

— Я этого не слышала.

— А про души в чистилище ты тоже не слышала?

— Об этом слышала. Она упоминала их в своей молитве.

— И о чем же еще она упоминала в молитве?

— Я уже не помню, Андрес. Думаю, она просто сумасшедшая. Несла что-то о том, что мы сбились с пути, покинув лоно Божьей матери, и тому подобные глупости.

— А ты вспомни.

— Нет, не помню, — ответила я. — Так я могу идти? Какие у нас планы на сегодняшний вечер?

— Сегодняшний вечер ты проведешь в этой постели, с мужем, — ответил он. — Потому что как шпионка ты никуда не годишься, а роль невесты тебе слишком пришлась по душе.

Я сбросила туфли. Затем взобралась с ногами на кровать и свернулась калачиком у него под боком. Вдохнула.

— Зачем ты хочешь, чтобы я осталась? Почему ты вдруг решил меня облагодетельствовать? Ты прекрасно обходился без меня все эти месяцы.

— В разлуке ты мне стала еще желаннее, — ответил он. — Ты такая красивая.

— А Кончита? — спросила я.

— Не задавай неприличных вопросов, Каталина, — ответил он.

— Да ради Бога! Я всего лишь интересуюсь здоровьем женщин, с которыми ты спишь.

— Какой ты стала вульгарной, — поморщился он.

— С каких это пор мы стали такими утонченными? Ты успел этого набраться, пока охмурял племянницу Хосе Ибарры? Они все такие аристократы! Кстати, она по-прежнему живет на ранчо «Мартинес-де-ла-Торре»? Я слышала, ты заказал для этого дома бархатные портьеры и мебель эпохи Людовика XIV, чтобы она не чувствовала себя такой потерянной среди индейской дикости. И чем же она, бедняжка, занимается, когда ты в отъезде? Ей не скучно? Боюсь, ей только и остается, что вышивать подушечки. Представляю, как она расхаживает в соломенной шляпке с вуалью среди батраков и быков.

— У нас есть дочь.

— Ее ты тоже приведешь к нам?

— Она не хочет ее отдавать.

— Другие тоже не очень-то хотели.

— Сказать по правде, другие были не слишком хорошими матерями, — признался он. — А она — хорошая. Она действительно любит девочку и просила меня не забирать ее, чтобы она не чувствовала себя такой одинокой.

— Ради всего святого, сделай одолжение! Вокруг меня и так хватает детей, не говоря уже о подростках.

— Ну-ну, не стоит жаловаться. Скоро я избавлю тебя от моей Лилии.

— От твоей Лилии? Ну, конечно, теперь ты так сладенько поешь: «Моя Лилия!» Наверное, уже забыл, как кричал на нее в те дни, когда нас познакомил. Тебе не дает покоя, что она любит меня больше, чем тебя, хотя ты ей родной отец, а я — всего лишь мачеха.

— Если она тебе не хамит, это еще не значит, что она тебя любит, — ответил он.

— Можешь говорить все, что угодно. Когда ты привел ее, ей было десять. Сейчас ей шестнадцать.

— Ты считаешь, что это твоя заслуга?

— Я ничего не считаю. Я кормлю ее, одеваю, выслушиваю, а все остальное зависит от нее самой. Здесь все предоставлено себе: и твои дети, и наши общие. Ты считаешь, что я и Чеко ничему не научила?

— Да уж конечно, ничему хорошему. Ну ладно, хватит философствовать, — сказал он и притянул меня к себе. — Лучше сними свитер и ложись рядом. Я гляжу, в талии ты похудела. Как тебе это удалось?

— Мне помогла любовь, — ответила я.

— Ах ты, плутовка, хочешь меня рассердить? Не выйдет: уж я-то знаю, что ты вернее моей любимой кобылы. Ну, иди сюда! Сколько мы не были вместе — с самого сентября, если не ошибаюсь?

— Не помню.

— Раньше ты считала дни до нашей встречи.

Я зевнула и потянулась, потом заворочалась, поудобнее устраиваясь рядом с ним. На мне были вельветовые брюки, и я не стала возражать, когда он решил погладить меня по ноге.

— Просто удивительно, как же ты все еще хороша, — сказал он. — Вполне понятно, что Карлос потерял голову.

— Карлос — мой друг.

— Кончита, Пилар и Виктория — тоже мои подруги.

— А также матери твоих детей.

— Да, потому что они женщины, а женщины не могут быть счастливы без детей. Но ты ведь не собираешься заводить детей от Карлоса?

— Мне вполне хватает твоих. И я не сплю с Карлосом.

— Иди сюда, бесстыдница, и повтори это еще раз, — потребовал он, взяв меня за подбородок, так, чтобы я не могла отвернуться, и глядя мне прямо в глаза.

— Я не сплю с Карлосом, — повторила я, не сводя с него глаз.

— Хорошо, если так, — ответил он и потянулся, чтобы меня поцеловать. — Раздевайся. Неужели это так трудно — снять одежду? — спросил он, пытаясь стянуть с меня брюки.

Я позволила ему это сделать. При этом я вспомнила давние слова Пепы: «В браке бывают минуты, когда нужно закрыть глаза и читать про себя «Богородице, дево». Вот и сейчас я закрыла глаза и стала вспоминать залитое солнцем поле.

— Так значит, ты не спишь с Карлосом? — спросил он через полчаса. — А чем же ты тогда занималась, если вернулась домой вся в желтых пятнах?

— Валялась на цветочной поляне.

— И больше ничего?

— И больше ничего, — ответила я, не открывая глаз.

Он вошел в меня. Я лежала под ним с закрытыми глазами, то представляя солнечный пляж, то думая о том, что приготовить завтра на обед, вспоминая, какие продукты остались в холодильнике.

— Ты — моя жена. Помни об этом, — сказал он чуть позже, лежа рядом и поглаживая меня по животу. Я приподнялась на локте, глядя на его обмякшее тело, и сказала:

— Я уже не боюсь.

— Чего ты не боишься?

— Тебя. Хотя иногда ты все же меня пугаешь. Я не знаю, чего от тебя ждать. Ты смотришь на меня и молчишь, а на рассвете уходишь вместе со своим кнутом и пистолетом, и никуда меня не приглашаешь. Я уже начинаю думать, что ты собираешься убить меня, как тех, других.

— Убить тебя? Как тебе такое в голову пришло? Я не убиваю тех, кого люблю.

— Тогда зачем ты всегда носишь с собой пистолет?

— Чтобы его видели те, кто хочет убить меня. Я никого не убиваю, я уже не в том возрасте.

— Но приказываешь другим убивать.

— По-разному.

— И от чего это зависит?

— От многого. Не спрашивай, ты все равно не поймешь. Я не собираюсь тебя убивать, и никто другой тебя тоже пальцем не тронет.

— А Карлоса?

— Кому нужно убивать Карлоса? С тобой он не спал, с Мединой не встречался, а кроме того, он мой друг, почти младший братишка. Если кто-то посмеет тронуть Карлоса — будет иметь дело со мной. Клянусь жизнью Чеко, это именно так.

Потом он уснул, сложив на животе руки и приоткрыв рот, в одном ботинке, без штанов и в расстегнутой рубашке. Я какое-то время посидела рядом, глядя на него. В эти минуты он казался просто замухрышкой. Я припомнила список его любовниц. Как они могли в него влюбиться? Что они в нем нашли? Его шуточки? А ведь я и сама в нем что-то находила, ведь я любила его, и когда-то даже считала, что нет никого красивее, умнее, храбрее и лучше. Ведь бывали ночи, когда я не могла уснуть, не чувствуя рядом его тела, долгие месяцы тосковала в разлуке с ним и несчетное количество одиноких вечеров ломала голову, где он и чем занимается. Теперь этому пришел конец. Теперь я мечтала удрать с Карлосом — хоть в Нью-Йорк, хоть на бульвар Хуареса. Тридцатилетняя идиотка, имеющая двоих детей и мужчину, которого любит больше, чем их, больше самой себя, сейчас и он ждет снаружи, чтобы отправиться на рынок.

Я вскочила с постели. Потом оделась — за считанные секунды. Ведь там, снаружи, ждет Карлос, а я тут теряю время, таращась на этого сонного медведя.

— Прощай, — шепнула я, представив, как выхватываю из-за пояса кинжал и перерезаю нить, связывающую меня с прошлым.

Я вышла во двор и громко крикнула:

— Дети, Карлос, пойдете! Я уже готова.

Уже начало смеркаться. В главном дворе никого не оказалось. Я бросилась в сад. Поднялась по лестнице, позвала их, но никто не появился. Свет в их комнатах был потушен, лишь в спальне Лилии светилось окно. Я толкнула дверь в ее комнату.

— Что случилось, мама? — спросила она. — Кричишь так, будто на тебя небо рухнуло.

Она была очень красива — в приталенном халатике, с детским личиком и чистой кожей. Она вынула гребни из волос, и блестящие локоны рассыпались по плечам.

— Куда это ты собралась? — спросила я.

— На ужин с Эмилио, — ответила она таким тоном, каким ее отец отвечал мне: «Пошел на службу».

— Какая напрасная трата времени, любовь моя. Тебе всего шестнадцать лет, у тебя изумительная фигура, сияющие глаза и светлая голова, только бы учиться. Мне больно думать, что все это окажется в постели Милито. Придурка Милито, недоумка Милито, слюнтяя Милито. Полного ничтожества, папенькиного сынка. Папаша его, между прочим, тот еще хапуга, как, кстати, и твой, только еще воображает себя аристократом. Как это печально, любовь моя. Ты потом всю жизнь будешь об этом жалеть.

— Не преувеличивай, мама. Эмилио хорошо играет в теннис. Он, конечно, не красавец, но все же и не урод. Он очень обходителен, прекрасно одевается, и папе очень нужно, чтобы вышла за него замуж.

— Это уж точно, — сказала я.

— И он любит музыку. Мы с ним будем ходить на концерты Карлоса.

— Разумеется. Карлос сейчас вошел в моду, а для него это хорошая возможность сидеть два часа, ни о чем не думая, — ответила я.

Двери наших комнат выходили на открытую галерею, украшенную подвесными вазами с цветами.

— Здесь холодно, — заметила она. — Может, пойдем ко мне и поговорим там?

Она прошла в свою комнату, я последовала за ней. Она остановилась перед туалетным столиком, чтобы причесать и уложить волосы.

— Куда они подевались? — спросила я. — Почему ушли без меня?

— Потому что они больше тебя не любят, — дурашливо ответила она и рассмеялась еще детским смехом.

— Они ничего не передавали? — спросила я.

И тогда вспомнила про вазон с папоротником в комнате Карлоса.

— Как же ты похорошела, любовь моя! — сказала я Лилии. — Я буду в комнате для шитья. Загляни ко мне.

После этих слов я бегом бросилась в комнату Карлоса, к вазону с папоротником. Раздвинула листья и нашла среди них записку, в которой сообщалось:

«Любимая! Я думал, ты скоро придешь, ведь ты была уже одета. К сожалению, я вынужден уйти, поскольку неожиданно получил сообщение от Медины. Он будет ждать меня в шесть часов у дверей церкви святого Франциска. Я взял с собой детей и воспоминания о твоей круглой попке. Целую в губы. К.В.».

Я бегом спустилась по лестнице, ведущей на главный двор. Там я столкнулась с Андресом, он только что проснулся.

— Ну, кто готов играть в домино? — спросил он.

— Насчет домино не знаю. Карлос и дети ушли к церкви святого Франциска. Я иду за ними. Я не проходила через салон для игр, но там наверняка уже кто-то есть. Я сказала Лусине, чтобы она подала тебе кофе и шоколад, — все это я выпалила одним духом, как из пулемета.

— Карлос увел с собой детей? Кто ему позволил? — закричал Андрес.

— Он всегда берет их с собой! — крикнула я в ответ, спускаясь по лестнице, ведущей в гараж.

Машины я нашла у входа в гараж; это оказался кабриолет. Я прыгнула за руль и молнией понеслась к церкви Святого Франциска. Добравшись до парка, я сбавила скорость, рассудив, что вряд ли Карлос и Медина стали бы беседовать прямо возле церковных дверей; скорее уж Карлос выберет место, где дети могли бы поиграть, дав возможность им с Мединой спокойно поговорить. Но я так и не увидела их ни среди деревьев, ни у фонтанов, ни пьющими воду, которую извергали изо рта керамические лягушки. Не было их ни на качелях, ни на горке, ни в остальных местах, где они любили играть.

Карлоса я тоже не увидела — ни на скамейках, ни за столиком летнего кафе. Я разъярилась. Ну почему, почему он полез в политику? Дирижировал бы своим оркестром, сочинял бы странную музыку, встречался бы с друзьями-поэтами и любил бы меня. Так нет, какой-то черт дернул этого идиота влезть в политику! Почему его другом оказался именно Альваро, а не кто-нибудь попроще? И где их теперь носит? Уже похолодало, а они наверняка не взяли с собой свитеры. Теперь все трое заболеют гриппом, а я уж точно подхватю пневмонию в этой чертовой открытой машине. Так где же их носит? Или они в самом деле отправились на рынок?

Я припарковала машину у подножия церковной лестницы и бросилась по ней вверх. Может быть, они ждут меня там?

Церковный двор был длинным, без решеток; в дальнем конце виднелась церковь, украшенная изящными башенками и цветными изразцами. И там, возле запертых дверей церкви, прямо на земле сидели дети.

— Что случилось? — спросила я, когда увидела их — в одиночестве и удивительно притихшими.

— Дядя Карлос куда-то ушел со своими друзьями и просил нас подождать его здесь, — ответил Чеко.

— Когда он ушел? — обеспокоенно спросила я. — И что за это друзья, Верания?

— Не знаю, — ответила Верания.

— А это точно не Медина? Помните, тот сеньор, вместе с которым мы покупали мороженое на рынке в Атлиско?

— Нет, это не тот сеньор, мама, — убежденно ответила десятилетняя Верания.

— Ты уверена?

— Да. Чеко считает, что это были его друзья, потому один взял его под руку и сказал: «Пошли, приятель», но дядя Карлос не хотел идти. Он пошел, потому что у них были пистолеты, и велел нам оставаться здесь, сказал, что если не вернется в ближайшее время, то за нами придешь ты.

— Почему вы не позвали священников? Где были священники? — спросила я.

— Только что закрыли дверь, — объяснила Верания.

— Священники! Всегда бесполезны! Священники! Священники! Священники! — заорала я, молотя по двери церкви.

В ней показался монах.

— Вам что-то нужно, сестра? — спросил он.

— Час назад отсюда увели одного человека, который пришел с моими детьми, его забрали вооруженные люди, забрали силой, а вы уже в шесть вечера закрыли дверь. Вы так изворачиваетесь, чтобы открывать свои церкви, и держите их закрытыми. Кто вам велел

запереть дверь? — набросилась я на монаха.

— Не понимаю, о чем вы, сестра. Успокойтесь. Мы закрыли дверь, потому что рано темнеет.

— Вы никогда не понимаете того, что вам не нравится. Идемте, дети, быстро в машину.

Глава 19

Я с воплями ворвалась в дом, испуганные дети молча цеплялись за мой жакет. Я помчалась по лестнице, миновав все пять пролетов, пока не добралась до игрового салона; влетела в комнату, прижимая руки к груди и заражая всех своей паникой.

— Что это с тобой? — спросил Андрес, открывший мне дверь. Во рту у него торчала сигара, в одной руке он держал бокал бренди, а в другой — костяшку домино.

— Кто-то увел Карлоса, — медленно ответила я — без всякого крика, как если бы говорила о чем-то будничном. — Дети сидели одни перед дверями запертой церкви.

— И кто же, по-твоему, его увел? Он вообще должен был оставаться в доме, я предупреждал его, чтобы никуда не ходил. И что же, он оставил детей в одиночестве? Какая безответственность!

— Дети сказали, что его увели силой, — ответила я ледяным тоном.

— У твоих детей богатое воображение. Уложи их спать — именно это им сейчас нужно.

— А ты что собираешься делать? — спросила я.

— Начать игру, у меня как раз шестерки.

— А как же твой друг?

— Ничего, скоро вернется. Если же нет, поговорю с Бенитесом, пусть пошлет полицейских на поиски. Ты собираешься переодеть детей в пижамы или нет?

— Я переодену их в пижамы, — ответила я, чувствуя, будто в мое тело вселился кто-то другой и затыкает мне рот. Я взяла детей за плечи и подтолкнула их к лестнице, мы спустились на второй этаж.

Там мы столкнулись с Лилией, она как раз выходила из своей комнаты — в черном платье с красной отделкой, темных чулках и туфлях на высоких каблуках. Волосы она подобрала вверх двумя высокими серебряными гребнями и накрасила губы. Моя мама уж точно не одобрила бы такого наряда.

— Можно мне взять твоё каракулевое манто? — спросила она. — А то я своё испачкала мороженым. — Ты нашла Карлоса?

— Нет, — ответила я, кусая губы.

— Бедная мама, — воскликнула Лилия и обняла меня.

Мне хотелось кричать, выть, рвать на себе волосы, со всех ног мчаться его искать.

Лилия погладила меня по голове.

— Бедняжка! — повторила она.

Я нехотя выпустила из объятий её тело, пахнущее духами.

— Какая ты красивая! — сказала я. — Уже уходишь? Ну-ка, повернись, я посмотрю, как ты надела чулки. А то у них швы всегда перекошены.

Она медленно повернулась кругом.

— Поправь левый чулок, — велела я. — И возьми в моей комнате любое манто, какое захочешь. Только не целуйся с Эмилио. Не стоит раньше времени кидаться ему на шею.

Она снова поцеловала меня и бегом бросилась вниз по лестнице.

Я отвела детей в детскую. Когда они уснули, погасила свет и прилегла рядом с

Веранией. Я лежала лицом вниз, обхватив себя за плечи, а по щекам потоком лились слезы.

«Пусть хотя бы не причинят ему страданий, — сказала я себе. — Пусть его убьют сразу, без мучений. Надеюсь, ему не разобьют лицо и не сломают руки. Молюсь, что кто-нибудь окажет милость и просто его застрелит».

— Сеньора, — окликнула меня Лусина, входя в комнату. — Сеньор желает ужинать.

— Так накрывай, — ответила я хрипло.

— Он хочет, чтобы вы тоже спустились. Велел передать, что пришел губернатор.

— А сеньор Карлос? — спросила я.

— Нет, сеньора, его нет, — ответила она, присаживаясь на край постели. — Мне очень жаль, сеньора, вы же знаете, как я вас люблю, я так радовалась, видя вас счастливой, вы же знаете...

— Его убили? — перебила я. — Это Хуан тебе сказал?

— Не знаю, сеньора. Хуан выглядел просто больным, когда ему сообщили... Машину вел Бенито. Мы хотели сразу вам сказать, но что мы могли сделать, если генерал вас запер...

Я вновь закрыла лицо руками. Плакать уже не было сил.

— А Бенито? — спросила я наконец.

— Он еще не вернулся.

Я встала.

— Передай генералу, что я сейчас спущусь, и попроси Хуана подняться.

Я надела черное, а также серьги и медальон, которые подарил мне Карлос — итальянские, медальон был украшен голубым цветком, на одной стороне было выгравировано слово «mamá», а на другой — дата, 13 февраля.

Я вошла в столовую как раз в ту минуту, когда Андрес рассаживал гостей.

— Мое почтение, сеньора, — сказал Бенитес.

— Она этого не заслужила, губернатор, раз опоздала к ужину, — заявил Андрес.

— Простите, — ответила я. — Я укладывала детей и тоже задремала.

В столовой оказалось гораздо больше людей, чем я ждала.

— Ты знакома с генеральным прокурором штата? — спросил Андрес.

— Конечно, и рада видеть его в нашем доме, — ответила я, не подавая руки.

— А с начальником полиции?

— Нет, но рада познакомиться, — ответила я. Чтоб он провалился.

— Сеньор губернатор любезно почтил нас визитом, едва я известил его об исчезновении нашего друга Карлоса Вивеса, — пояснил Андрес.

— Не лучше ли было бы заняться его поисками? — спросила я.

— Думаю, они хотели бы собрать побольше информации, — высказал свое мнение депутат Пуэнте.

— Как случилось, что ваши дети остались на улице одни? — спросила у меня Суси Диас де Пуэнте. — Полагаю, дона Карлоса похитила какая-нибудь его поклонница.

— Будем надеяться, что это так, — ответила я.

— Дамы, это серьезно, — сказал Андрес. — Карлос был другом Медины, а Медину сегодня утром убили. Губернатор, вы уже в курсе, что случилось с Мединой?

— Более или менее. Вроде как убили его же люди. В профсоюзе немало радикалов, а Медина сумел убедить большинство своих сторонников, что им стоит объединиться с Конфедерацией рабочих. И теперь какой-то сумасшедший решил отомстить ему за здравомыслие, которое посчитал изменой.

— Что-то мне не верится, что Медина действительно собирался объединиться с Конфедерацией рабочих, — сказала я.

— Это почему же? — поинтересовался Андрес.

— Потому что я знаю Медину. Карлос его очень любил.

— Надеюсь, не настолько сильно, и не бросился его защищать, — сказал Андрес. — Он всегда был безответственным. Вот, например, сегодня за обедом я просил его посвятить себя музыке и не лезть во всякие сомнительные делишки. Но разве он меня слушает? Он же настоящий провокатор!

— А мне он кажется хорошим парнем, — сказал прокурор. — И музыкант великолепный.

— Будем надеяться, что с ним ничего не случилось, — выразил надежду начальник полиции.

Когда Андрес был губернатором, он служил заместителем начальника полиции. Омерзительный тип, его даже прозвали Залежалым Сыром, до того был никчемным. Но с том, что произошло, он точно знал все подробности.

Подали ужин. Андрес громко восхвалял мои кулинарные таланты, а разговор шел о каких-то пустяках, словно ничего и не случилось. За столом прислуживала Лусина.

— Еще фасоли, сеньора? — спросила она, остановившись возле меня. И, наклонившись, прошептала на ухо: — Хуан говорит, что его держат в доме номер девяносто.

— Да, еще немножечко, — ответила я, стараясь скрыть волнение.

— Ваша стряпня поистине великолепна, сеньора, — сказал Бенитес. — Что правда, то правда.

— Благодарю вас, сеньор губернатор, — ответила я, глядя ему в глаза.

Неожиданно я встретила взглядом с прокурором Тирсо, сидевшим рядом с ним. Это был уважаемый всеми юрист, который никогда не хотел прислуживать Андресу.

Я удивлялась, что мой муж подружился с Бенитесом. Это был странный человек. Когда он смотрел на меня, в его взгляде сквозил несомненный интерес.

— Вы чем-то обеспокоены, не так ли? — спросил он.

— Я волнуюсь за Карлоса, — ответила я.

— Обещаю, что сделаю для него все возможное, — заверил он.

— Спасибо на добром слове, — сказала я и обратилась ко всем остальным:

— Пойдемте в гостиную пить кофе?

— Пойдемте, — согласился мой муж, вставая из-за стола.

Вслед за ним поднялись остальные, повторяя каждое его движение, как мартышки. Все прошли в гостиную, и я тут же воспользовалась случаем, чтобы обратиться к Тирсо Сантильяне.

— Вы ведь доверяете губернатору, правда?

— Разумеется, сеньора, — ответил он.

Я любезно улыбнулась, как если бы речь шла о каких-нибудь пустяках.

— Карлоса держат в доме номер девяносто. Умоляю, спасите его!

— О чем это вы?

— Дом номер девяносто — это тюрьма для политзаключенных. Она появилась в те времена, когда мой муж был губернатором, и существует до сих пор. Карлос там.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Какая разница? Так вы туда поедете? Велите его выпустить, пусть просто бросят на

улице. Скажите, что у вас об этом сообщили в конторе. Умоляю вас, поторопитесь!

После этих слов я рассмеялась с притворной беспечностью, и он рассмеялся в ответ.

— Сеньор губернатор, я ухожу, — сказал он. — Хочу узнать в конторе, есть ли какие-нибудь новости.

— Этот Сантильяна — непревзойденный работник, — сказал Андрес. — Я всегда хотел, чтобы он работал на меня, но не уговорил его. Как тебе-то удалось его привлечь, Фелипе?

— Повезло, — ответил Бенитес. — Идите, сеньор прокурор.

Начальник полиции Пельико чувствовал себя не в своей тарелке. Если прокурор уедет, ему тоже придется откланяться, а он не имел ни малейшего желания это делать. Он так уютно устроился в кресле, с кофе и бренди.

— А вы ведь останетесь, сеньор Пельико? — спросила я.

— Если вы просите, сеньора, у меня просто нет выбора, — сказал он, поудобнее устраиваясь в кресле и принимаясь за мятую шоколадку.

— Я провожу вас, прокурор Сантильяна, — сказала я, взяв под руку прокурора и направляясь к дверям. Андрес украсил стены прихожей геральдическими щитами. За дверью прятался Хуан.

— Хуан, что случилось? — спросила я.

— Бенито отвез их в дом номер девяносто, больше я ничего не знаю.

— Отвезите меня туда, — попросил Тирсо.

— Я поеду с вами, — сказала я.

— Хотите всё испортить? — спросил он.

Я проводила их и вернулась в гостиную, вся дрожа.

— Ты что, говоришь сама с собой, Каталина? — спросил Андрес, когда я вошла.

— Повторяю таблицу умножения, чтобы не опозориться перед Чеко, когда буду проверять, как он ее выучил, — ответила я.

— Была бы ты мужчиной, стала бы политиком, ты упрямее всех нас вместе взятых.

— У вас просто изумительная жена, генерал, — сказал Бенитес.

— Попрошу, чтобы принесли дров для камина, — пробормотала я. — Здесь ужасно холодно.

Чарро Белый — так звали певца, которого Андрес пригласил в этот вечер играть для нас на гитаре, альбиноса с печальным голосом, звучавшим одинаково тоскливо, что бы он ни пел; казалось, ему было совершенно все равно, слушают его или нет; впрочем, а слушатели спокойно обсуждали под его аккомпанемент свои дела.

Он сел возле камина, рядом со мной, и запел:

— «По далеким горам скачет всадник, он блуждает, один в этом мире, он ищет смерти».

— Чарро, сыграй лучше «Молнию», — потребовал Андрес. — Ты что, не видишь, что нам и так невесело?

Чарро сменил мелодию и начал другую песню:

— «Я отдал бы всё, чтоб ее любить, мне страшно, что сильнее любить невозможно. О молния, ярость неба, прими же мою тоску...»

— Это же надо — так испоганить песню! — поморщился Андрес. — Еще раз, с самого начала!

И запел сам, гости сидели молча, потому что все знали: когда поет Андрес, никто не смеет проронить ни звука. Чарро вернулся в центр круга. Андрес вскоре стал называть его братом, уговаривая сыграть одну песню за другой.

— Спой, Каталина, — попросил он под конец. — Только не стой против света, так тебя плохо видно. Спой «Вдали от тебя».

— Давайте споем ее вместе, Катита, — поддержал его Чарро, однако затянул снова в одиночку.

Закончил он петь как раз в ту минуту, когда в гостиную вошел Тирсо.

— Я нашел Вивеса, — сказал прокурор. — Он мертв.

— Где вы его нашли? Сеньор губернатор, я требую правосудия! — воскликнул Андрес.

— Как это случилось, Тирсо? — спросил Бенитес.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, сеньор, но могу представить отчет прямо сейчас. Я нашел его в тайной тюрьме. Тамошние люди говорят, что исполняли приказы майора Пельико.

Его слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Пельико взглянул на Андреса.

— Бенитес, объясните, в чем дело! — возмущенно крикнул Андрес. — Что еще за тюрьма? Где Карлос? Кто его туда доставил?

— Тирсо, объяснитесь, это серьезные обвинения, — потребовал губернатор.

— Не понимаю, о чем вы говорите? — закричал Пельико.

Жена Пуэнте упала в обморок. Сам Пуэнте начал произносить речь, словно у себя в Палате депутатов. А я вышла из комнаты.

Возле машины Тирсо стояла Лусина. Хуан обнимал ее за плечи.

— Где он? — спросила я.

— Там, внутри, но вам лучше его не видеть, — ответил Хуан.

Я открыла дверцу и увидела его голову. Я погладила его волосы, слипшиеся от крови. Закрыла ему глаза. На воротнике и рубашке была кровь. И пулевое отверстие в затылке.

— Помогите отнести его в дом, — попросила я.

Вместе с Хуаном, шофером Тирсо и Лусиной мы отнесли его в комнату с папоротником и уложили на кровать. Потом я попросила их выйти. Не знаю, сколько я просидела рядом на корточках, глядя на него. Потом в комнату вошли Андрес и Бенитес.

— Я же предупреждал! — воскликнул Андрес, приближаясь к смертному ложу Карлоса. — Почему ты меня не послушал?

— Мы похороним его в Тонансинтле, — сказала я, вставая с края кровати и направляясь к двери.

Я вышла из комнаты. В галерее было темно, но света все же хватало, чтобы не наткнуться на вазоны с цветами. Гостевые комнаты помещались на третьем этаже, рядом с фронтоном и бассейном. Здесь, конечно, было освещение, но два дня назад мы с Карлосом его испортили, чтобы я могла подниматься к нему незамеченной. Дети спали на втором этаже, а на первом — только Андрес и я. Таким образом, от комнаты с папоротником до нашей спальни мне предстояло пять минут пути по лестницам и коридорам. Я уверенно шла сквозь темноту, ведь мне было не впервой ночью ходить по дому, пересекла сад и направилась в свою комнату. Там я расчесала волосы, надела черное пальто и отправилась на кухню в поисках Хуана. Он отвез меня к гробовщику Гайоссо.

— Вы могли бы позвонить, сеньора, — сказал сонный гробовщик, стараясь казаться любезным.

— Мне нужен деревянный гроб — просто деревянный, без всякого железа, без черных финтифлюшек и без креста, — заявила я.

Гроб прибыл к девяти часам утра. А уже к одиннадцати мы все были в Тонансинтле.

Ярко светило солнце, на кладбище толпился народ. Бенитес пригласил музыкантов, студентов консерватории, партийных деятелей. Из Мехико прибыл Кордера. Он шел за гробом рядом со мной.

У кладбища в Тонансинтле не было ограды; оно располагалось рядом с церковью, на склоне холма. Было второе ноября — день поминовения усопших, и у многих могил собрались родственники, принеся с собой цветы, горшочки с моле, хлеб и сладости. Я велела собрать все календулы с того поля, где мы с ним были позавчера; получилось никак не меньше пятисот букетов. Я распределила их между свитой Бенитеса и рабочими, приехавшими вместе с Кордерой. Каждый должен был возложить цветы на могилу Карлоса.

Могильщики поставили деревянный гроб с его телом возле свежевырытой могилы. Андрес, встав возле гроба, произнес речь:

— Товарищи трудящиеся, дорогие друзья! Карлос Вивес пал жертвой тех, кто не желает, чтобы наше общество пошло по пути мира и согласия. Мы не знаем, кто оборвал твою жизнь, твою прекрасную жизнь, кто решил, что твоя жизнь представляет для него опасность, но не сомневаемся, что он заплатит за свое преступление. Гибель такого человека, как Карлос Вивес — потеря не только для меня, моей семьи и друзей, для тех, кто его любил; прежде всего, это невосполнимая потеря для всего общества. Я мог бы бесконечно перечислять все его качества, которыми он служил своей родине, и все те труды, которыми он обогатил дело революции. Но не могу, скорбь сжимает мне горло.

И так далее, и тому подобное.

Потом выступал Кордера. Происходящее казалось совершенно нереальным, как будто я смотрела кино.

— Карлос, — начал он. — Ты навсегда останешься в наших сердцах как человек безупречной честности, ума и отваги. Мы не собираемся молить о правосудии, мы сами его свершим. Ты отдал жизнь во имя нашего дела. Мы знаем, кто повинен в твоей гибели: это дело рук сильных мира сего, тех, кто владеет оружием и тюрьмами. Тебя убил не бедняк, не рабочий, не студент, не ученый. Нет, тебя убил вождь, тиран, угнетатель народа, стоящий у власти...

И так далее, и тому подобное.

Когда он закончил, пеоны подняли гроб, чтобы опустить его в могилу. Туда же я бросила и свой букет.

— Вот и сбылось твое желание. Теперь вся твоя могила завалена этими цветами, придуток.

И я бегом бросилась к машине, чтобы никто не увидел моих слез.

Всю следующую неделю я слышала речи. Я ошеломленно обнаружила, что и Конфедерация рабочих, и Союз мексиканских рабочих, и губернатор, и Родольфо, и Кордера, и Андрес хором повторяют одно и то же. Все они, как один, заявили, что Карлос был великим человеком, что мы должны отомстить за его смерть, что убийцы получают по заслугам, а мы должны избавить страну от предателей и смутьянов. Друзья Карлоса опубликовали в газете письмо, где требовали правосудия, превозносили достоинства покойного Вивеса и горько сетовали об утрате, которую понесло искусство.

В газетах также упоминались имена людей, с которыми мой муж часто говорил по телефону, называя их Эфраимом и Ренато. Я этих людей не знала. Андрес говорил, что лучше мне в это дело не лезть, мол, никто не должен заподозрить, что им больше не доверяют, в том числе, и сами Эфраим и Ренато, ведь они были его близкими друзьями и

натворили столько всяких безумств, что непременно догадаются, когда подобное вытворяет кто-то другой. Я вырезала из газет все публикации и складывала в серебряную шкатулку, спрятанную в дальнем углу гардероба, где кроме газетных вырезок хранила записки Карлоса, фотографию, которую мы сделали на Аламеде, и все публикации, где упоминалось его имя — с самого первого концерта, даже плохие отзывы критиков. Была там и фотография Карлоса, когда он дирижировал оркестром — с упавшей на лоб челкой и вздымающимися кверху руками. Я решила, что когда-нибудь вставлю ее в рамку.

Тирсо закрыл дом номер девяносто, губернатор вызвал Пельико и выразил ему свое удивление и возмущение, а сам Пельико прибежал к нам в поисках Андреса. Я как раз стояла на галерее второго этажа, облокотившись на перила, когда увидела, как он вошел в кабинет мужа.

Через несколько дней газеты подняли страшный шум, Бенитес заявил, что будет бороться с коррупцией, Андрес высказал уверенность в том, что свершится правосудие, а Пельико арестовали.

Спустя несколько месяцев из тюрьмы Сан-Хуан-де-Дьос бежали семь человек. Среди них был и Пельико. Вскоре он прислал нам рождественскую открытку из Лос-Анджелеса.

Глава 20

Я осталась в Пуэбле. Мне было страшно возвращаться в Мехико. В доме на холме меня защищали стены и дорогие сердцу воспоминания. Мне не хотелось новых проблем и сюрпризов. Я бы предпочла состариться, наблюдая за протекающей мимо жизнью, сидя в саду или у камина в маленьком домике с видом на кладбище в Тонансингле, который я купила, чтобы иметь убежище на тот случай, когда хотелось спрятаться от всего света, выть и рыдать в одиночестве. Крошечный кирпичный домик, где помещались лишь кресло-качалка и стол, на котором стояли шкатулки с фотографиями и газетными вырезками. Солнце в него не заглядывало, поскольку во дворе росло огромное дерево, сплошь оплетенное бугенвиллеей, ее плети перекинулись на крышу дома, заплели ее всю и свешивались с краев на окна. Там я рыдала в голос, после чего засыпала прямо на полу, а затем, проснувшись с опухшими от слез глазами, возвращалась в Пуэблу — до нового приступа тоски.

После смерти Карлоса Лилия взбунтовалась против отца. Она больше не доверяла ему и старалась постоянно держаться возле меня. Мы вместе ходили за фруктами на рынок Ла-Виктория, она таскала меня с собой к Веракрусским воротам за платьями и обувью, которые покупала почти каждый день. Она стала носить золотые браслеты с огромными подвесками. Когда она приближалась, то звенела, как корова с колокольчиком.

Я не любила посещать магазины в Эль-Пуэрто, поскольку туда ходили за покупками любовницы Андреса. У него были счета во всех лавках, и он оплачивал их вместе со счетами дочерей, одну из которых я как раз и сопровождала. У меня же счетов не было. Так что я соглашалась туда ходить только ради Лилии. Я ее очень любила, она была такой же любопытной и неугомонной, как я сама. И готовой на самую отчаянную выходку. Другие дочери Андреса не были такими.

Ей надоело подчиняться отцу и принимать от семьи Алатристе приглашения на ужин. Она влюбилась в парнишку по фамилии Уриарте. У него был мотороллер марки «Индия», и Лилия часто сбегала из дома, чтобы прокатиться с ним по шоссе, ведущему на Веракрус. Я всегда их покрывала и вскоре тоже подружилась с этим парнем. Я была благодарна ему за

то, что избавил меня от необходимости породниться с Алатристе.

Эмилито вернулся к Хорхине Летоне, которая всегда его прощала и терпела то, что они встречались уже восемь лет, а он всё не принимал решения. Хорхина была очень красива и влюблена в него, как кошка. Ни у кого на свете не видела я таких глаз. У нее были темные загнутые ресницы, брови как нарисованные, а глаза — медового цвета, как и волосы до плеч. Я никогда не слышала ее смеха, она только улыбалась, сверкая мелкими ровными зубами — так непосредственно, что можно позавидовать.

Однажды мы с Лилией столкнулись с ними на бульваре Реформ; они прогуливались под ручку и ворковали, словно голубки. Увидев нас, Эмилито застыл на месте. Никогда не забуду идиотского выражения на его физиономии.

— Ну не смешно ли — выходить за такого замуж? — возмущалась Лилия после этой встречи. — Если он даже до свадьбы наставляет мне рога!

Я обняла ее за плечи и сказала, что она совершенно права, и я готова благословить тот день и час, когда в ее жизни появился Уриарте, чтобы спасти от этого унижения.

Четыре дня спустя после злополучной встречи на бульваре Реформ Эмилито устроил Лилии серенаду под окнами, притащив с собой рояль, перегородивший всю улицу. Рояль — это еще что! Играл на нем Агустин Лара, а пел Педро Варгас. Прямо всё мексиканское радис у дверей нашего дома.

Лилия выскочила из своей комнаты и бегом спустилась к нам, в розовом халатике и босиком.

— Что мне делать, мама? — спросила она.

Ее отец вскочил с постели и бросился к окну.

— Зажги свет, дуреха, — ответил он. — Вот что тебе надо делать.

— Если я зажгу свет, он подумает...

— Зажги свет! — крикнул Андрес.

— Если не хочешь — не зажигай, — сказала я. — А то этот парень, чего доброго, еще решит, что его уже простили.

— Не знаю, что он там решит, — заявил Андрес. — А вот я уже решил, что стану его тестем.

— Но если Лилия этого не хочет... — возразила я.

Тем временем на улице заиграли «Фонарик», и Лилия выглянула в окно через щель между шторами.

— Он такой некрасивый, — сказала она. — И лицо такое несчастное.

— Разумеется, несчастное, — хмыкнул Андрес. — Учítывая, что ты изменяешь ему с этим придурком на мотороллере.

— Оно не поэтому несчастное. Ты же прекрасно знаешь, что парень влюблен в Хорхину Летону.

— Молчи, Каталина. Не стоит забивать девчонке голову всякими грязными сплетнями. Зажги свет, Лилия.

— Имей в виду, я все равно не согласна, — сказала я, выбираясь из постели.

— Выйди к нему, дочка, — велел Андрес. — Не слушай ее. Она просто завидует.

Девочка тут же запрыгнула на мое место в постели. Так они и слушали музыку, с зажженным светом, и никто не заметил, как я спустилась вниз, в комнату для прислуги, и разбудила Хуана. Я попросила его выбраться из дома через заднюю дверь и сообщить Уриарте о серенаде.

Как я и предполагала, парень появился через пятнадцать минут вместе с десятком друзей, гитарой и ружьем.

С улицы донеслись крики.

— Лилия! Выйди и скажи этому пижону, кого из нас ты любишь, — взывал Хавьер Уриарте, а тем временем его друзья вскочили на рояль, затолкали в машину Агустина Лару и теперь тащили туда же Педро Варгаса. Телохранитель прикрыл Эмилито рукой и двинулся на Хавьера. Друзья Уриарте палили в воздух и кричали:

— Прочь, прочь! Гоните их в шею!

Эмилито отстранил телохранителя и оказался лицом к лицу с Уриарте. В ту же секунду они сцепились и стали кататься по земле.

Андрес, позабыв о своем высоком положении, бросился к окну, чтобы полюбоваться на драку, как на боксерский поединок. Эмилио пока держался, но ему явно не доставало мастерства. Лилия наблюдала за ними из окна, стоя рядом с отцом, и грызла ногти.

— Ну что ты плачешь? Радоваться надо! — сказал Андрес.

Но Лилия с ним не согласилась. Она отошла от окна, одернула халатик и вышла из двери, направившись к драчунам. Недолго думая, она встала между ними.

Эмилито, задыхаясь, пытался выплюнуть изо рта собственный галстук. Уриарте бросился к Лилии и обнял ее. Секунду спустя в дверях появился Андрес, окликая ее по имени.

Девушка высвободилась из объятий Хавьера и вернулась в дом. Она прошла мимо отца, даже не взглянув на него, и двинулась по коридору прямо ко мне.

— Он его убьет, — сказала она, не в силах даже плакать. — Убьет, как убил твоего Карлоса.

Я обняла ее за талию, и мы поднялись в ее спальню, где стояли, сгрудившись у окна, все ее сестры и младшие дети.

Они встретили ее аплодисментами. Мы видели, как Андрес похлопал Эмилито по спине. Хавьер и его друзья направились к фонтану, и спустя несколько минут на улице вновь воцарилась тишина.

На следующей неделе Уриарте позвонил Лилии. Я слышала, как она говорила с ним по телефону в спальне:

— Я не могу. Папа приехал.

Через какое-то время мы услышали рокот мотороллера. Хавьер сделал петлю вокруг дома, непрерывно нажимая на клаксон, пока Лилия не бросила ему записку со словами «Я тебя люблю». Хавьер спрятал ее под пиджаком.

Уже около полугода она не желала разговаривать с Эмилио. Полгода она встречалась с Хавьером и чувствовала себя окрыленной. Но все закончилось, когда тот свалился на мотороллере в овраг. Никто не знал, как это случилось, но живым оттуда он не выбрался.

Родители Хавьера достали его тело и похоронили на Французском кладбище. Все прошло тихо и незаметно. Я проводила бедную девочку на кладбище и оставила ее там одну — плакать и просить прощения бог знает за какие грехи.

В скором времени Эмилио явился поговорить с генералом Асенсио.

Андрес принял его в своем странном кабинете — длинном, словно коридор. На одной стене висели седла, на другой — костюмы тореро из Саламанки и Андалусии. В глубине стояло большое бюро, заполненное сигарами и зажигалками. У Андреса имелось добрых четыре сотни всевозможных зажигалок; он любил с ними развлекаться, щелкая то одной, то

другой, пока выслушивал посетителей.

Когда они закончили разговор, он позвал меня и сообщил:

— Через несколько месяцев Лили выходит замуж за Эмилио. Сообщи ей об этом и проследи, чтобы не наделала глупостей.

Я улыбнулась и положила руку на плечо Эмитито. Мы вышли в сад, где находилась Лилия.

Глава 21

В тот год они поженились на ранчо в Атлиско. Присутствовала вся Мексика. Начиная с крестного отца — президента, и заканчивая министрами, военачальниками и пятнадцатью губернаторами, а также всеми богатыми жителями Пуэблы. Лусине и Хуану пришлось сдерживать гостей, чтобы молодоженов не раздавили.

Никогда не забуду, как Лили танцевала с отцом, опираясь на него, словно нуждалась в защите. Андрес провел ее, обнимая за талию, по всему огромному саду с вековыми деревьями, помню реку, куда утром в Матаморосе бросали цветы, чтобы к трем часам дня они появились на ранчо Сен-Лукас, где выходила замуж первая дочь генерала Асенсио.

Я занималась платьем Лилии. Она была такой прекрасной в этой органзе. Она танцевала с отцом, откинув голову и быстро перебирая ногами, чтобы поспевать за ним в пасодoble.

Потом оркестр заиграл «На крыльях», Андрес передал Лили Эмитито, и тот обнимал ее пока все кричали «ваш танец». Не знаю, откуда все это взяли, потому что Лили было всё равно — она, как хорошая актриса, играла ту роль, которая ей досталась.

Они закружились по площадке, а все захлопали.

— Горько! Горько! Горько!

Переглянувшись, а потом посмотрев в пол, они на секунду соединили губы и снова молча продолжили танцевать.

Андрес опять сел за стол рядом с родителями жениха. Он попросил коньяк, осушил бокал и закурил.

— Дорогой сват, — сказал он. — А о нас передают по радио?

— Ну еще бы, сват, — ответил дон Эмилио, растягивая губы в улыбке.

— Как прекрасно всё вышло, Каталина, поздравляю, — сказала его жена.

— Вы очень любезны, донья Конча, — поблагодарила я, разглядывая физиономию симпатичного типа, сидящего за столиком Биби и генерала Гомеса Сото.

— Да что вы, — продолжала донья Конча. — Столько всего сделать, а ведь Лили даже не ваша дочь. А кто ее мать?

— Раз вы спрашиваете, то я ее мать, донья Конча, — заявила я.

Биби заметила мой взгляд в сторону ее стола и подошла, чтобы спасти меня от доньи Кончи.

А с ней и тот тип, элегантный, как Кларк Гейбл. Он протянул руку:

— Кихано, к вашим услугам.

— Спасибо, — ответила я.

— Ты не знакома с Кихано, Каталина? — спросил генерал Гомес Сото. Он из Пуэблы, известный кинорежиссер.

Мы завели разговор о фильмах и актерах. Он пригласил меня посмотреть «Даму с камелиями», его первый фильм, я согласилась, рассказав, как нравится моей матери этот

роман и как много значит для нашей семьи. Все засмеялись.

— Вы не поверите, но это прямо ее Библия, — сказала я. — В моем доме никто не смел кашлянуть, ибо мама уверовала, что даже легкий кашель может унести на тот свет. В каждой комнате мама держала пузырек с сиропом из редьки с йодом. Стоило кому-нибудь кашлянуть, как она тут же совала ему в рот ложку этого сиропа, напоминая об ужасной смерти Маргариты Готье.

Потом мы пошли танцевать. Я танцевала с этим великолепным мужчиной, и меня нисколько не смущали подозрительные взгляды Андреса. Меня совершенно не волновало, что он об этом думает, мне просто хотелось танцевать — как когда-то с Карлосом.

— Поменяемся? — предложила Лилия, когда мы подошли к ней и Эмилито.

Я отпустила Кихано и продолжила танец с Эмилито. Я невольно подумала о Хавьере Уриарте, как с ним было весело, и вдруг разозлилась. Но тут вернулась Лилия.

— Поменяемся? — снова предложила она, отпуская Кихано и подхватывая меня, а двое мужчин застыли посреди площадки.

— Какой красавчик! — восхитилась Лилия. — Где ты его взяла?

— Чокнутая, как же я тебя люблю! — ответила я.

— Зачем ты мне это говоришь?

Я поцеловала ее, и мы вновь вернулись к своим кавалерам. Кихано опять закружил меня по площадке, а я от души наслаждалась танцем, зная, как чудесно мы смотримся вместе. Мы не разу не сбились с шага, словно всю жизнь танцевали друг с другом. Смеркалось, и понемногу холодало. Ко мне вновь подошла Лилия.

— Я ухожу. Эмилио не хочет оставаться здесь до поздней ночи. Ты проводишь меня или так и бросишь с ним одну?

— Я вас подожду, — заверил Кихано, провожая меня до дверей.

Я поблагодарила его и вместе с Лилией отправилась в дом.

В ее спальне стояли четыре чемодана, наполовину уложенные, все распахнутые настежь. Я вдруг осознала, что происходит нечто необратимое. Я вынула шпильки, которыми крепились ее фата и венок. Почувствовав себя освобожденной, она встряхнула головой, цветы и тюль полетели вниз. Ее черная грива рассыпалась по плечам, она вздохнула, словно не дышала уже много часов. Затем она сбросила туфли на каблуках и стала стягивать платье. Я хотела ей помочь, но она уже справилась и без меня. Ее длинные загорелые ноги были обтянуты светлыми чулками. На бедре — старомодная подвязка из белого атласа и кружева. Когда-то я ей рассказывала, как моя бабушка в день своей свадьбы бросала на пол подвязку, а другие женщины должны были успеть поймать ее ногой. Эта игра сулила невесте счастье в замужестве, а женщине, поймавшей подвязку — собственную скорую свадьбу.

— Давай, я брошу тебе подвязку, — сказала она, оставшись в одних трусах и лифчике.

— У меня уже есть муж, — ответила я.

— Значит, заведешь еще одного.

Она бросила подвязку; я успела ее поймать почти у самого пола. На миг наши ноги сомкнулись в кружевах, затем она отдернула свою. Я натянула подвязку, задрав юбку до самых бедер.

— Мне всегда так нравились твои ноги, — призналась Лилия, натягивая юбку от костюма, сшитого на заказ. Костюм превосходно на ней сидел и очень ей шел. К нему она надела красную шелковую блузку и темно-синий жакет в цвет юбки. Потом мы долго искали

ее туфлю и в конце концов нашли ее под одним из чемоданов.

— У тебя покривился шов на чулке, — сказала я.

— Вот всегда ты говоришь, что у меня покривился шов на чулке, — капризно протянула она, поворачиваясь ко мне спиной, чтобы я поправила чулок, как обычно.

Я провела ладонью по ее ногам.

— Ну, как? — спросила она. — Теперь ровно? Я могу идти?

— Куда же ты так торопишься? — вздохнула я.

— Под него.

— Желаю, чтобы это поскорее кончилось, — сказала я и поцеловала ее.

— Тогда благослови меня. Как в те дни, когда я была маленькой, а ты собиралась в очередную поездку с папой, — попросила она, услышав снизу крик зовущего ее Эмилио.

Она была такой же властной и любопытной, как ее отец. И такой же своевольной.

Я коснулась сомкнутыми пальцами ее лба, груди, потом левого и правого плеча, глядя на ее разгоревшиеся щеки и глаза на мокром месте, наблюдая, как она пытается скрыть за беспечным смехом волнение.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, пусть у тебя вся будет хорошо — особенно в том, что касается Святого Духа.

Я осталась сидеть на полу, пока не пришел парнишка с вопросом, не пора ли грузить чемоданы. Тогда я встала, чтобы закрыть беспорядок, оставленный Лилией, и вышла с двумя ее чемоданами в руках.

Снизу, из сада, раздались восхищенные крики молодоженов, увидевших новенький «феррари» — подарок Андреса дочери. Он был цвета сырой печени, который еще почему-то называют «цветом новобрачных», к заднему бамперу прикрепили бутылки, чтобы грохотали во время движения. Лилия села в машину и кокетливо помахала ручкой, как киноактриса. Все ее братья и сестры бросились к ней, чтобы поцеловать на прощание. Один лишь Эмилио молча глядел на них из глубины сада, словно выжидая.

— До свидания, — сказала Лилия, вытягивая губы трубочкой, чтобы поцеловать отца, первого из вереницы прощающихся. Эмилио указал ей на черный «плимут», припаркованный чуть позади.

— Мы поедем на этой машине, жизнь моя. Все чемоданы уже там.

Старики Алатристе тоже пришли попрощаться, поцеловали сына, а донья Конча даже расплакалась. Но Лили не собиралась покидать «феррари».

— Выбирайся, Лилия, — потребовал Эмилио.

— Я хочу еще немного побыть здесь, — ответила она.

— Но нам все равно нужно ехать.

— Вот и поезжай на своей машине, если она тебе больше нравится, — заявила Лилия. — А я поеду на этой.

С этими словами она завела мотор и ударила по газам. Двигатели оглушительно взревели, и «Феррари» с прямо-таки скандальной скоростью вылетел из ворот и помчался по улице.

— Это так по-женски, — проворчал Андрес, провожая разгневанного Эмилио до машины. Затем он предложил мне руку и осведомился, где я была все это время и не хочу ли с ним потанцевать. Когда мы наконец вернулись к главному столу, то не застали там ни доньи Кончи, ни ее мужа.

— Пойдем поблагодарим гостей, — приказал Андрес, доставая бутылку шампанского и

два бокала.

Мы двинулись от стола к столу, чокаясь с гостями, сердечно благодаря их за приход и подарки. Андрес был настоящим гением в таких делах.

Когда он торжественно обнялся с кумом, Родольфо заявил, что должен вернуться в Мехико. Он был с Мартином Сьенфуэгосом, и уехать они собирались вместе. Андрес кивнул и, изобразив сердечность, чокнулся с министром финансов. Они терпеть друг друга не могли. Оба считали друг друга самыми главными соперниками на пути к президентскому посту, а в последнее время Андрес начал беспокоиться, что у Сьенфуэгоса больше шансов. Мы проводили их до ворот сада.

— Этот пройдоха Мартин пытается очаровать Тюфяка. А тому только палец покажи — руку отдаст, а вместе с ней и пост президента. Курам на смех, — сказал Андрес, когда мы вернулись к столам. Сказал сердито, но в первый раз в жизни — с горечью.

Наконец, мы добрались до столика Биби. Гомес Сото, по своему обыкновению, был мертвецки пьян и, как всегда, неразборчиво бормотал какие-то гадости. Увидев нас, Кихано поднялся из-за стола.

— Девочка уехала? — спросил он.

— Уехала, — ответила я.

— Как же чудесно они танцуют, — сказал Гомес, показывая на нас с Кихано. — Мы с тобой уже слишком стары для танцев.

— Это ты стар, — заявил Андрес. — А я до сих пор исполняю, что должно. Правда Катин?

Я попыталась изобразить элегантную улыбку.

— Правда, Каталина? — повторил он.

— Ну конечно же, — ответила, проглотив шампанское, словно это был лимонад.

— Вы будете в Мехико? — осведомился Кихано, перед тем как поцеловать мне руку.

— Очень скоро, — ответила я, а Андрес тем временем спорил с Гомесом Сото о том, кто моложе и у кого больше детей.

Биби посмотрела на меня с таким видом, как будто хотела сказать: «Да на этих битюгах пахать можно!», а я подумала о том, что надо бы приглядеть за посоле [14], чтобы оно не остыло, пока гости поздравляют генерала.

Когда подали посоле, запустили фейерверк и заиграл еще один оркестр. Было уже около пяти утра, когда Наталья Веласко и Мария Баутиста, те, что косо на меня смотрели на кулинарных курсах, подошли к нам, таща за собой мужей, чтобы поблагодарить за приглашение.

Я проводила их самой любезной из своих улыбок. За многие годы страданий я научилась держаться с достоинством королевы. Это было лучшим способом отомстить, в особенности в такую минуту, как эта.

Я зашла на кухню, чтобы взглянуть, как там чилакилес, ветчина, кофе и хлебцы для завтрака. На кухне суенилось около сорока женщин; они тушили мясо и раскатывали тесто для тортилий. Я подошла к одной из них, наблюдавшей за приготовлением соуса к чилакилес.

— Только не кладите слишком много перца, — сказала я, даже не остановившись, чтобы взглянуть на нее.

— Не волнуйтесь, перца совсем немного, — ответила она. — А вы совсем не помните меня, сеньора?

Я пристально вгляделась в ее лицо. Меня не покидало ощущение, что где-то я уже видела эту женщину, вот только не могла вспомнить, когда и где.

— Я вдова Фиделя Веласкеса, убитого в Атенсинго. Помните, в тот день вы увезли меня к себе домой? Там я познакомилась с доньей Лусиной, и сегодня она пригласила меня сюда. Мы регулярно с ней видимся, а я в долгу перед вами.

— А ваши дети? Как у них дела? — спросила я, давая понять, что я ее помню.

— Уже совсем взрослые. Скоро мне будет не под силу их прокормить. И так кручусь, как белка в колесе — и здесь, и на фабрике в Атлиско. Берусь за любую работу, какая подвернется. Сегодня вот помогаю здесь, а на той неделе собираюсь сушить фиги, чтобы продать их в Пуэбле.

— Я куплю их у тебя. Приходи ко мне домой и приноси все, что у тебя есть, — сказала я.

Затем попробовала томатный соус и попросила Лусину подать мне чай и аспирин, поскольку у меня болит голова.

Я собралась выпить чай в гостиной, понемногу наполнявшейся гостями, которые озябли в саду и теперь решили погреться. Я предложила им коньяк, налила себе рюмку и опустошила ее в два глотка. Под конец я так и заснула, сидя в кресле, пока кто-то не разбудил меня, сообщив, что гости хотят завтракать.

— Пойдем отдохнем? — предложил Андрес, закончив пить кофе.

— Пойдем, — согласилась я.

В этот день мы спали в одной постели — впервые со дня смерти Карлоса.

Глава 22

Я пыталась отогнать прочь печальные воспоминания, но без шумной Лили это оказалось еще труднее. Я перебралась из Тонанситии, от могилы Карлоса, в сад нашего дома в Пуэбле, и теперь мне оставалось лишь грызть ногти, благодарить подруг за компанию и проводить вечера с Чеко и Веранией, когда они возвращались из школы.

Дети всем были довольны. Я водила их на ярмарку, мы поднимались на холмы и ловили саламандр в лужах близ Майорасго. Мне просто необходимо было выбросить из головы всё, кроме детских игр и их нехитрых запросов. Иногда мне хотелось постоянно быть рядом с детьми, ласкать их и возиться, но они уже привыкли обходиться без меня, и через какое-то время они начинали тяготиться моим обществом, и я не была уверена, надолго ли хватит их терпения.

Когда я сидела на корточках в саду и посасывала травинки, уронив голову почти между колен, им не хотелось приближаться, они оставляли меня в одиночестве и уходили, чтобы найти предлог и меня позвать.

Этот предлог дала им женщина из Атенсинго. Как-то вечером дети прибежали и сообщили, что какая-то сеньора принесла на продажу фиги и говорит, будто я обещала, что куплю у нее все.

Они притащили ее корзину в тот угол сада, где я сидела. Было около пяти часов, вечер выдался погожий и ясный, и заходящее солнце румянило ее свежее лицо, когда она, стоя передо мной с корзиной в руках, показывала в улыбке широкие зубы, источая всем своим видом радость и уверенность.

Она села рядом со мной, поставила корзину на землю и заговорила с такой непосредственностью, как будто мы всю жизнь были подругами, и я только ее и дожидалась.

Она не извинялась, если прерывала меня на полуслове или переспрашивала, и не делала пауз, чтобы понять, согласна ли я ее выслушивать.

Ее зовут Кармела, как я помню; а детям столько-то лет, и ее мужа, как она уже сказала, убили на мельнице в Атенсинго. Она собирается поставить на его могиле мраморный крест, а пока регулярно посещает его могилу, чтобы обсудить дела, и как идет работа и в поле. Хотя я этого и не знала, они с Фиделем всегда боролись за справедливость; именно поэтому и поддержали Лолу, по этой же причине она вступила в профсоюз на фабрике в Атлиско. Когда убили Медину и Карлоса, ее ненависть всколыхнулась с новой силой, и теперь она никак не может взять в толк, почему я продолжаю жить с генералом Асенсио.

Ведь она-то знает точно и уверена, что я тоже знаю, каков мой генерал. Это вообще все знают. Нет, она не желала ничего плохого, даже в мыслях такого не было, просто принесла мне листья черного лимона, которые помогают от головной боли и многих других недугов. Чай из этих листьев придает сил, но вызывает привыкание, так что с ними нужно аккуратно, если выпить слишком много, то можно и помереть. Она знает одну сеньору у себя в деревне, которая умерла всего через месяц после того, как стала пить чай из этих листьев, и ни один врач так и не смог понять, почему наступила смерть. Сказали, что у нее остановилось сердце, но не смогли объяснить причину; хотя Кармела не сомневается, что всему виной эти злосчастные листья, целебные и при том коварные. Она принесла их мне, поскольку случайно услышала на свадьбе, что у меня болит голова, а если понадобится, принесет другие травы. Фиги она оставит нам, раз они мне так понравились, а ей пора домой, потому что уже поздно и она боится не успеть на последний автобус.

Я молча слушала ее — иногда кивая, иногда утирая набегающие на глаза слезы, когда она говорила о Карлосе, как будто знала его лично; я молчала, поедая фиги одну за другой, пока она рассказывала о своих травах. Казалось, она и не ждала от меня ответа, ей просто хотелось выговориться. Закончив говорить, она поднялась и ушла.

Лусина играла с детьми. Пока я слушала рассказ Кармелы, до меня доносились их крики, которые все отдалялись, пока, наконец, совсем не стихли. В скором времени дети опять прибежали, чтобы поестъ фиг, и засыпали меня вопросами. На все вопросы я отвечала быстро и охотно, не ощущая ни малейшей скуки, охваченная внезапным и странным чувством эйфории. Потом мы все вместе играли на траве, а закончили день, прыгая на кроватях и кидаясь подушками. Я не узнавала саму себя.

Другие дочери Андреса смотрели на нас с удивлением. Те две, что по-прежнему жили в нашем доме в Пуэбле, были довольно странными. Марте исполнилось уже двадцать лет, и у нее был жених, для которого она вышивала простыни, полотенца, скатерти и салфетки. Предполагалось, что они поженятся, когда он сделает карьеру и сможет содержать семью, не нуждаясь в благословении и финансовой помощи Андреса. Вечера они проводили в его студии. Он собирался стать инженером, но пока вместо чертежей рисовал китайской тушью Марту.

Мы никогда не ссорились с Мартой, но особой близости между нами тоже не было. Ее давно уже не требовалось причесывать и завязывать банты, а она усвоила, что если сидеть тихо и никому не мешать, то и ей тоже мешать никто не будет. Я не видела ее до самой свадьбы: она уехала на ранчо в Орисабе, которое должно было перейти ей по наследству. Ее муж так и не стал инженером, а решил заняться сельским хозяйством, они почти никогда оттуда не выезжали.

С Адрианой, сестрой-близнецом Лилии, я тоже имела мало общего. Кстати, ее

собственная сестра, очаровательная и легкомысленная Лилия, оказалась для нее еще более чужим человеком, чем я. Назло отцу она вступила в Католическую лигу. Единственный раз она решила выступить против отца, заявив как-то за ужином, что подрабатывает в борделе, когда все думают, что она в церкви. Но ее вызов остался без ответа, поскольку никому не было особого дела, чем она занимается: Андрес даже решил, что в случае необходимости она может послужить связующим звеном между ним и Ватиканом. Мы стали спокойно отпускать ее в церковь, одетую, как монашка, нисколько не возражая.

Разумеется, и Марта, и Адриана были для меня не слишком подходящей компанией, как и я сама оказалась неподходящей компанией для Чеко и Верании, так что я предпочла вернуться в Мехико.

В доме в Лас-Ломас жил Андрес — по крайней мере, официально — а также Октавис со своей ненаглядной Марселой. Мой приезд их не потревожил. Они считали меня чем-то вроде посаженной матери на своей свадьбе, которой никогда не суждено состояться.

В Мехико я разыскала Биби. Прошло уже два года, с тех пор как жена Гомеса Сото оказалась столь любезной, что приказала долго жить, и его тайная любовница получила наконец возможность стать достойной супругой. В день свадьбы генерал переписал на ее имя всю свою недвижимость и огласил завещание, в котором объявил ее единственной наследницей.

Ее новое замужество казалось со стороны настоящим раем. Новобрачные отправились в Нью-Йорк, а затем в Венецию, так что Биби наконец-то увидела солнце, которого была лишена столько лет, сидя взаперти в саду своего дома. Потом они отправились в путешествие по стране в личном поезде генерала, который тот приобрел, чтобы присматривать за своими газетами. И теперь Биби жадно вдыхала воздух свободы, от которого отвыкла, сидя в четырех стенах.

Однажды она явилась ко мне ни свет ни заря. Я в это время сидела в саду в домашнем халате. Мне как раз делали педикюр, так что она застала меня с опущенными в таз ногами и лицом без косметики.

Биби галопом подбежала ко мне. Она была одета почти по-мужски: в брюки, клетчатую рубашку и туфли без каблучков. Она была поразительно хороша, но при этом выглядела очень странно. Кажется, даже забыла поздороваться; я лишь помню, что она прямо с порога огорошила меня вопросом:

— Каталина, как тебе удавалось любить одного мужчину, а жить при этом с другим?

— Я уже не помню.

— Почти за двадцать-то лет?

— Кажется, даже больше, — ответила я. — Что с тобой случилось? Ты сегодня какая-то странная.

— Я влюбилась, — сказала она. — Я влюбилась. Влюбилась! — принялась она распевать на разные голоса, словно разговаривала сама с собой. — Я влюбилась и больше не могу оставаться с этим противным старикашкой. Он скучный, толстый, мерзкий и вонючий. Ты только представь, он занимается делами в сортире, в поезде приглашает людей в туалет и там с ними разговаривает. И я за ним замужем? Что мне теперь делать — убить его? Я его убью, Кати, потому что просто не выдержу еще одной ночи в его постели.

И тут она сделала нечто совершенно немыслимое: сбросила туфли. Потом села прямо на траву, закинула ногу на ногу и вновь заговорила, хлопая себя по колену через каждые два слова.

— И в кого же ты влюбилась? — спросила я.

— В колумбийского тореро. Завтра он приезжает. Приезжает ко мне, хотя вроде как на экскурсию, но это для отвода глаз. Мы познакомились в Мадриде, в один из тех невыносимо скучных вечеров, когда Одилон вел нескончаемые беседы с генералом Франко. Я сидела в кафе, и тут вошел он и спросил: «Можно присесть?» Ну а дальше, думаю, и так все понятно. Короче, мы дважды занимались любовью.

— И за эти два раза ты успела в него влюбиться?

— У него просто божественное тело — почти как у подростка.

— Сколько ему лет?

— Двадцать пять.

— На целых десять лет моложе тебя.

— На семь.

— Невелика разница.

— Кати, если ты собираешься вести себя, как моя мать, я немедленно уйду.

— Прошу прощения, у него красивая задница?

— У него все великолепно.

— Ни слова больше! Так ты и в самом деле решила променять своего генерала на твердый член? Достаточно ли у него денег, чтобы наполнить цветами твой бассейн?

— Разумеется нет, но мне все эти бассейны уже поперек горла встали. И он будет знаменитым тореро, ведь он великолепен.

— Учитывая, что ему уже двадцать пять, если бы он мог стать знаменитым тореро, то уже бы им стал.

— Просто он слишком поздно начал, тут уж виноваты его родители. Ему пришлось изучать право, прежде чем он смог посвятить себя бою быков. Разумеется, ему пришлось покинуть Колумбию. Сдается мне, Колумбия — почти то же самое, что наша Пуэбла.

— А он знает, кто твой муж?

— Он знает, что мой муж — владелец многих газет.

— Ну так что же? — спросила я. — Что ты намерена делать с Одилоном?

— Не знаю, — ответила она. — Вернее, до вчерашнего дня не знала, как бы мне послать Оди ко всем чертям и не оказаться при этом на улице, но вчера Оди побывал на одной сомнительной вечеринке, где практикуют «сравнения» — так у них это называется. Ну, знаешь, куда приглашают шлюх, а мужчины демонстрируют друг другу свое достояние, чтобы сравнить, у кого член больше. Мне об этом рассказала массажистка, а ей, в свою очередь — другая ее клиентка. Так вот, я отправилась туда под видом шлюхи и увидела, как он выставляет себя на посмешище. И как ему такое в голову пришло? Там были почти одни старики вроде него, юнцам это неинтересно.

— Как тебе удалось туда проникнуть? — спросила я.

— Меня провела хозяйка дома. Она тоже клиентка Ракель.

— Биби, я тебя не узнаю. Я думала, ты навсегда останешься дурочкой.

— Так что же мне делать? Как бы ты поступила на моем месте?

— Ты должна на него обидеться. По-настоящему обидеться, до слез.

— Ты думаешь, что я похожа на тебя. Вот только я не умею притворяться.

— Напиши ему письмо, что между вами все кончено по известным ему причинам, и что ты не можешь терпеть подобных оскорблений.

— Может быть, напишешь его за меня?

— Если ты подождешь, пока Трини закончит кромсать мои ноги. Она настоящая изуверка; стрижет-стрижет тебе ногти а потом вдруг — раз! — и воткнет ножницы в икру.

— В таком случае, сеньора, я не стану вам рассказывать последние сплетни про донью Чофи, — заявила Трини, обслуживающая также и Чофи, причем та считала ее своим доверенным лицом.

— Неужели она наконец дала повод для сплетен? Моя кума такая скучная! Мы знакомы пятнадцать лет, и все эти годы я пытаюсь сподвигнуть ее на какую-нибудь авантюру, а она все равно лишь попусту тратит время на дразги с шофером и кухаркой.

— Вернее, про нее только одна новость, — сказала Трини. — Вторая касается дона Родольфо.

— Хрен редьки не слаще! Оба изрядные зануды. Они с Чофи только и знают, что препираться, почему она не повесит картины, которые Фито велел повесить, или куда она задевала его юбилейные награды. Полный бред!

— Ошибаетесь! Награда нашлась. Она оказалась у шофера, который заявил, что сеньора сама отдала ее в обмен на особого рода услуги, хотя он человек слова и наотрез отказывается разъяснить, в чем эти услуги заключались.

— Нет, я тебе не верю, Тринита.

— Чистая правда! Дон Родольфо был просто в ярости, даже угрожал вытащить пистолет.

— Но так и не вытащил.

— Я к тому времени уже уехала, но шофер клянется, что так все и было.

— Да ты посмотри на Чофи, на эту несчастную толстуху! Нашла тоже женщину-вамп!

— Вы бы видели. Натуральная вамп. Уперла руки в боки, подошла к дону Родольфо, отобрала у него пистолет и сказала: «Если уж тебе придется это узнать, то лучше скажу я. Рене сделал мне одолжение и отвез Зодиака к парикмахеру, там его постригли и искупали, хотя ты против этого и возражал, потому что считаешь это только для собак-педиков».

— Вот видишь, какие драмы случаются в жизни, — сказала я. — Не такие, конечно, как у тебя. Угораздило же тебя влюбиться в тореро! Ну, пойдем, помогу тебе написать письмо.

— Хотя бы просто черновик, — попросила Биби. — Потому что потом я хочу переписать его набело на купленной в Швейцарии бумаге, у меня остался только один лист и конверт.

— Какое тебе дело до бумаги?

— Я его хорошо знаю, когда ему что-то не по нраву, он возвращает мне письмо, в точно таком же конверте, что я отправляла, с сургучной печатью, будто не открывал.

— «Письма, Биби, письма — их столько каждый день. Если хочешь сказать мне что-то, я к твоим услугам» — так он говорит и делает вид, будто ничего не читал. Потому мне нужен этот единственный оставшийся в Мексике конверт. И когда он его откроет, ему уже не отвертеться.

— Так о чем напишем? — спросила я.

— Только об этом — в смысле, о той оргии, которую я видела.

— Расскажи мне, как все было. Как ты туда попала?

— Ракель мне помогла. Вернувшись из Испании, я первым делом вызвала ее и рассказала про Тирсильо и о том, что я хочу уйти от Оди. Тут и выяснилось, что Ракель массирует одну сеньору, которая содержит этот самый дом «для сравнений». Так вот, эта сеньора рассказала Ракель, что мой муж снял этот дом, чтобы устроить мальчишник брату

губернатора Бенитеса. Полагаю, ты с ним знакома?

— Да, конечно. А его ты тоже там видела?

— Я видела там их всех. Нет слов, Бруска поистине великолепна! Она придумала выдать меня за больную шлюху. Поскольку всем известно, что мужчинам нравятся хорошенькие мордашки, она решила сказать, что я обгорела вся покрыта ожогами. Она забинтовала меня с головы до пят, так что я стала похожа на мумию, и усадила посреди комнаты. В этих бинтах я едва могла продохнуть.

— Да ну, ты всё выдумываешь.

— Клянусь! Так вот, они все заявили и стали праздновать свой мальчишник. Там, конечно, были и женщины, но на них никто не обращал внимания, они были чем-то вроде мебели. Даже на меня они обращали больше внимания, чем на остальных. «Ах, бедная шлюшка, как ты теперь будешь жить?» Я сидела молча и глядя в пол. А Одилон меня даже не узнал. Он едва смог набраться смелости, чтобы подойти ко мне.

— Теперь ее ждет нищета, а нет на свете ничего печальнее, — сказал он, хлопнув по заду какую-то девицу. — А где наш жених? Пусть покажет свое орудие! — потребовал он. — А я покажу свое!

С этими словами он схватил за руку какую-то девицу и притянул к себе. Ты думаешь, она оробела, эта девица?

— Покажи мне свой агрегат, сучонок, — потребовала она.

Жених спустил штаны. Все вокруг зааплодировали.

— Глядите, стоит, стоит! — кричали они.

Шлюха стала обмазывать его член шоколадной глазурью.

— Вот это да! — воскликнул Викториано Веласкес, родной брат невесты. — Да ты просто жеребец, зятек!

— Жеребец, жеребец! — кричали все вокруг. В эти минуты они были похожи на расшалившихся детишек.

— И что же, все они... показали?

— Все. Вплоть до моего мужа, хотя ему, кажется, не стоило этого делать.

— И все это происходило у тебя на глазах? Прелесть какая!

— Ты не поверишь. Они вели себя как настоящие шлюхи в штанах — то есть без штанов, конечно. Это было бы даже смешно, если бы не было так противно. Расхаживали с голыми задницами, вставали бедром к бедру, чтобы сравнить, у кого длиннее. Просто придурки! Я не видела, чем все закончилось, потому что Одилон вдруг заявил, что я порчу им все удовольствие, и потребовал, чтобы Бруска вывела меня оттуда.

— Значит, тебя оттуда увели? А еще ты что-нибудь видела? Скажем, как они трахались с женщинами на глазах друг у друга?

— Пока я там была — нет. Женщины лишь их подбадривали. В том-то вся и штука, чтобы безобразничать друг с другом, мериться и хвастаться своим мужским достоинством, а женщины там только для того, чтобы их не приняли за педиков. Так объяснила мне Бруска. Напиши для меня письмо.

— Хорошо. И чего же ты хочешь от Гомеса?

— Собственный дом, прислугу, шофера и денег, много денег, — сказала она и закружилась в танце, напевая: «Лишь увидев его, сразу я поняла: это — тот, кого я всегда ждала».

— В таком случае, не стоит растекаться мыслью по древу. Советую высказаться кратко,

четко и по делу: «Одилон, это я была той раненой шлюшкой, которую ты тогда видел. Я хочу развода и денег. Биби».

— Нет. Нужно показать, как глубоко меня ранило его поведение. Но на самом деле я так счастлива, что мне просто в голову не идет ничего драматического. Поэтому я и пришла к тебе, ведь ты эксперт по части драм. Так что лучше напиши по-моему.

— Я все же думаю, что лучше написать так, как я сказала, — ответила я. — Зачем тратить столько слов? Давай хотя бы на этот раз проявим практичность, Биби.

— Неужели к тебе вернулась практичность?

— Да, и очень кстати.

— Только не начинай снова о том, как ты хотела бы, чтобы Карлос воскрес. Ты же знаешь, что это невозможно, Катин, смирись с этим.

— Я смирилась, — уныло ответила я.

— Прощу тебя, только не плачь. У меня срочное дело.

Все утро мы сочиняли самые разные варианты: «Оди! Ты разбил мое сердце...», «Оди! То, что я увидела в том доме, потрясло меня до глубины души, и я не знаю, что чувствую к тебе: ненависть или жалость», «Оди! Как ты можешь искать радостей на стороне, да еще в столь презренном месте?». И так далее, и тому подобное.

Наконец, к двум часам пополудни мы составили суровую и трезвую отповедь. Биби переписала ее набело и осталась весьма довольной.

После этого я не видела ее три дня, а на четвертый она вновь пришла; теперь передо мной снова стояла прежняя сеньора Гомес Сото. На ней был серый костюм, темные чулки, туфли на высоченных каблуках и шляпка с вуалью.

Я приняла ее в гостиной, чтобы окружающая обстановка соответствовала ее внешнему виду. Она подняла вуаль, закинула ногу на ногу, закурила сигару и заговорила торжественным тоном:

— Ты когда-нибудь видела такую дуру? Так посмотри.

Я улыбнулась. Она улыбнулась в ответ и начала рассказ.

Тореро прибыл в тот самый день, когда она вручила письмо мужу. Биби встретила его в аэропорту и поселила в отеле «Прадо». Ей не особо понравилось, что он привез с собой молодую женщину, похожую на цыганку, которую представил как своего поверенного, но Биби так хотелось поскорее завалиться с ним в постель, что она сняла для них два отдельных номера и тут же затащила матадора в один из них.

Спустя какое-то время, удовлетворенная и разнеженная, она заговорила с любовником о совместном будущем и даже рассказала ему, какие шаги предприняла, чтобы как можно скорее получить развод. Тореро не поверил собственным ушам. Он-то считал ее скучающей светской дамочкой, ищущей развлечений на стороне, которая могла бы в отблагодарить за доставленное удовольствие несколькими замечками о его выступлениях, помещенными в одной из спортивных газет ее мужа. А тут оказалось, что перед ним — влюбленная, как подросток, женщина, стремящаяся к замужеству и готовая ради этого на любые жертвы.

Ссориться с генералом? Неужели Биби настолько наивна, что всерьез думает, будто он сможет выступать на аренах Мехико без поддержки многочисленных газет ее мужа? А кроме того, если Биби и собирается разводиться, то он-то уж точно не намерен этого делать. Да-да, женщина, которую он представил как своего поверенного, оказалась его женой.

Собрав остатки гордости, Биби молча оделась и покинула отель. Впрочем, несмотря на отчаяние, она не забыла заглянуть к управляющему и аннулировать чек, которым оплатила

расходы тореро.

Вернувшись домой, она первым делом бросилась разыскивать служанку, которая должна была передать письмо ее мужу. К несчастью, та отличалась редкой исполнительностью и отдала генералу письмо лично в руки.

Биби заперлась в спальне, проклиная собственную глупость и безответственность, которые довели ее до столь плачевного состояния. А также меня — за то, что помогла ей вырыть себе яму. А теперь она просто не знала, что делать. Она не могла даже плакать, такую бесславную трагедию не утешить слезами.

На следующий день она спустилась к завтраку в тот же час, когда имел обыкновение завтракать муж.

Они с генералом встретились за завтраком и вновь прониклись нежностью друг к другу. Они поспешно выпили апельсиновый сок, закусывая его яичницей с колбасой. Увидев Биби, генерал встал и помог ей сесть за стол, а потом предложил позавтракать вместе с ним и пренебречь на этот раз диетой, основанной на яйцах всмятку. Биби согласилась съесть колбасу, она была готова на всё. Она не знала, благодарить ли генерала за великодушные или дрожать от страха, потому что он вынашивает тайные планы мести.

В конце концов она решила остановиться на благодарности. Никогда прежде она не была такой очаровательной и прелестной, никогда не была столь обольстительной. Совместный завтрак кончился тем, что генерал отменил важную встречу, и они вместе отправились в постель.

Вечером они ужинали в американском посольстве, а, вернувшись домой, Биби нашла на туалетном столике запечатанный конверт. Значит, получается, муж даже не видел письма? Иначе откуда он взял этот конверт; ведь в стране больше не осталось ни одного такого? Она так и уснула, прижимая к себе конверт из швейцарской бумаги, запечатанный голубым штампом с ее инициалами.

Она проснулась как раз вовремя, чтобы успеть накрыть романтический завтрак в саду у бассейна. Когда генерал спустился в сад, она встретила его в фартучке из белой органзы и с ангельской улыбкой, словно смыслом ее жизни было служить генералу и никогда с ним не разлучаться. Биби приготовила и подала ему завтрак. Затем со всем мыслимым сладострастием, как если бы раздевалась перед ним догола, сняла фартучек и села рядом с довольным мужем.

Они как раз заканчивали пить кофе, когда прибыл встревоженный помощник, всегда напоминающий генералу о назначенных встречах и прочих подробностях. Биби спросила, не хочет ли он кофе, и налила чашку, пока Гомес Сото отправился в ванную комнату перед выходом. Биби подружилась с помощником, иногда они вместе посмеивались над привычками генерала.

— У тебя круги под глазами, — сказала Биби.

— Я просто еще не пришел в себя после поездки. Пришлось слетать в Швейцарию и обратно, и все за тридцать часов. Чтобы купить конверты, можешь себе представить?

— Может, заодно окончательно расстанешься с диетой? — спросила я, когда Биби закончила рассказ.

— В конце концов, он богат, — ответила она. — Кстати, если тебя по-прежнему привлекают драмы, то во вторник Алонсо Кихано представляет премьеру своего нового фильма. Он просил, чтобы я тебя пригласила.

Я спросила совета у Пальмиты, которую всегда считала разумной женщиной, и она в

конечном счете всегда оказывалась права. Она сказала, что фильм просто отвратительный. Однако Кихано мне по-прежнему нравился; так что сначала мы выпили по коктейлю, потом отправились к нему домой, а затем и в постель, я и на секунду не вспомнила об Андресе. Я не вспоминала о нем до самого рассвета, пока не проснулась в холодном поту, охваченная внезапным ужасом. Поспешно нацарапала записку: «Спасибо за прием» — и удалилась.

Когда я вернулась домой, уже всходило солнце, пробиваясь сквозь ветви деревьев — совсем как в то утро, которое я встретила вместе с Карлосом.

Это случилось так давно, а казалось, только вчера. Боюсь ли я Андреса? Чего я боюсь?

Я вошла в нашу комнату, стараясь произвести как можно больше шума, чтобы он меня заметил. Но в спальне никого не оказалось.

Глава 23

Я изменилась, сама того не желая.

Я попросила Андреса купить мне «феррари» — такой же, как у Лилии. Он купил. Потом я захотела, чтобы он положил деньги на мой собственный банковский счет — достаточную сумму для моих личных расходов, нужд детей и содержания дома. Взамен он велел мне держать открытой дверь между нашей спальней и смежной с ней комнатой, мотивируя это тем, что ему требуется больше пространства. Иногда он спал за закрытой дверью и никогда не просил меня ее открывать. Когда же дверь была открыта, это означало, что он собирается спать в моей постели. В скором времени мы как будто снова стали друзьями.

Я научилась смотреть на него, как на незнакомца, изучила его манеру говорить и вести себя, и могла предугадать действия. И тогда он перестал казаться мне непредсказуемым и своевольным. Я почти наверняка знала, что он решит по тому или иному поводу, как распорядится в том или ином деле, как ответит тому или иному министру, что скажет в речи по тому или иному поводу.

Я уже много раз спала с Кихано. Он переехал в дом с двумя входами, двумя фасадами и двумя садами с обеих сторон. Таким образом, он входил в дом с одной стороны, а я — с другой, и мы одновременно оказывались в комнате, полной солнца и цветов. Кихано выглядел необычайно торжественно. Он решил снимать историю любви, гордо называя ее «нашей», и даже сделал несколько набросков сценария его нового фильма. Он не устал повторять, как я свежа, непосредственна и темпераментна. А я слушала его, пока не засыпала, и в этом блаженном сне проводила ближайшие часы.

Андрес купил в дом Акапулько, который никогда не посещал, поскольку считал отдых на море пустой тратой времени. Так что я прибрала его к рукам. Мы часто приезжали туда на выходные. Для отвода глаз я приглашала туда и других друзей и детей. Туда же приезжала и Лилия, когда хотела отдохнуть от своего Эмилито, и, конечно же, Марсела с Октавио. Для всех мои отношения с Кихано были достаточно очевидны — даже для Верании; но она ничего не говорила отцу, хотя никогда не упускала случая подставить Алонсо ножку и постоянно подбивала Чеко на всевозможные пакости, которые они устраивали ему с завидной регулярностью.

Дом находился между Калетой и Калетильей; его окружало море, вечера там были похожи на сон. Я могла провести целый день, сидя на террасе и глядя на море, словно древняя старуха, погруженная в свои воспоминания. Море казалось мне Карлосом Вивесом, с которым мы однажды сбежали на остров Косумель на целых три дня. Я смотрела на море,

пытаясь уловить в нем черты Карлоса. Что лучшего может случиться в моей жизни? У нас столько всего было! Так почему бы не умереть прямо сейчас? Такие вопросы я себе задавала. Если бы я только знала в те дни, которые мы провели на море, как повернется судьба.

— Я умру от любви, — заявила я однажды, смеясь, когда мы с ним шли вдоль кромки прибоя, и теплые волны ласкали наши ноги.

В моих страхах мертвой всегда оказывалась я, мне даже казалось романтичным бросить его в одиночестве, я чувствовала, будто изнутри у меня что-то вырвали, и пыталась найти себя, делая то, чем мы обычно занимались вместе.

Сколько раз я, словно наяву, видела, как убитый Андресом Карлос сходит с ума от ярости. Но никогда не видела его мертвым.

Целые часы я проводила в Акапулько, глядя на море. Рука Алонсо лежала у меня на колене, а я вспоминала Вивеса.

— Никто еще не умирал от любви, Каталина, — ответил он тогда. — Как бы нам этого ни хотелось.

Я бы там поселилась, если бы для того, чтобы владеть этим местом, не нужно было возвращаться в Мехико и выслушивать гневные тирады Андреса против его кума, планы стать президентом, которые выводили его из себя на каждое третье утро, и речи героя отчизны, с которыми он постоянно выступал в Пуэбле.

В довершение ко всему, меня прямо-таки замучили бесконечные звонки Фито с просьбами присутствовать на самых неожиданных мероприятиях. Как-то мне пришлось сопровождать его на закладку первого камня памятника матери. Там он выступил с торжественной речью о том, какая это огромная радость — быть матерью, и тому подобное. После этого он пригласил меня на обед в «Лос-Пинос».

Чофи, ссылаясь на мигрень от слишком жаркого солнца и давки на открытии памятника, туда не пошла и поинтересовалась, что я думаю о речи Фито. Вместо того чтобы ответить, что речь была великолепной, и заткнуться, я стала разглагольствовать о неудобствах, дополнительном весе и прочих неприятных последствиях материнства. Она набросилась на меня, как гарпия. Оказывается, моя любовь к детям — это чистое притворство, как я могу так говорить, если и собственных-то не хотела рожать. Нет, она меня не извинит, как бы я ни пыталась себя защитить, я всё равно ведьма. Хотя, раз мне ненавистно быть матерью собственных детей и приемных, я имею право об этом заявлять.

Закончив пить кофе, мы расстались. После этого какое-то время они не приглашали меня к себе, а я ничего не знала о них. Чофи позвонила мне лишь после того, как скончалась донья Кармен Ромеро Рубио, супруга Порфирио Диаса — позвонила, чтобы узнать, пойду ли я на похороны, а заодно пожаловаться, что муж запретил ей там появляться. Сама же она считала бедную Кармелиту настоящей страдальницей. В этот день я решила ей подыграть.

— Ты права, — сказала я. — Бедная Кармелита — но где были бы мы с тобой, если бы судьба не оказалась так к ней несправедлива?

Я повесила трубку в полной уверенности, что Фито правильно поступил, запретив ей идти на похороны.

Вместо этого на похороны меня сопровождал Алонсо. Порой он делал странные вещи. Я никогда не знала, что у него в голове. Его желание пойти на похороны Кармелиты Ромеро Рубио было того же рода, что и ежегодное празднование Ночи освобождения Парижа, или те несколько недель, которые он провел в обществе антропологов, обнаруживших какие-то скульптуры тольтеков в центре города. Сам он, правда, утверждал, что все это нужно ему для

фильма.

В эти дни на Андреса градом посыпались неприятности. Одного из его друзей, министра экономики, журналисты обвинили в хищениях и сговоре со спекулянтами, в то время как народ страдает от дефицита продуктов. Журналист оказался другом Фито, и мой муж был уверен, что статейку написали по его заказу и направлена она не столько против министра, сколько против Андреса. Я пыталась его убедить, что его версия слишком уж сложна, но он и слышать не желал.

Через несколько дней профсоюз вывел на демонстрацию восемьдесят тысяч человек в знак протеста против повышения цен, обвиняя в этом также друга Андреса. Вдобавок люди стали требовать лишить министерство экономики права контролировать выпуск продукции. Андрес утвердился во мнении, что это Фито решил устранить его друга, в том числе и потому, что тот поддерживал его кандидатуру в президенты. В этот раз я уже не стала ничего говорить, потому что Фито подписал декрет о лишении министерства экономики права контролировать выпуск цемента, стальной арматуры и бог знает чего еще. Лишившись власти, человек моего генерала был вынужден подать в отставку.

Андрес целыми днями материл Фито, левых и Мальдонадо — того самого, которого он сам же поставил руководить профсоюзом вместо Кордеры. Он так рассвирепел, что первого сентября не хотел являться на выступление Фито с посланием к парламенту. В то утро мне пришлось умолять его одеться и упросить не ругаться с Родольфо у всех на виду.

Мы отправились слушать один из самых утомительных докладов его кума, но к собственному удивлению, повеселились, потому что депутат, выступающий после доклада, разглагольствовал о том, что правитель несет ответственность перед Богом в спасении страны, критиковал способ проведения выборов, а потом обвинил правых в предательстве дела революции, а левых — в аморальности и анархии. Никто ему не нравился. Когда Фито вышел из зала, депутаты вместе с тем типом чуть не лишили Фито полномочий. Андрес умирал со смеху. Ему нравилось, когда у Фито возникали проблемы — в этом случае тот всегда звонил Андресу, сам он ни за что бы не справился. Потому и назначил его своим советником. Но в этот раз Фито в нем не нуждался.

После поздравлений в президентском дворце состоялся торжественный обед для всего кабинета министров. К величайшему изумлению Андреса, слева от Фито посадили вовсе не его.

Карточка с его именем помещалась на другой стороне стола, в самом конце вереницы министров. До сих пор такого не случалось. Справа от Фито сидел старый генерал, министр обороны, а слева — Мартин Сьенфуэгос.

В эти минуты Андрес ненавидел Сьенфуэгоса, как никогда прежде, и как никогда прежде жалел о том, что однажды помог ему в те далекие времена, когда тот был не более чем пронырливым адвокатишкой; и даже сердился на свою мать, которая любила этого адвокатишку, как приемного сына, именно по ее просьбе Андрес и оказал ему протекцию.

Не могу сказать, когда именно Мартин Сьенфуэгос перестал быть его союзником и подчиненным и начал вести собственную игру; возможно, в тот самый день, когда Андрес представил его Родольфо много лет назад; а быть может, в тот день, когда, будучи губернатором Табаско, Сьенфуэгос первым поддержал генерала Кампоса, чтобы стать главой его кампании Во всяком случае, когда о нем заходила речь, Андрес не называл его иначе, как оппортунистским дерьмом.

Сьенфуэгос сидел слева от Родольфо в время всего обеда, в прекрасном костюме и с

такой сияющей улыбкой, какой я никогда не видала у Андреса. Он вернулся к куму, не переставая его материть, потому что Фито оказался таким тупицей, что решил вручить пост президента этому сукиному сыну и мошеннику Мартину Сьенфуэгосу. Потому что таков уж его кум, ему же хуже, на него только пустышки производят впечатление. Чем меньше вокруг него будет военных, тем лучше — а то бы они затмили этого тупицу своим великолепием.

Вернувшись домой, он стал необузданно пить и пророчить, что Фито еще пожалеет и позовет его, да поздно будет. Однако Фито так его и не позвал. Зато несколько дней спустя глава парламента отозвал все обвинения, выдвинутые после выступления, и восстановил президента во всех правах.

Андрес упорно не желал встречаться с Фито.

Когда он вернулся из «Лос-Пинос» с головной болью, от которой готов был кричать, его стошнило желчью. Он не мог выносить даже слабого света. Заперся в темной комнате, где снова и снова повторял, какую глупость сделал Тюфяк, допустив вмешательство Сьенфуэгоса в разрешение конфликта. Больше всего его разозлило, когда кум признался, что не посоветовался с ним лишь потому, что не хотел его беспокоить. Андрес упорно не желал верить, что Фито способен выжить без его совета и помощи. Он не желал в это верить, хотя с каждым днем становилось все очевиднее, что Фито вполне способен обойтись без него, решает вопросы, разрешает конфликты и даже не собирается звонить Андресу, чтобы узнать его мнение. Теперь Родольфо, похоже, сам примет решение, кто займет пост президента после него, стало очевидно, что Андреса он спрашивать не будет.

В довершение всего, после последней поездки в «Лос-Пинос» Андреса начали мучить головные боли. Однажды я предложила ему чашку чая, приготовленного Кармелой. Он выпил, заявив при этом, что не признает этих крестьянских суеверий. Когда головная боль отступила, ему захотелось выйти на улицу, чтобы прогуляться и, как всегда, поспорить с Родольфо. Вставая из-за стола, он с сомнением поглядел на пустую чашку:

— Уверен, что это лишь совпадение, но, пожалуй, выпью еще, — сказал он.

— Может быть — ответила я, наливая еще чашку.

Это была темно-зеленая жидкость со вкусом мяты и черной мари. Выпив чаю, я отправилась ужинать с Алонсо и осталась у него до самого рассвета. Всю ночь я смеялась до упаду, не смыкая глаз до утра. Я чувствовала, что тоже подсела на чай Кармелы, поэтому на следующее утро не стала его пить. А вот Андрес действительно к нему пристрастился; он пил его и этим утром, и в последующие дни, пока не обнаружил, что уже не может без него обходиться.

Он просыпался, матеря своего кума и всё то время, которое он потратил, угождая Тюфяку, и потягивался в постели, проклиная неудачи предыдущего дня и планируя новые козни против Мартина Сьенфуэгоса, пока я не успокаивала его чаем из зеленых листьев.

Однажды утром, выпив чай, он попросил помощника принести газеты, поскольку, по его словам, ему не давали покоя дурные предчувствия. Думаю, он и раньше кое о чем догадывался, но сделал вид, что чрезвычайно удивлен, увидев статью, напечатанную во всех газетах на первой странице. Генеральная прокуратура республики, возглавляемая прокурором Рочей, верным приверженцем Сьенфуэгоса, раскопала давнюю историю исчезновения и убийства адвоката Майнеса в Пуэбле. Согласно сведениям, переданным в прокуратуру его дочерью Магдаленой, это преступление было делом рук тогдашнего губернатора штата, генерала Андреса Асенсио.

Все свидетели, молчавшие на протяжении долгих лет, теперь в один голос заявляли, что

своими глазами видели, как какие-то люди затолкали адвоката в машину возле кинотеатра, и слышали, как он звал на помощь из окна этой машины. Никто не посмел заявить об этом в полицию, поскольку все знали, что судиться с губернатором — себе дороже. Магда рассказала, что в то утро, когда мы встретились в Куэрнаваке, она стала свидетельницей ссоры отца с Андресом Асенсио и спросила, из-за чего они поспорили. Отец рассказал ей, что губернатор решил отсудить землю, на которой располагался отель с водолечебницей «Чистая вода», и пытался запретить адвокату защищать интересы его владельцев. Магда сообщила, что отец не только отказался выполнить его требования, но и не пожелал принять тридцать процентов от стоимости земли, которые получил бы в том случае, если бы губернатор выиграл тяжбу. В конце концов, губернатор стал угрожать ему смертью.

Андрес вскочил, изрыгая проклятия, а я все еще сидела с газетой на коленях, когда его помощник принес повестку из прокуратуры.

— Они даже не столько сволочи, сколько просто тупицы, — сказал Андрес. — Можно подумать, я их не знаю.

С этими словами он налил себе еще одну чашку чая, после чего, насвистывая, пошел в ванную. Вскоре он появился, весь красный и разомлевший. Разумеется, он не пошел в прокуратуру, а тут же отправился на поиски Фито.

Никто не знает, о чем они говорили, однако на следующий день в газетах опубликовали интервью с генеральным прокурором, в котором этот тип опровергал все обвинения, направленные против Андреса, и многократно повторял, что Андрес — один из самых достойных и уважаемых советников президента республики.

Что же касается свидетелей, то все они, за исключением Магдалены, которую никто не желал слушать, утверждали, что оказались неправы в своих суждениях, якобы уже через несколько дней выяснилось, что убийство адвоката было делом рук членов одной банды преступников. С последних давно уже не было никакого спроса, ибо все они погибли в перестрелке с полицией во время задержания.

В любом случае, Андресу эта история изрядно потрепала нервы, и теперь он не желал видеть Тюфяка, однако и в отставку подавать не спешил. Вместо этого он купил фабрику по производству сигар и теперь строил планы сделать ее крупнейшей в стране. Он не устал повторять, что реальная власть всегда была сосредоточена в руках богатых людей, и он намерен стать банкиром, тогда все эти козлы окажутся у него на побегушках, а ему будет открыт путь к президентскому креслу, тому самому, на котором мудрый Сапата упорно не желал фотографироваться.

Я смотрела, как он слабеет день ото дня, и мне не было его жаль. Я постоянно встречалась с Алонсо, словно мы были женихом и невестой. Почти каждый вечер мы ужинали в «Сиресе». Я сопровождала его на все мероприятия и проводила целые часы на съемках. А однажды вечером, выпив бутылку вина, я даже не постеснялась поцеловать его на глазах у всех.

Домой я возвращалась под утро, и дверь в свою комнату целыми неделями держала запертой. Только иногда по утрам пила чай вместе с Андресом, как если бы он был моим любимым дедушкой.

Весь декабрь я провела в Акапулько, не испытывая по этому поводу ни малейших угрызений совести. У детей были каникулы, а их отец всегда говорил, что Рождество — это праздник для дураков, так почему я должна проводить его вместе с ним?

Лишь за несколько дней до Нового года я позвонила ему, чтобы спросить, каковы его

планы на праздники. Каково же было мое удивление, когда 31 декабря он предстал на пороге! Он похудел на десять килограммов и постарел на десять лет, но держался по-прежнему прямо и не потерял своей ироничной улыбки, которая всегда могла пригодиться. Увидев его с балкона, Верания огласила дом радостными криками и бросилась к нему навстречу, чтобы поцеловать. Вместе с Андресом приехали Марта и Адриана со своими женихами. В доме уже находились Лилия с занудой-мужем и Октавио с Марселой. Таким образом, вся семья генерала вновь собралась под одной крышей.

Разумеется, Алонсо был вместе со мной. Кроме того, мы пригласили Монику с детьми. Пальму и Хулию Гусман. К вечеру должны были приехать Биби, Гомес Сото и Хелен Хайс с детьми. Октавио и Марсела пригласили три пары своих друзей, а Лилия привезла Хорхину Летону, бывшую подружку своего мужа, в надежде выдать ее замуж за моего брата Маркоса. Можно подумать, она не знала, что Милито по-прежнему с ней спит. А быть может, именно потому и затеяла это сватовство.

В общей сложности за праздничным ужином собралось более пятидесяти человек. Я надеялась, что в такой толпе присутствие Алонсо не будет слишком бросаться в глаза, и старалась держаться с Андресом как можно ласковее. Я попросила у него прощения за то, что собрала полный дом народу, когда он рассчитывал на присутствие одних лишь членов семьи. Весь день мы провели на террасе, попивая джин с тоником и лимоном, а Алонсо прогуливался по пляжу в компании счастливой Верании и Чеко, поглощенного охотой на крабов.

Андрес долго молча и наконец произнес:

— Армильиту бык поднял на рога в Сан-Луис-Потоси, Брионеса — в Эль-Торео. Где он настигнет меня?

Голос его звучал так мрачно, что даже мне стало больно. Когда-то гадалка предсказала ему, что он умрет в тот год, когда в течение двух недель на арене погибнут двое тореро.

— Ну, думаю, ты уже спасен, — засмеялась я в ответ. — Год-то уже кончился. Если ты не умрешь сегодня вечером, придется дожидаться, когда быки поднимут на рога других тореро на протяжении двух недель. А к тому времени ты успеешь похоронить всех нас.

— Ты по-прежнему мой лучик света, — странным тоном ответил он.

Я не поняла, шутит он, или просто стал пьянеть быстрее, чем прежде. Но все равно встревожилась и поцеловала его.

Глава 24

Для Алонсо этот год не задался с самого начала. Присутствие Андреса в Акапулько было для него невыносимо. Это и понятно. Несмотря на безупречную фигуру и костюм с иголки, несмотря на моложавое лицо и приятные манеры Алонсо, Андрес всегда пользовался в обществе большей популярностью. Стоило Андресу войти в комнату и сказать хоть слово, как все присутствующие тут же начинали виться вокруг него. Для детей он был настоящим героем, для гостей — душой компании, хозяином дома и, наконец, моим мужем.

Однажды вечером, когда я решила отправиться в Пье-де-ла-Куэсту, чтобы погреться на солнышке, Кихано не захотел нас сопровождать. Когда мы вернулись, Лусина сказала, что ему пришлось срочно уехать на съемки. Она передала мне записку, которая гласила:

«Я уезжаю. Полагаю, ты понимаешь, в чем дело. Тем не менее, я тебя люблю. Алонсо».

За ужином Андрес отпускал бесконечные шутки по поводу «красавчика», который так удачно нас покинул и оставил, наконец, в кругу семьи. Дети дружно смеялись над его

шутками, даже я порой улыбалась.

В первый вечер я чувствовала себя виноватой перед Алонсо, но уже следующую ночь провела в спальне Андреса. Дети никак не ожидали, что к концу года мы не только помиримся, но и станем целоваться у всех на глазах, словно юные влюбленные.

В Мехико мы вернулись почти к середине января. Я не искала встреч с Кихано. Меня забавляли истерики Андреса, и я охотно поддерживала его выпады против Тюфяка, а также помогла смириться с тем, что следующим кандидатом на выборы неизбежно станет Сьенфуэгос.

В начале февраля мы вернулись в Пуэблу, где как раз вступил в должность новый губернатор, которого проталкивал на этот пост Андрес. В Пуэбле Андрес по-прежнему пользовался авторитетом; он очень любил вспоминать о прежних временах и тех почестях, которые ему оказывали. Здесь он чувствовал себя так спокойно и уверенно, что даже забыл о своих обязанностях советника президента. У меня тоже не было ни малейшего желания возвращаться в Мехико и делить с ним огромный тамошний дом, пустой и мрачный после того, как дети уезжали в школу в сопровождении Лусины.

Андрес неотвратимо старел; то у него начинала болеть ступня, на другой день — колено. По вечерам он неустанно пил бренди, а по утрам — чай с черным лимоном. Я бы его пожалела, если бы сад и комната с папоротником так остро не напоминали мне о Карлосе.

Лилия навещала меня каждый день, рассказывала последние новости, и мы без устали смеялись. Иногда приходили в гости подруги. Моника работала, как проклятая, и порой у нее хватало сил лишь на то, чтобы поцеловать меня и удалиться. Зато Пепа могла просиживать у меня в саду целыми вечерами, свидания в квартирке возле рынка сделали ее безмятежной и немногословной. А еще рядом снова была моя сестра Барбара — мой ангел-хранитель. Даже куда лучше, чем любой ангел, потому что она меня не осуждала, а лишь смеялась до упаду вместе со мной или, напротив, горько плакала. Она, так же как и я, без малейших усилий кидалась из безудержного веселья в глубокое горе.

Она была со мной в тот день, когда Андрес, вернувшись домой, почувствовал себя плохо. Он приехал из Теуакана, где ему устроили пышный прием. Один из тех, на котором его окружали местные бюрократы, всячески его ублажавшие, поскольку от него зависели. В тот день его сопровождал новый губернатор штата, мэр Пуэблы и, конечно же, мэр Теуакана, где Андреса объявили чуть ли национальным героем.

Около пяти часов вечера за дверью послышался шум мотора.

— Уже вернулся, — сказала я. — Одно мучение с ним, Барбара. Теперь снова будет изводить меня, перечисляя свои бесконечные заслуги перед родиной.

Во время завтрака он без устали вспоминал, как рабочие устраивали стычки друг с другом, когда он только вступил в должность губернатора, как во время его правления строили дороги и школы, а закончил недовольным тоном.

— Я намерен сказать им об этом. Я не собираюсь вновь претендовать на пост губернатора, моя работа в этом качестве закончена. Хочу предстать в роли сына Пуэблы, истинного гражданина и человека с пылким сердцем. Что ты об этом думаешь? Почему ты молчишь, Каталина? Зачем, по-твоему, ты вообще нужна?

В охватившем его в последнее время безумии он назначил меня личным секретарем и желал, чтобы я вводила его в курс дел. Я протянула ему бумагу с его речью, ткнула в какой-то абзац и прочитала вслух:

— Я всегда буду служить вам, здесь и в других местах, как официальное лицо и просто

как гражданин. Я прошу вас отбросить обиды, и мы как братья вместе возьмемся за дело и преодолеем все трудности, как те люди, которые делали революцию, провозгласив четкую социальную программу, и теперь, чтобы спасти дело революции, мы снова должны бороться. У меня нет никаких личных амбиций, я уже исполнил свой долг губернатора, но лишь хочу добиться спокойствия и прогресса для нашего любимого штата.

Когда я закончила читать, он сказал:

— Я в тебе не ошибся. Ты действительно умна, прямо как мужчина, и за это я прощаю твои похождения. Да и трахаться с тобой — одно удовольствие. Ты самая лучшая из всех моих сучек, моя старушка.

Прежде чем пойти спать, он потребовал приготовить ему чай и предложил мне тоже выпить чашку. Я медленно выпила свой чай, ожидая, когда меня охватит неизбежное чувство эйфории, которую всегда вызывал этот напиток.

Матильда не спешила возвращаться на кухню. Поставив на стол поднос с чаем, она смотрела, как мы его пьем, а затем сказала Андресу:

— Простите, генерал, что вмешиваюсь не в свое дело, но вы слишком часто принимаете эти травы. Боюсь, это может быть вредно.

— Мне уже ничто не в силах повредить, — ответил он. — Если бы от этих трав мог быть какой-то вред, я бы уже помер. Эти травы — единственное, что еще как-то помогает снять усталость.

— Но в конечном счете они вас погубят. Я же вижу, что вам с каждым днем становится все хуже.

— Но тому причиной вовсе не травы, Матильда, — ответил Андрес, прежде чем сделать последний глоток. — Только не говори, что ты по-прежнему веришь во всю эту чушь! Взгляни, какой цветущий вид у моей жены, а ведь она тоже пьет этот чай.

Глава 25

Мэр Пуэблы пулей влетел в комнату с папоротником.

— Сеньора, мне кажется, генерал слишком взволнован, — сказал он. — Пойдемте скорее, боюсь, ему стало плохо.

Я бросилась вниз, в нашу спальню. Андрес лежал в постели, бледный, как никогда, и судорожно хватал ртом воздух.

— Что случилось? — в тревоге спросила я. — Тебе нехорошо? Может быть, съел что-то не то?

— Я устал, и мне бы не хотелось умереть посреди улицы. Позови Эспарсу и Тельеса.

— Не преувеличивай, — сказала я. — Все мы устаем, а ты в последние месяцы злоупотреблял спиртным. Тебе нужно чаще приезжать в Акапулько.

— Ну ты и скажешь — Акапулько! Это кошмарное место можешь выносить только ты. И чего ради ты готова ездить в такую даль? Только не пытайся обманывать саму себя, будто бы море идет тебе на пользу. Что действительно идет тебе на пользу — это мое отсутствие.

— Лжец!

— Не валяй дурака. Мы с тобой прекрасно знаем, для чего тебе нужен этот дом в Акапулько.

— Похоже, ты как раз этого не знаешь, раз почти никогда там не появляешься.

— У меня нет времени бултыхаться в воде, и я там вовсе не отдыхаю. Море меня раздражает, оно не умолкает ни на минуту — совсем как вы, женщины. Куда я хочу поехать

— так это в Сакатлан. Вот там, среди холмов, я действительно отдыхаю, мне на всё хватает времени.

— Но там же совершенно нечего делать, — ответила я. — К тому же там всегда ужасная погода.

— Вечно ты наговариваешь на мою родину, старая ворчунья, — сказал он, пытаясь стянуть с ноги сапог.

— Я позову Тулио, пусть он тебе поможет, — сказала я. — Не стоит напрягаться, ты действительно устал.

— Я велел тебе позвать Тельеса, но ты, видимо, хочешь, чтобы я умер, так и не дождавшись помощи.

— Мы зовем Тельеса всякий раз, стоит тебе чихнуть, мне уже просто стыдно.

— Как же, будет тебе стыдно. Позови его. Я же для тебя стараюсь — скоро я умру. Позови его, у тебя будет свидетель, который подтвердит, что это не ты меня отравила.

Я присела на край постели и похлопала его по ноге. Он вновь заговорил, непривычно мягким тоном, никогда прежде он так со мной не говорил, и это было очень странно.

— Я сломал тебе жизнь, ведь так? — произнес он. — Ведь все остальные в конечном счете получили то, что хотели. А чего хочешь ты? Я никогда не мог понять, чего же ты хочешь. Хотя, по правде говоря, я никогда не об этом задумывался, но не думай, что я такой дурак — я знаю, что в твоём теле живет множество самых разных женщин, из которых я знал лишь немногих.

Я смотрела на него, отмечая, как он постарел. За последние недели он сильно похудел и даже усох, но в этот вечер состарился за считанные минуты. Я вдруг увидела, как велика ему стала одежда. У него были жилистые костлявые плечи; он сидел, опустив голову, и подбородок упирался в жесткий воротник военного кителя, а бицепсы казались более напряженными, чем когда-либо.

— Сними это, — сказала я. — Я тебе помогу.

Я принялась расстегивать золотые пуговицы, с этими пуговицами всегда было сплошное мучение: они с трудом влезали в петли. Я стянула рукав кителя и велела Андресу повернуться спиной, чтобы стащить другой. Затем поцеловала его в затылок.

— Ты и в самом деле хочешь умереть? — спросила я.

— Кто сказал, что я хочу умереть? Я вовсе не хочу умирать, но всё же умираю, неужели ты этого не видишь?

Эспарса и Тельес, два самых известных местных врача, время от времени лечили Андреса от простуды и диареи, а также всех заболеваний, которые он выдумывал каждые три дня. Они вошли, как всегда, с уверенностью и чопорным видом, готовясь выписать генералу аспирин в обертке другого цвета. Они уже привыкли к этой игре. В последнем месяце он вызывал их каждый раз, когда ему было нечем заняться или не с кем поговорить. Он страшно нуждался в том, чтобы вокруг него постоянно толпились люди, слушали его и кивали, и с тех пор как мы переехали в Мехико, а вместе с нами и большинство его обычных слушателей, Андрес всегда вызывал Эспарсу или Тельеса, а то и обоих одновременно, или судью Кабаньяса, чтобы скоротать болезнь за игрой в покер.

— Ну, генерал, от чего мы умираем сегодня? — поинтересовался Тельес, продолжая вместе с Эспарсой свой обычный ритуал. Они прослушали его сердце, пощупали пульс, велели глубоко дышать: вдох — выдох. Одним словом, всё как обычно. Единственным отличием были комментарии со стороны Андреса. Обычно во время осмотра он сообщал обо

всех своих ощущениях, самых противоречивых. У него болело и здесь, и там; и вот здесь, где прикоснулся доктор. В этот же вечер он ни разу не пожаловался на боль.

— Давайте, сволочи, делайте свое дело, — сказал он. — Я всё равно помру. Надеюсь, вы всё же всплакнете, хотя бы вспомнив о том, сколько из меня вытянули. Надеюсь, вы будете меня оплакивать, потому что эта старая карга, величающая себя моей женой, уже готова плясать. Достаточно на нее взглянуть, чтобы всё стало ясно. Она-то уж скучать не будет, ведь теперь она выглядит даже лучше, чем когда я ее нашел, хрен знает сколько лет назад. Сколько, Каталина? Ты была еще девчонкой. Попка у тебя была упругая, а голова упрямая. Хорошо хоть Родольфо за ней присмотрит. Бедняга Родольфо, вот ведь тупица.

— Ему нужно отдохнуть, — сказал Тельес. — Он принимал какие-нибудь возбуждающие средства? Кажется, он слишком взволнован. Вам нужно отдохнуть, генерал. Мы выпишем таблетки, они вас успокоят. Это все из-за усталости, завтра вам станет лучше. Завтра будет другой день.

— Вы правы, завтра будет другой день, еще более холодный и промозглый, чем сегодняшний, — проворчал Андрес. — И завтра я еще больше буду нуждаться в отдыхе. Все хотят моей смерти. Не желают понимать, как много я сделал для страны, и что не смогут без меня обойтись. Хотелось бы знать, как они запоют, когда окажутся в руках Фито и его тупицы-кандидата. Говорите, я устал? Это Тюфяк устал: он ведь не приучен думать головой. Надо же, выдвинуть Сьенфуэгоса!

— Ты уверен, что Сьенфуэгос будет кандидатом, кто тебе это сказал? — спросила я.

— Никто не говорил, просто знаю. Я много чего знаю, а лучше всего знаю своего кума, он отдастся с потрохами первому, кто попросит. Мартин его просил на тысячи ладов и надул, конечно же. Даже заставил воображать себя умным.

Сьенфуэгос был злейшим врагом Андреса, поскольку генерал не мог его тронуть. Не потому что боялся, и не потому, что тот был любимым министром Фито, а лишь из-за того, что Сьенфуэгос был профессиональным обольстителем и завоевал сердце доньи Эрминии, а донья Эрминия, родившая лишь одного Андреса, всегда пыталась найти ему братьев. Давным-давно она выбрала ему в братья Фито, тот даже какое-то время жил у них в доме, и пришла в восторг от улыбки и лести Мартина Сьенфуэгоса.

— Этот парень мне как сын, — сказала донья Эрминия. — Ты должен относиться к нему, как к родному брату, слышишь меня, Андрес Асенсио?

После этого Андрес окончательно перестал доверять сладким речам Сьенфуэгоса и полностью уверился, что тот — его злейший враг, мечтающий совершить переворот.

— Я привела тебе еще одного брата, — продолжала старуха. — И тебе стоило бы лучше о нем позаботиться, Андрес Асенсио, поскольку мне даже кажется, что он очень похож на твоего отца. Ты согласен стать моим новым сыном? — спросила она у Мартина, который слушал ее с большим вниманием, чем речи в парламенте.

— Для меня большая честь быть сыном столь достойной сеньоры, — ответил он, заключив донью Эрминию в объятия и целуя в лоб. Потом он нежно погладил ее по щекам и в довершение ритуала поцеловал обе руки.

Не припоминаю лучшей сцены сыновней любви. Он даже пустил слезу. Даже Андрес, боготворящий старуху, не мог бы сделать ничего подобного.

Из Сакатлана он вернулся сам не свой от ярости. Всю обратную дорогу он обзывал Сьенфуэгоса самозванцем и сукиным сыном — вроде бы в шутку, но я-то знала, что это не так.

— И это моя мать! — сказал он, сидя на кровати. — Ну и братьев мне преподнесла! Ни один ни черта не соображает. Сначала мягкотелый Тюфяк Кампос, а теперь еще сукин сын и мошенник Мартин. Вот ведь моя мать тупица, не понимает, на кого растрачивает улыбочки и поцелуйчики. Хорошо хоть я не унаследовал ее глупость, но Кампосу это удалось, даром что неродной. Достаточно на него взглянуть. Вылитый придурок, любит распустить перья, как павлин, и что-то бормочет о законах. Будто законным путем и вежливостью можно чего-то добиться. А он считает, что для всего нужен закон, даже изобрел такой, чтобы каждый мексиканец научился читать и писать. Думает, будто на этом все проблемы закончатся. Вскоре каждый индеец сможет написать свое имя, название страны и, конечно же, имя любимого президента. Наш Тюфяк просто гений, у него же это на роже написано. А его «братишка» и кандидат Мартин окончательно расправится с тем, что останется от страны. Эта скотина всё пустит с молотка. Очень скоро он исполнит мольбы трех тысяч безработных и продаст их гринго, вот тогда-то они поймут, почем фунт лиха. Он продаст и статую независимости, и могилу президента Хуареса, хоть половину Мехико. Мексиканские сувениры, завернутые в хрустящую бумагу. Всё как нынче принято, и не будем обращать внимания на свинство, глупость и прочую дрянь. Мексика станет другой. Жаль, что я умру, потому что при мне этому козлу в жизни не стать президентом, я бы его победил, несмотря на все его подлости и напыщенный вид. И я бы простил свою мать, этот сукин сын ее обдурил. Простил бы обеих матерей — ту шлюху, что его родила, и тупицу, которая приняла его как сына.

— Оставь эти глупости, что ты якобы умираешь, — сказала я. — Почему бы тебе не послушать доктора Тельеса: принять таблетку и поиграть в покер перед сном?

— Если я сейчас усну, то не смогу спать ночью, буду смотреть в потолок и раздумывать, есть ли кто-нибудь там, наверху.

— В таком случае, мы уходим, — сказал Эспарса.

— Да уж, пора, козлы, — ответил Андрес.

— Отдыхайте, генерал, не пейте кофе или коньяк, не нервничайте. Я вернусь завтра с утра пораньше и посмотрю, как у вас дела.

Мы остались вдвоем. Я присела на край его постели.

— Хочешь еще чаю? — спросила я, протягивая чашку.

Он поднялся, чтобы ее взять, и спросил:

— А ты чего хочешь, Каталина? Будешь флиртовать со Сьенфуэгосом? А кто такой Эфраим Уэрта [15]? И откуда он может знать, что одна твоя грудь плачет от любви и нежности к другой?

— Откуда ты знаешь эти стихи? — спросила я.

— В моем доме нет замков, которые я не смог бы открыть.

— И зачем тебе это?

— Он был другом Вивеса, верно? — спросил Андрес. — Только он плохо тебя знал. У тебя уже давно нет никаких слез — ни в грудях, ни в каком-либо другом месте. Ты даже изобразить их не можешь. А где твоя нежность, Каталина? Вот ведь наивный тип! Неудивительно, что он состоит в коммунистической партии.

Я подошла к окну. Да помирай уже наконец, бормотала я, а он всё говорил и говорил, но в конце концов уснул. Потом я легла рядом.

Через некоторое время он проснулся, положил руку мне между ног и стал меня ласкать. Я открыла глаза, подмигнула ему и сморщила нос.

— Почему бы тебе не встать и не позвать сюда Кабаньяса? — спросил он. — У меня болит нога.

— Может быть, лучше Тельеса? — предложила я.

— Нет, Кабаньяса, Каталина, я не могу терять времени.

Когда пришел Кабаньяс, Андрес уже не чувствовал ног, и язык с трудом ворочался у него во рту.

— Вы принесли оба экземпляра, Кабаньяс? — спросил он, сделав над собой усилие.

— Да, генерал, я все принес.

— Дайте мне оба.

— О чем это ты? — поинтересовалась я.

Он ничего не ответил — лишь поставил на документах подписи зелеными чернилами.

И вскоре умер.

Глава 26

Я позвала детей. Кто-то сообщил Родольфо, и в одиннадцать вечера он приехал. Он вошел — вместе со своим животом, медлительностью и привычкой командовать.

— Мы должны похоронить его в Сакатлане.

— Как скажешь, — ответила я.

— Он так хотел.

— Тогда и я тоже думаю, сеньор президент, что мы должны отвезти его в Сакатлан.

— Спасибо за понимание. Завещание я уже видел.

— Не за что. Надеюсь, всё пройдет хорошо.

— Если у тебя будут проблемы, можешь на меня рассчитывать, — сказал он.

— Надеюсь, что могу на тебя рассчитывать, но не буду иметь проблем.

— Я тебя не понимаю. Он был мне как брат, а ты его жена. Что я могу для тебя сделать?

— Просто не вмешивайся, ничем мне не помогай, и другими вдовами не занимайся. Все получают положенное, но за этим им придется прийти ко мне.

— Какие еще другие вдовы?

— Ты ведь не со своей женой говоришь. Я прекрасно знаю, что за другие вдовы и сколько есть еще детей, которые не живут с нами. Знаю, какие поместья предназначены для одних, а какие дома для других. Знаю, какие предприятия и сколько денег, знаю даже, кому какие предназначены часы и запонки.

Он молча кивнул и вышел, на миг задержавшись возле серого гроба. Попытался изобразить печальную мину, но это никого не могло обмануть.

Мой дом наполнился чужими людьми. Разумеется, их привлекло присутствие в доме Родольфо. Мужчины так и норовили сжать его в объятиях и хлопнуть по спине, женщины пожимали ему руку.

Я стояла по другую сторону гроба, не желая садиться. Всю ночь я пожимала чьи-то руки и обнималась с малознакомыми людьми. Я не плакала, лишь болтала без остановки. Для каждого человека я находила какие-то слова, вспоминала, где мы встречались и когда в последний раз виделись.

В два часа дня Фито прилег отдохнуть. Лусина принесла мне чай. Наконец-то я смогла присесть.

Рядом со мной сел Чеко. В эти минуты он казался почти ребенком.

— Как ты, мама? — спросил он.

— Все хорошо, жизнь моя. А ты?

— Тоже, — ответил он.

Больше мы не сказали ни слова.

Верания рано ушла спать. Марту осмотрел доктор — у нее кружилась голова.

— Я вижу, твой дружок даже не пришел выразить соболезнования, — заметила Адриана, когда мы остались наедине.

— Не смей так говорить, — сказала я.

— Не делай вид, что пытаешься меня воспитывать. Уже немного поздновато. К тому же все вокруг знают про Алонсо. Уверена, что он явится на похороны, как ни в чем не бывало, будто был другом покойного.

Она оказалась права. Как же она ненавидела Алонсо! Лилия, Марсела и Октавис оставались со мной до рассвета.

Всю ночь мимо меня тянулась вереница сочувствующих и соболезнующих, а я пока так и не ощутила себя вдовой.

— Преклоняюсь перед вашей стойкостью, сеньора, — сказал Бермудес — человек, всегда выступавший в роли церемониймейстера на политических мероприятиях в те времена, когда Андрес был губернатором.

— Мои поздравления, донья Каталина, — сказала супруга мэра.

Вот и всё. Думаю, я неплохо повеселилась в тот вечер.

Я находилась в центре всеобщего внимания, и это мне нравилось. Каждый входящий искал меня взглядом, и почти все стремились обнять меня и сказать хотя бы несколько слов в утешение, но больше всего мне понравились слова Хосефиты Рохас, вошедшей в гостиную решительным шагом и с гордо поднятой головой, с какой она всегда ходила по улицам — словно хотела проткнуть ей небо. Она никогда не пользовалась машиной и везде ходила только пешком. Жила она на холме Лорето и оттуда спускалась в центр города, к церкви святого Иакова или в гости, когда ее приглашали. Полагаю, что именно эти прогулки и поддерживали в ней жизнь. Хосефита крепко обняла меня, потом взяла за плечи и заглянула прямо в глаза.

— Ну что ж, — сказала она. — Я рада за тебя. Вдовство, знаешь ли, просто идеальное состояние для женщины. Супруг переселяется в мир иной, она отдает дань его памяти, как положено, а в остальном может делать все, что захочет, в том числе и то, чего не могла себе позволить при нем. Так вот, поверь моему опыту, что нет для женщины лучшего состояния, чем вдовство. Да еще в твоём возрасте. Если ты не повторишь свою ошибку, связав судьбу с другим мужчиной, скоро сама увидишь, что жизнь меняется к лучшему. Быть может, несколько неуместно тебе об этом говорить, но это правда, да простит меня покойник.

Было уже шесть часов утра, когда я решила, что пора переодеться и привести себя в порядок. К этому времени в гостиной уже почти никого не осталось. Я подошла к открытому гробу и посмотрела в лицо мертвому Андресу. Я надеялась увидеть какую-то мягкость в его чертах, сожаление о той боли, которую он причинил мне за годы совместной жизни. Но увидела лишь ту жесткую непримиримую гримасу, которая всегда проступала на его лице, когда он сердился, целыми днями не желая со мной разговаривать, озабоченный какими-то своими проблемами и мучимый головной болью, мешающей ему заснуть.

— Прощай, Андрес, — сказала я.

Скоро за тобой приедут, чтобы отвезти тебя в Сакатлан. Ты всегда хотел, чтобы тебя похоронили там, и Фито настроен тебе потакать. Как же ты уродлив! Видимо, ты навсегда

останешься в моей памяти таким — с этой твоей миной. Она меня всегда убивала. Я бы все же предпочла видеть на твоём лице иное выражение; у меня слишком много хлопот, чтобы ещё и переживать из-за твоей недовольной физиономии. Ты же, надеюсь, не хочешь, чтобы я повесилась от чувства вины? Ты слышал, что сказала Хосефита: без тебя мне будет намного лучше. О, как же мне не хочется идти на твои похороны; не сомневаюсь, что придется ехать в одной машине с Родольфо и всю дорогу до Сакатлана терпеть его общество. Ты будешь лежать в своём гробу, навсегда освободившись от этого наказания, а мне придется его выносить. Возможно, до конца дней. Когда же все это кончится? Лучше бы я никогда тебя не знала. Ты ведь был таким неотразимым и вскружил мне голову, когда я была совсем девчонкой.

Как ты заставлял меня смеяться, какой вызывал страх! Когда у тебя было такое выражения лица, я всегда боялась. С таким лицом ты угрожал убить Лолу. Мне-то какое дело, так ты сказал. И так во всем. Ты лишь хотел со мной трахаться, будто ничего не произошло. Что, не вышло? И кто же в этом виноват? Ты хотел, чтобы я тобой восхищалась, не переставала о тебе думать, пока ты творил ужасы? Хотел, чтобы я всё это приняла. Кем ты себя возомнил? Что ты никогда не оставишь меня в покое и будешь мучить, что я несмотря ни на что буду следовать за мужчиной, которому и так посвятила столько времени, что всю жизнь буду заниматься твоими детьми и женщинами? Ты этого хотел? Какое тебе дело до того, что думаю по этому поводу я, правда? Как думаешь, я доставлю им удовольствие и заграбастаю себе все деньги, чтобы они заявили, будто всегда знали, что я расчетливая сучка?

Или ты думаешь, что я собираюсь остановиться на полпути и воспользоваться любезным предложением Фито? Нет, Андрес, я собираюсь бросить клич и спросить, кто желает приобрести этот безобразный дом, кто претендует на те ранчо в горах, кому нужен дом в Санта-Хулии, а кому — в Ла-Мандарине, кому передать твой пай в совместном бизнесе с Хайсом, а кому — подпольное производство спирта; кому — арену для боя быков, а кому — кинотеатры и акции ипподрома, кому — большой дом в Мехико, а кому — твоих девочек. Ведь все это осталось без хозяина, Андрес, и все это нужно куда-то деть. Не беспокойся, я не собираюсь отнимать у твоей Ольги ее ранчо в Веракрусе, а у Канде — дом в Тесьютлане.

Я все же не сумасшедшая, мне не нужны чужие дома. Я хочу иметь свой собственный — не такой огромный, как этот; хочу, чтобы мой дом стоял на берегу моря, и я слышала рокот волн; хочу быть в нем хозяйкой, и чтобы никто мне не приказывал, не руководил и не критиковал. У меня будет дом, где я смогу вспоминать о счастливых минутах. О твоём смехе в тот далекий вечер, о наших верховых прогулках, о том дне, когда мы сели в «форд» и на полной скорости помчались в Мехико. Это была наша первая поездка в Мехико. О той ночи, когда ты сказал: «Позволь мне тебя раздеть» и начал медленно снимать с меня одежду, а я смотрела на тебя, пока не осталась совершенно голой. С тех пор я всегда смотрела на тебя с благодарностью.

Я дрожала от холода и еще оттого, что мне стыдно было стоять голой посреди комнаты. А потом ты стал сосать мои губы, подталкивая меня к кровати и шепча: «Как ты прекрасна!», как будто в первый раз меня видел, как будто мы прежде никогда не делили постель. А потом я вывернулась и скользнула под простыни со словами: «Все, Андрес, я спряталась, и ты меня не найдешь!» Тогда ты тоже забрался под простыни и коснулся пальцем моего пупка. «Что ты хранишь в этой пещерке?» — спросил ты, а я ответила: «Это

тайна». И мы с тобой всю ночь искали эту тайну — помнишь, Андрес?

А теперь я предвкушаю, как буду спать одна, и мне не придется перелезать через твои ноги и слушать твой храп. Мне стоило бы пойти спать, но я хочу поехать в Сакатлан. Да, я ненавижу это место, где всегда идет дождь, где столько закоулков и буераков, но я хочу видеть, как люди стоят у дверей своих домов, желая посмотреть на тебя мертвого, убедиться, что ты наконец-то умер. Хочу посмотреть на твоих работников, на тех, кто растит твой хлеб и пасет твой скот. Теперь они счастливы, сегодня вечером они будут пить фруктовый ликер и радоваться нашему горю. «Вон идет вдова, — скажут они. — Ишь, повесила нос! Пришла пора платить по счетам. Старый трухлявый гриб, козел, ворюга, убийца». «А ведь он милый», — скажет кто-то. «Совершенный безумец», — ответит донья Рафа, подруга твоей матушки. Ей уже сто двадцать лет, и она сможет посмотреть на тебя лишь из своего инвалидного кресла. «Полный безумец, — скажет она. — Я всегда говорила Эрминии, что ее мальчик не в своем уме».

«Он не безумный, он целеустремленный», — ответит твоя мать. И она права: «целеустремленный» звучит намного лучше. Ты ведь мне тоже понравился именно своей целеустремленностью; что еще могло в тебе привлечь? Ведь ты такой некрасивый. Сейчас я с трудом могу вспомнить тот далекий день, когда мы впервые встретились; если бы мы не встретились, я не пережила бы столько горя и уж конечно не сидела бы теперь здесь в одиночестве, наблюдая восход солнца и дожидаясь твоих похорон, охваченная чудовищной апатией. Но, так или иначе, мне пора одеваться. Как ты думаешь, что мне надеть? Вдовью вуаль? О нет. Порой ты подавал мне просто замечательные идеи. Помнишь, когда я купила красное шелковое платье в том магазинчике в Нью-Йорке? Я не хотела его покупать, но ты выбрал его, и мне понравилось его носить. Хотя вдова в красном будет выглядеть ужасно. Правда, в нем я гораздо лучше перенесла бы весь предстоящий фарс. Родольфо будет со мной любезничать.

Помню, как надела его в прошлом году на День независимости. Уже поздно вечером, после многочисленных тостов под звуки президентского оркестра, Фито потянул меня с собой на балкон. «В этом платье ты похожа на часть нашего флага, просто едва сдерживаюсь, чтобы не закричать «Да здравствует Мексика! Да здравствует независимость! Да здравствует мой кум, такой же прекрасный, как его родина!». Я тут же побежала тебя искать, а он за мной. «Я сказал твоей жене, какая она красивая. Ты же не обижаешься?», — сказал он, словно боялся, что я тебе нажалуюсь. Он так плохо тебя знал, хотя ты и был постоянно рядом, я-то уверена, что ты бы просто посмеялся. Уже поздно, пора переодеваться, ты же не хочешь, чтобы я плохо выглядела на похоронах? Там будут фотографии и Мартин Сьенфуэгос.

В итоге я надела платье из черного джерси и манто из русской чернобурки. Я не смогла найти туфли на низком каблуке. У меня было около девяноста пар обуви, но я не сумела найти среди этого изобилия удобные черные туфли. Ведь я одевалась в черное только на приемы. В конце концов, мне удалось отыскать закрытые туфли, потому что только Чофи могло бы прийти в голову носить пальто с босоножками. Затем я слегка подкрасилась: немного туши на ресницы, чуть-чуть помады на губы — и ничего более. Волосы я свернула в узел на затылке. Андрес сказал бы, что я выгляжу как самая добропорядочная вдова.

Мы выехали в девять. Траурный кортеж составляли около сорока машин. Таков был наш «интимный круг», как выражался генерал. Мне хотелось поехать вместе с Чеко и моим водителем Хуаном. Фито оказался столь любезен, что взял на себя доставку гроба, который

они вместе с Мартином Сьенфуэгосом и одним из лидеров профсоюза вынесли из дома и установили на катафалк.

— Мы с тобой поедem в «паккарде», — сказала я Чеко. — Позови Хуана.

Мы сели в «паккард», и Хуан пристроился позади машины Фито, которая следовала прямо за катафалком. Я подумала, что лучше бы он не маячил у меня перед глазами всю дорогу до кладбища.

Мы с Чеко сидели вдвоем на заднем сиденье. Я вытянула вперед ноги и поцеловала мальчика. Нам было хорошо вместе, но тут появился личный секретарь Родольфо и сказал, что президент велел мне пересестъ в другую машину.

— Поблагодарите его, мне вполне удобно и здесь, я не хочу оставлять мальчика одного.

Тот ушел, но вскоре вернулся, еще более непреклонный.

— Он требует, чтобы вы пересели вместе с мальчиком.

Мы все еще препирались, когда появился Фито собственной персоной. Секретарь открыл дверцу, и он влез к нам в машину, как к себе домой.

— Прости, Каталина, — сказал он, — я не знал, что ты уже устроилась. Просто я не хочу, чтобы ты ехала одна. Мы, в смысле ты и я, должны вместе ехать следом за катафалком. Ты не должна тащиться за моей машиной, ведь в эту минуту я не более чем член вашей семьи. Сегодня я не президент.

«Если ты не президент, то что от тебя останется, болван?» — хотела спросить я, но лишь улыбнулась с печальной гримасой, словно благодарила его за внимание, но горе не позволило мне выразить это словами.

Я уговорила его сесть в нашу машину. Она была огромной, на заднем сиденье легко умещалось пятеро. Стекло между задним сиденьем и водителем было опущено. Я никогда его не поднимала, мне нравилось болтать с Хуаном и слушать его песни. Родольфо первым делом попытался поднять стекло. Оно двигалось с трудом, поскольку редко использовалось, секретарь Фито приналег на ручку, пока она наконец не начала вращаться, а стекло не поднялось. Мне стало жаль Хуана, он не привык к такой грубости. Чеко тоже это заметил. Он любил Хуана. Столько лет Хуан был ему и за маму, и за папу. Чеко сказал, что хочет сесть на переднее сиденье, чтобы было получше видно. Я не стала спорить и открыла дверцу, он мигом пересел к Хуану и обернулся, чтобы посмотреть на меня. Вот противный мальчишка, оставил меня с Родольфо и его секретарем.

— Скажите Рехино, что увидимся на месте. Вы поедете с ним, — приказал Фито, и мы остались одни. Я закрыла голову руками и глубоко вздохнула. До чего ж меня раздражал сеньор президент!

Машины медленно двинулись вперед, как будто им вовсе не хотелось следовать на Французское кладбище.

— На этой скорости мы и за два дня не приедem, — сказала я Родольфо, когда мы в конце концов выехали из города. Он оглянулся. Веренице машин не было видно края.

— Ты права, — ответил он, опустил стекло и велел Хуану окликнуть водителя катафалка, на котором Андрес совершал свое последнее путешествие.

Думаю, Андрес бы порадовался, что на него смотрит столько народу. Поговорив с Родольфо, водитель катафалка послушно перешел на другую скорость — не столь траурную.

— Так лучше? — спросил Фито, поглаживая мою руку, затянутую в перчатку.

Мы выехали из города, и за окнами машины замелькали безрадостные серые деревушки. Таковы все деревни в предгорьях. У людей здесь мало возможностей разводить сады. Здесь

только серая земля и чумазые крестьяне. В некоторых деревушках нас встречали члены партии, стоящие с цветами на обочине. Всё это, конечно же, организовал губернатор. При виде делегаций траурный кортеж останавливался, глава делегации подходил к машине, и мы пожимали друг другу руки. Остальные возлагали цветы на катафалк, держа в руках шляпы.

Мне вдруг страшно захотелось спать. Я начала клевать носом, а глаза сами собой стали слипаться.

— Думаю, тебе стоит устроиться поудобнее и поспать, — сказал Фито.

Вот уж чего мне совсем не хотелось. Мне страшно было подумать о том, что во сне я могу потерять контроль над собой, захрапеть или даже уронить несколько капель слюны. Я боялась даже подумать о подобном унижении. Я предпочла говорить с ним — о нем самом, об Андресе, о детях, о стране, о войне.

Никогда прежде мы с ним не говорили так долго. И надо сказать, он оказался не столь тупым, каким я его всегда считала. И вовсе не таким уж скучным. Или, быть может, мне так показалось, поскольку в конце концов мы заговорили о новых выборах и о том, кто что думает о каждом из кандидатов. Мне удалось выяснить, что своим кандидатом он выбрал Сьенфуэгоса. Он говорил об этом, пока мы не прибыли в Сакатлан. Было уже пять часов вечера.

На улицах толпились зеваки. «Все на меня смотрят» — гласила надпись на грузовике, стоящем у дороги. Я подумала, что так и есть. «Вечно на меня все глазают и критикуют», — говаривал Андрес.

Мы свернули на главную площадь, чтобы забрать донью Эрминию. Фито обнял ее.

Там, на улице, в объятьях Родольфо, она показалась мне совсем постаревшей и еще более хрупкой, чем когда-либо. Однако, едва сев в машину, она вновь надела маску сильной и независимой женщины. Она не произнесла ни слова и не проронила ни единой слезинки. А ведь ей было уже девяносто четыре года.

На кладбище нам предстояло выслушать двадцать надгробных речей. Я уже думала, что конца им не будет. Верания и Чеко стояли рядом — словно на репетиции какого-то сентиментального фильма, где нам предстояло изображать семейное горе. Верания позволила мне обнять ее за плечи, а Чеко крепко сжал мою руку, как возлюбленный.

Когда могильщики собрались засыпать землей могилу их отца, я велела детям взять по горсти земли и бросить на гроб, прежде чем это сделают чужие люди.

Я стояла, молча глядя под ноги, как и они. Зачерпнула горсть земли и бросила ее на крышку гроба, уже стоявшего на дне черной ямы. Верания и Чеко тоже бросили в могилу по щепотке земли, за ними потянулись остальные дети Андреса. Я старалась вспомнить его лицо — и не могла. Хотела почувствовать боль из-за того, что никогда больше его не увижу — и тоже не могла. Единственное, что я ощущала в эту минуту — это чувство свободы. И мне вдруг стало страшно.

Мне захотелось сесть на землю — просто чтобы не встречаться глазами с другими людьми. Захотелось испытывать горе — как Лилия, которая всхлипывала, и по ее щекам текла тушь, как Марсела, припавшая к плечу Октавио, как Верания, казавшаяся такой изумленной и потерянной.

Я вспомнила, как хоронили Карлоса, каких усилий мне тогда стоило сдержать слезы. Как наяву, я увидела его улыбку и взлетающие руки.

И тогда, наконец, я заплакала, как подобает добропорядочной вдове — заплакала еще горше, чем дети.

Чeko сжал мою руку, а Верания ласково погладила по плечу. И тут начался дождь. Здесь, в Сакатланe, всегда идет дождь. Но мне было уже все равно, идет ли дождь в этом городишке, ведь я приехала сюда в последний раз. Я думала об этом все время, пока плакала, и потом, когда перестала. Мне больше не придется сюда приезжать, как не придется больше делать многогo другого. Теперь я осталась одна, и никто больше мне не указ. А в жизни еще столько всего интересного, думала я под шелест дождя. Я сидела прямо на земле, пересыпая из ладони в ладонь влажную землю с могилы Андреса. Я думала о будущем и чувствовала себя почти счастливой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

1

Бенито Пабло Хуарес Гарсия (1806-1872) — президент Мексики в 1858-1872 годах.

(<< back)

2

Восстание кристерос (1926-1929) — военный конфликт в Мексике между федеральными силами и повстанцами кристерос, боровшимися против положений конституции 1917 года, направленных на ограничение роли католической церкви в стране.

(<< back)

3

Тамале — лепёшка из кукурузной муки, обёрнутая кукурузными листьями, приготовленная на пару. Может быть с начинкой из мясного фарша, сыров, фруктов или овощей.

(<< back)

4

Венустиано Карранса де ла Гарса (1859-1920) — мексиканский государственный и политический деятель, участник Мексиканской революции, с 1914 по 1917 глава правительства конституционалистов (формально Карранса не стал вступать в должность временного президента), президент Мексики с 11 марта 1917 по 21 мая 1920.

(<< back)

5

План Айялы — документ, в котором лидер революции Эмилиано Сапата объявлял президента Мадеро низложенным за предательство идеалов революции и провозглашал начало земельной реформы. Это план называли «Священным писанием» сапатистов. Название получит от города Айялы, где был подписан.

([<< back](#))

6

Кармен Сердан (1875-1948) — участница мексиканской революции. Работала вместе со своим братом во время избирательной кампании Франсиско Мадуро.

([<< back](#))

7

Тинга — жареные куриные крылышки в остром соусе чили.

([<< back](#))

8

«Железный дворец» — универсальный магазин в Мехико. Был построен в конце XIX века и поучил в народе такое название, поскольку находился в одном из первых многоэтажных зданий из стекла и бетона в городе.

([<< back](#))

9

Тайрон Эдмунд Пауэр (1914-1958) — американский актёр, наиболее известный своими романтическими ролями в классических голливудских фильмах 1930-1950-х годов.

([<< back](#))

10

Долорес дель Рио (1905-1983) — мексиканская актриса, ставшая популярной в Голливуде в эпоху немого кино.

([<< back](#))

11

Мария Феликс (1914-2002) — мексиканская киноактриса, модель, натурщица, крупнейшая актриса золотого века мексиканского кино — 1940-1960-х годов.

([<< back](#))

12

Как мило (англ.)

([<< back](#))

13

«Лос-Пинос» — с 1934 года официальная резиденция президента Мексиканских Соединённых Штатов.

(<< back)

14

Посоле — густой мексиканский суп-рагу.

(<< back)

15

Эфраим Уэрта (1914-1982) — мексиканский поэт и журналист.

(<< back)